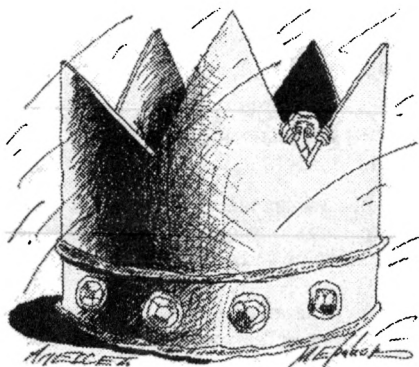

Александр МИНКИН

Александр МИНКИН

ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
М62

На переплете и в тексте иллюстрации Андрея Будаева

На титульном листе иллюстрация Алексея Маринова

Оформление и компьютерный дизайн Владислава Воронина

Подписано в печать 07.08.06. Формат 84х108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4925.

Минкин, А.

**М62 Письма президенту / Александр Минкин. — М.: АСТ: АСТ
МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 285, [3] с.**

ISBN 5-17-039330-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-3515-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9762-1114-3 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Цикл статей «Письма президенту» известного журналиста Александра МИНКИНА... Серьезные, волнующие всех проблемы, жесткие, прямые вопросы, особая доверительная интонация, то ли насмешливая, то ли сочувственная...

«Письма» начали печататься в «Московском комсомольце» в 2004-м. Успех пришел мгновенно, и сразу же возникший невероятный интерес к ним не утихает до сих пор. О популярности этих заметок лучше всего говорит факт: свыше пятидесяти сайтов размещают у себя «Письма президенту», публикуют отклики на них, устраивают обсуждения.

В январе 2005-го цикл «Письма президенту» был награжден высшей премией Союза журналистов России в номинации «Событие года».

С тех пор президент получил еще...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

© А. Минкин, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

У вас в руках история нашей Родины. И не двух-трех последних лет, а вся.

У вас в руках переписка с императором. Его называют президентом, но это формальность. И выборы — формальность, а вовсе не демократия.

Выбирали римских императоров, выбирали русских царей (Годунова, Романова, Рюриков тоже кто-то выбрал, когда их пригласили).

Одни такие выборы описаны у Пушкина:

НАРОД *(на коленях. Вой и плач)*

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!

Будь наш отец, наш царь.

Это — выборы Бориса Годунова. А вот объявлены результаты:

НАРОД

Венец за ним! он царь! он согласился!

Борис наш царь! да здравствует Борис!

Это ликование так похоже на выборы Ельцина (на первый срок), что в начале 1990-х так и подмывало цитировать эти строки чуть ли не в каждой заметке.

Но ведь мы знаем, чем кончается трагедия Пушкина. Или забыли?.. Все помнят последнюю ремарку «*Народ безмолвствует*». Однако за минуту до этого безмолвия, до этой кладбищенской тишины, происходит довольно-таки живая сцена:

МУЖИК

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!

Ступай! вязать Борисова щенка!

НАРОД (*несется толпою*)

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!

Да гибнет род Бориса Годунова!

Этот народ, который, по ужасному выражению Пушкина, «несется толпою», — тот же самый. Он умолял Бориса стать царем. А теперь готов утопить невинного подростка. Потом, конечно, народ будет в ужасе безмолвствовать, но сперва все-таки хочет утопить.

Прошло 400 лет, народ остался тот же самый. Оставалось только подождать. Вскоре все сбылось.

Потрясающе интересно: узнавать в сегодня (в новом! в, казалось бы, уникальном!) классическое вчера и позавчера — вечность.

Жизнь полна загадок. Мы их не замечаем, не осознаем. Мы внутри загадок живем, но не понимаем, не знаем разгадок.

Жизнь фантастически изменилась: мобильники, компьютеры, летаем в космос. Но открываешь самый современный учебник ОБЖ, а там подробнейшая инструкция: как правильно ползать по-пластунски. Современные дети, компьютеризированные дети XXI века учатся ползать, как до Петра Великого, до Ивана Грозного, до царя Гороха, и думают, наверное, что «по-пластунски» от слова «пластилин», не зная, что были такие казаки-пластуны, охотившиеся на турок на окраинах Российской империи (там, где теперь суверенная Украина).

...Император слабо представляет себе жизнь подданных.

Он — человек, и может заболеть, как все. У него две руки, две ноги — как у всех. Но он не ходит в аптеку никогда. Не знает цен. Для него нет понятий «закрыто на обед», «закрыто на учет», «санитарный день». А главное: когда он принимает лекарство (ртом, как все), он уверен (и мы уверены), что оно настоящее. А наши лекарства в аптеках на 60% (а по некоторым данным — на 80) — фальшивка, то есть не лечат, а отравляют.

Конечно, он кажется себе гением; ну не случайно же он стал императором. И — тем более — не по воле же беглого, наглого,

подлого гада. ...Или все же Божий перст? Последний вариант гораздо приятнее.

То, что вы сейчас читаете, и то, что вы при этом чувствуете, грубо говоря, называется думать. Люди иногда любят думать.

Это как кроссворд, только интереснее. Ты разгадываешь загадки Неба и Судьбы, а не вписываешь буквы в квадратики, пытаешься отгадать какое-то растение из трех букв.

И еще люди любят, чтоб их мысли были сказаны вслух. И если они вдруг натываются в книге или в газете на собственные мысли, им становится не так одиноко, им даже становится радостно, и они кричат жене: «Клава! Вот же я тебе вчера говорил! Вот смотри — точь-в-точь мои слова!»

Всего-то и делов: угадать его мысли и правильно их записать. И тогда получаешь письма читателей, а там (чуть ли не в каждом): «готовы подписаться под каждым вашим словом».

Это не под моими словами они готовы подписаться, а под своими собственными мыслями.

№ 1

«ПИСЬМА ПРЕЗИДЕНТУ»*

Уважаемый Владимир Владимирович! Вступая в должность (давно это было), вы сказали: «В России президент отвечает за всё!» Это на самом деле так. И не важно, были ли это искренние слова или всего лишь предвыборный слоган (агитка).

Но похоже, рядом с вами нет никого, кто решился бы задать неприятный вопрос: «отвечаю за всё» — перед кем?

Перед народом? Перед Богом? Перед собственной совестью?

Перед народом — конечно, нет. При нашей системе выборов (нечестная пропаганда, нечестный подсчет), при нашей управляемой демократии не мы считаем: сколько людей пришло, сколько было «за». И в 2008-м только вы будете решать: уйти или остаться? Как остались Назарбаев, Каримов, Лукашенко, Туркменбаши**.

Перед Богом — это если не только действительно верите (чего знать никто не может), но и соблюдаете заповеди (что для политика почти исключено).

Перед своей совестью — ну, это самое простое. Взрослые люди (особенно родом из СССР и уж тем более с такой непростой биографией) удивительно умеют договариваться с собственной совестью.

А если так, если нет высшей инстанции, которая может (и вправе) требовать к ответу, то «ответственность» — пустой звук.

* Этот заголовок потом превратился в рубрику.

** С тех пор Назарбаев остался еще раз, а Лукашенко и Туркменбаши стали пожизненными. — *Здесь и далее примечания сделаны автором при подготовке книги к печати.*

Любимое выражение «правых»*: «Мы никогда не боялись брать на себя ответственность!» Напрасно они этим гордятся, ибо ответственность для них никогда не наступала. Несмотря на все преступления. А раз ответственность не наступает — чего ж ее бояться?

Иногда мы видим изображение ответственности.

После убийства Кадырова вы слетали в Чечню. После трагедии в Назрани слетали в Ингушетию. Эти полеты — большой риск, может быть, даже недопустимый для Президента России. Эти полеты — демонстрация личной храбрости. Но что это дает?

Делу — ничего. Тайно и с суперохраной летать по своей стране, заменять личной храбростью политику... Лучше бы ваши подчиненные доставили в Москву живого Басаева. Именно живого, ведь он так много знает о наших политиках, бизнесменах...

Считается, что журналист должен обращаться к читателям, к общественному мнению. Но у нас особенная страна — читатели есть, а общественного мнения нет. Точнее, оно у нас маленькое и больное: до крайности раздраженное, но тихое, ругается только на кухне, в курилке...

Люди покупают газету, читают — то есть делают что-то реальное (измеряемое в рублях, минутах, экземплярах). А общественное мнение? Покажите его реальное действие.

Все утверждали, что «Намедни» — лучшая телепередача. По воскресеньям ее только в Москве смотрел миллион человек. И неплохой миллион — не бомжи, не проститутки... Миллион политически грамотных, высокосознательных, умных, образованных. И даже эти сознательные не вышли на улицу в защиту «Намедни». Ни один.

Да, их не призывали на митинг, не обещали бесплатный рок-концерт и кепочку. Но нормальный гражданин должен выходить сам. В Праге заступаться за ТВ вышел каждый третий горожанин (в Москве это получилось бы три миллиона). В Лондоне больше миллиона вышли против войны в Ираке (отнюдь не по призыву Хусейна). В Москве, в августе 1991-го, люди сами пошли защищать свои убеждения. Против танков! Ведь никто не знал, будет армия стрелять или нет.

* У меня было «чубайсов». Пришлось заменить на «правых».

Но вышло так, что самые искренние и честные, защищая в 1991-м свои убеждения, обеспечили свое скорое разорение. Власть, за которую они рискнули жизнью, обернулась к ним своею азиатской...

Искренним, смелым и честным надолго отбили охоту чего-то там защищать. А у неискренних и нечестных такой охоты и раньше не было. Вот и настала тишина.

Некоторые за решением своих проблем обращаются к генеральному прокурору. Но если даже вы, Владимир Владимирович, не можете иногда до него дозвониться, то, конечно, для журналиста это просто исключено.

Кроме того, генеральный прокурор не избирается народом. Значит, ответственности (даже теоретической) перед нами не несет. А раз так — то и взывать бесполезно.

К депутатам? Моих депутатов в Думе нет. Но если бы и были...

Дума, уважаемый Владимир Владимирович, это теперь такая... Не буду говорить грубые слова «банда», «бордель» — тем более что банды хотя и зло, но обладающее некоторой свободой воли: они сами решают, кого грабить-убивать.

Дума — это, скажем ласково, изюм в шоколаде. Владелец может есть его сам, может угощать, может хранить в шкафу. Но решения принимать изюм не может, а если его еще и шоколадом облепили...

Итак, что-либо делать (в государственном масштабе), что-либо решать можете лишь вы, Владимир Владимирович.

И российскому журналисту, чтобы чего-то добиться, приходится обращаться именно и только к вам.

Послать письмо по почте? Вы лучше меня знаете, что оно не дойдет. То есть дойдет до старшего помощника младшего дворника. И мы получим официальный ответ: «Спасибо, ваше мнение будет учтено».

«Учтено» — это что? Записано в книгу учета и сдано в архив?

Письмо, напечатанное в газете, конечно, не обязывает вас к ответу. Ну а вдруг... Ведь нам лично ничего от вас не надо. А раз ничего личного — диалог наш будет важен для страны.

Когда к вам приходят воротилы, это называется «диалог бизнеса и власти». Но это неправильное название. Допрос подозреваемого или прошение о помиловании не стоит называть диалогом. Акулы-олигархи стремятся в Кремль лишь затем, чтобы узнать: арестуют ли их? отнимут ли бизнес и деньги? Это не диалог. Это разведка, причем ползком, извиваясь.

С подчиненными тоже не поговоришь по-человечески. Они зависимы, заняты внутривидовой борьбой... не будем продолжать эту мысль, потому что свое окружение вы хорошо знаете.

Это первое письмо такое длинное, потому что мне хотелось как можно понятнее объяснить, почему решил вам писать. Следующие письма, обещаю, будут короткими и простыми; один-два вопроса, не более.

Вот, например. Вами обещано удвоение ВВП. Означает ли это, что через семь-восемь лет каждый станет жить вдвое лучше, чем сейчас?

Если так, то выходит, что пенсионер, получающий сто долларов, будет получать двести. А министр, получающий сейчас три тысячи долларов, будет получать шесть.

Сейчас разница между пенсионером и министром 2900 долларов в месяц. А будет — 5800*.

Людам, Владимир Владимирович, очень интересно, что вы об этом на самом деле думаете.

24 июня 2004

P.S. Сразу, с первого письма, обращение «вы» с маленькой буквы. Читатели это заметили, некоторых это возмутило. Но тут действительно есть проблема. Подъем местоимения в Библии, в Евангелии относится исключительно к Богу. «Вы» с большой — это официально принятая норма у чиновников. А в частной переписке — чаще знак неблизкого знакомства, чем высокого уважения.

Обращение на ты выглядело бы как недопустимая, отталкивающая, глупая фамильярность, а на вы — как просьба, как

* Сбылось, точнее, начало сбываться. У депутата и министра уже 4 тысячи долларов, а у пенсионеров 150. Была разница 2900, стала — 3850.

соблюдение придворного этикета. Тогда уж лучше последовать совету Стародума из «Недоросля» Фонвизина:

СТАРОДУМ. Я говорю без чинов. Начинаются чины, — перестает искренность... Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих...

№ 2

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Уважаемый Владимир Владимирович! Вы живете где-то на Рублевском шоссе. Мы это знаем, потому что два раза в день Рублевку перекрывают (но мы почти не ропщем).

Может, вам попался журнал «На Рублевке»? Сам о себе он сообщает, что распространяется во всяких элитных местах: Барвихах, Жуковках, тамошних ресторанах и клубах — вдоль всей вашей трассы. Так что, может, и вам его подбрасывают в прихожую.

Считается, что в этом журнале отражается новый стиль новой жизни новых русских. Вас, Владимир Владимирович, это тоже касается, потому что ваши министры, депутаты и сенаторы тоже все там живут, едят, покупают и играют — то есть по образу жизни мало чем отличаются от олигархов. Разве что те платят, а эти получают приглашения.

То, что волнует всю страну, в этом журнале не отражается. Ни слова о войне, ни слова об отъеме льгот. Его читателям ничто из этого не грозит. Они живут на другой планете.

В этом журнале напечатано интервью артистки, которая когда-то сыграла бесприданницу Островского в фильме «Жестокий романс» (там ее Михалков обесчестил). У артистки спрашивают:

— Какую характеристику ты бы дала нашему президенту?

Артистка отвечает:

— Когда Путин только стал президентом, он мне сразу жутко понравился... Кажется, он классный мужик. У него инстинкты молодого мужчины, которому ничто не чуждо, — и это очень приятно. Это не антиквариат, который что-то мямлит под нос и поти-

хоньку киряет со старой ненавистной женой. Он мобилен, спортивен, не толстый, что очень важно для руководителя страны. Президент не должен быть толстым. Толстый — значит, неправильно питается, есть проблемы со здоровьем. Это не образ для лидера.

Согласитесь, Владимир Владимирович, все это очень откровенно. Она говорит, что вы ей понравились, **как только стали президентом**. Значит, прежде она вас в упор не видела. Даже когда вы были шефом ФСБ, а потом премьер-министром. Мало кто признается, что любит должность (кошелек), а не человека, но тем ценнее такое признание.

Про инстинкты — очень скользкое место. Что такое «инстинкты молодого, которому ничто не чуждо»? Что такое «ничто не чуждо» с позиции инстинктов? Насчет того, что старая жена означает ненавистную жену, — это тоже очень смело. Похоже на совет менять почаще...

Здоровые инстинкты, отличная спортивная форма — все это важно, артистка права. Но у нее попросили **характеристику президента**, и там не оказалось ума, чести, справедливости, доброты...

Увы, есть дамы, склонные путать руководителя с производителем. Пока дамы обсуждают это между собой — ради Бога.

Но журнал предлагает нам новый стиль, новое мышление, новое отношение к жизни. Он показывает, «как надо», «как правильно».

Скажут: артистка не в счет, мелочь, по ней нельзя судить о высшем обществе. Но ученые по одной гнилой косточке могут восстановить облик доисторического чудовища (ящера).

Эх, не в артистке дело. Если б ее образ мыслей был высмеян или хотя бы подвергся самой легкой критике... Нет, этот образ мыслей подан как образец. Интервью занимает в журнале центральное место, видимо, совпало с веяниями.

И рассуждения, каким должен быть настоящий президент, помещены в финал статьи. Как учил ваш знаменитый коллега (Штирлиц): запоминается последняя фраза.

...Недавно опубликовали опрос:

Чем можно прославиться в современной России?

ответы
москвичей
(в процентах):

Подвиг — на последнем месте. Талант «по рейтингу» втрое ниже скандала.

Владимир Владимирович, нам кажется, что в нормальной стране у нормальных граждан должно быть все наоборот.

Любям интересно, что вы об этом думаете.

2 июля 2004

№ 3

КОМУ ХОЧУ — ТОМУ ДАЮ

Уважаемый Владимир Владимирович! У пенсионеров отнимают оставшиеся льготы (часть уже отнята)*. стыдно смотреть, как они всполошились из-за несчастных грошей.

Им предлагают не конфискацию, а компенсацию — то есть полноценную замену (*compensatio*, *лат.* — уравнивать, возмещать). По суммам, которые обещает правительство, видно, что лекарства, транспорт стоят не так уж много. И из-за такой ерунды такой шум.

С другой стороны, если льготы действительно так дешевы — зачем их отнимать? Зачем нервировать, зачем доводить миллионы стариков до инфаркта?

А если отнимать — то у всех.

Есть многочисленная группа молодых, богатых, здоровых и крепких граждан, которые получают несравнимо большие льготы, чем старые и больные. И если уж отнимать льготы — то огромные и у крепышей.

Но у них — не отнимают. Им добавляют. Интересно, откуда берется их добавка?

В первом письме к вам, Владимир Владимирович, мы обращали ваше внимание на разницу между пенсионером и министром. Пенсионер получает сто долларов в месяц, министр — три тысячи. (Речь шла о том, что, когда состоится обещанное удвоение ВВП, пенсионер станет, видимо, получать двести долларов в месяц, а министр — шесть тысяч. В результате разница в уровне их жизни будет еще лучше.)

* Основные были отняты с 1 января 2005 года.

Вы не ответили, но откликов пришло много. И лишь одно письмо было в защиту министров. Мол, журналист, как Шариков, считает деньги в чужом кармане, а на самом деле шесть тысяч долларов в месяц — не так уж и много.

Для министра действительно немного. Есть страны, где они получают больше, есть — где меньше. Но у нас, повторим, дело не в сумме, а в разнице между министром и пенсионером. В тридцать раз.

Деньги в кармане министра нам не чужие. Пока министр кладет в карман зарплату и законные (очень большие) прибавки — это деньги наши, из наших налогов. А когда он туда кладет взятку, то опять-таки это деньги наши. Ибо, чтобы дать взятку министру, бизнесмен поднимает цены (на хлеб, на бензин, на одежду, на лекарства) и все равно с лихвой сдирает с нас все свои расходы. Чтобы и чиновнику дать, и себе оставить.

Недавно высшим чиновникам многократно увеличили зарплату. (Жаль, для красоты эксперимента это не совместили по времени с отъемом льгот.) У министра было около шестисот, а стало три тысячи долларов в месяц. Цель благородная. Мол, они начнут получать достойную плату за свой труд и перестанут брать взятки. Если это настоящая причина, тогда непонятно, зачем сильно повысили зарплату лично вам?

Уважаемый Владимир Владимирович, чтобы чиновники хорошо работали (имеется в виду для народа), у них должна быть совесть. Деньги у них и так есть, и мы это видим. А совести не видим. Неужели они пойдут и на новую зарплату купят совесть? Но ведь тогда им станет стыдно получать в сто раз больше ветерана войны. И они опять продадут ее, чтобы не мучиться.

А пенсионерам взяток никто не дает. Поэтому и нет смысла высокой пенсией защищать их от соблазна.

Льготы пенсионера: на автобус, на квартиру, на лекарства.

Льготы министра: машина, два-три шофера, бензин (его уходит много: утром надо приехать за министром, потом отвезти его куда-нибудь, вечером отвезти домой, потом гнать машину в гараж. Грубо говоря, если частник за день проезжает по маршруту «дом—работа» два раза, то служебная машина — четыре). А квартира, а спецбольницы...

Высокопоставленным чиновникам предоставляется служебное загородное жилье. Чиновник платит за него около ста

долларов в месяц. Но бизнесменам такую квартиру Управление делами Президента РФ сдает по реальной цене: 5000 долларов в месяц. Таким образом, чиновник платит всего 2%; только квартирная льгота чиновника обходится государству в 4900 долларов в месяц (почти 150 тысяч рублей).

В нашей Конституции, уважаемый Владимир Владимирович, в статье 19, п. 2, сказано: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от... должностного положения». Там еще перечислены пол, национальность, религия, но нас сейчас интересует только равенство прав независимо от должности.

Как по-вашему, Владимир Владимирович, соблюдается ли эта статья Конституции, гарантом которой вы являетесь по должностному положению?

Продолжая заглядывать в министерский карман, получим: зарплата — 3000, квартирная льгота — 4900, ежемесячное содержание «Ауди А8» или «мерседеса» — 1000, зарплата водителей — 1500, мобильные телефоны в кармане, в машине...

Все перечислять — места не хватит. Но ясно, что такой господин обходится нам гораздо дороже десяти тысяч долларов в месяц. В сто, а то и в двести раз дороже пенсионера.

Похоже, чиновники не заработали эти деньги. Похоже, они сняли их со сберкнижки. Чьей? Похоже, что молодым министрам через льготы возвращают сбережения наших бабушек. А бабушкам платят пенсию.

В двести раз — это слишком большая разница.

Это другая планета.

Эти люди не в состоянии понять, как живет народ. Они слышат об этом, иногда видят по телевизору, но не понимают.

Есть небольшая страна, чей ВВП мало отличается от нашего. В Швейцарии ничего нет. Там нет нефти, газа, золота, алмазов... По сравнению с нами у них даже территории нет. И народу мало — всего 7 миллионов.

ВВП России — 240 миллиардов долларов, ВВП Швейцарии — 231 миллиард. По населению они в 20 раз меньше, а производят столько же. Работают много. Но живут дольше и умирают реже и позже.

Доход на душу населения отличается сильно. У нас — 1440 долларов в год, у них — 38 300.

Министр получает там 20 000 долларов в месяц (президент — чуть-чуть больше, но президентский срок там — один год). Никаких льгот у министра нет.

Прожиточный минимум там — 2300 долларов в месяц на человека. И никто не живет ниже минимума. Если не хватает — государство доплачивает. Выходит, разница между пенсионером и министром у них максимум в девять раз, а не в сто, как у нас.

Учитель там получает 50 000 долларов в год, профессор университета — 120 000 в год, то есть в два раза меньше министра. А у нас — в тридцать раз меньше (если не считать министерских льгот).

И с пенсией там просто. Человек получает пенсию, равную 75 процентам последней зарплаты. Значит, пенсия учителя — 3000 долларов в месяц, а профессора — 7500.

Извините, если утомил вас цифрами. В следующий раз напишу о душе. Но уверяю вас: пожилые граждане в нашей стране последние месяцы непрерывно складывают, вычитают, делят и умножают. И получается у них плохо.

7 июля 2004

P.S. Некоторые темы в этой книге повторяются, увы. Льготы, фальшивые лекарства, Басаев... Но это жизнь виновата, а не автор. Если людям снова и снова продают отраву, приходится снова и снова об этом писать. И другого способа у журналиста нет. А у людей есть. Стоит миллионам выйти на улицу, и — как по волшебству — они получают все. Но ненадолго.

№ 4

ПО ШПАЛАМ, БЛИН...*

Уважаемый Владимир Владимирович! Не в деньгах счастье, вы же знаете. Но как посмотришь с холодным вниманием вокруг — всё измеряют только деньгами.

Когда вы отправились куда-то на встречу G8 (Grand — грандиозный, великолепный, роскошный; «Большая восьмерка» была бы В8 — Big, большой), газеты напечатали таблицу — «уровень жизни» ваших стран: ВВП в долларах на душу.

* Было «бля», ибо эта строчка из старой хулиганской песни «А я, как падла, с котелком, по шпалам, бля, по шпалам, бля, по шпалам...». В те времена никакого «блин» не было.

Не знаю, что хотели этим сказать. Может быть, показывали: мол, куда со свиным рылом в калашный ряд. Мол, тоже мне член «Большой восьмерки», а сами втрое-вчетверо беднее остальных семи. Мол, те семь и есть Grand'ы, а нас туда взяли, чтоб не злить ядерную дубину. Чтобы умаслить, чтобы не мешала расширять НАТО, бомбить Югославию и т.д.

Но нам эта табличка вовсе не кажется укором и насмешкой. Напротив: быть всего лишь втрое беднее самых богатых — это здорово!

Не в деньгах счастье, уважаемый Владимир Владимирович. И даже не в их количестве. Это циничное добавление с вашей помощью опровергнуто. Поглядите на северо-восток из своего кремлевского кабинета. Там, в шести километрах от вас, в камере «Матросской Тишины» сидит человек, которого безумное количество денег не сделало счастливым. И даже наоборот: именно количество денег сделало его несчастным*.

Нет, не в деньгах счастье, Владимир Владимирович. А значит, и жизнь — не в них.

Отчего же нам навязывают оценку уровня жизни в рублях (долларах)? Нет, табличка показывает всего лишь уровень богатства.

Если мерить по ВВП, то Россия равна Швейцарии. А если мерить «на душу», то мы (каждый) в двадцать раз беднее. А если мерить по площади, то мы (каждый) в двадцать раз богаче, точнее — нам в двадцать раз просторнее.

А все равно почему-то тесно.

Недавно я уступил вам дорогу. Такая радость! — езжу теперь на электричке, не надо стоять в пробках, дышать отравленным выхлопом тысяч стиснутых машин. А то несколько лет чуть не каждый день попадал в эти страшные заторы (потому что наши с вами маршруты частично совпадают — Рублевка, Кутузовский). Вы-то несетесь с ветерком. Та дорога, которая занимает у вас десять минут, у нас — полтора часа. Ну и зачем я упирался? В летнее время электрички перевозят много миллионов людей. Билеты, правда, теперь недешевы, зато экономятся бензин, тормозные колодки, нервы. И никакой бандит на

* Теперь он в тысячу раз дальше (в том же направлении).

«шестисотом» не подрежет. И никакой придурок с федеральными номерами не оттеснит, отвратительно крикая и квакая спецсигналом. В дороге можно читать. По вагонам вереницей идут продавцы, увлекательно расхваливают свой товар — купить можно что угодно и очень дешево.

Первым делом у такого разносчика я купил «Совершенно новое расписание! Всего за десять рублей!» — там с точностью до минуты...

На следующий день глянул в расписание — батюшки! через десять минут электричка! Как я бежал! — хотелось на работу... Взлетел на платформу Перхушково — чувствую: что-то не так. Ни души. Старичок какой-то пьяненький лежит, девочки какие-то пьяненькие (выпускницы) — три бутылки пива на пятёрках по кругу, у одной ребеночек в коляске... А вот людей, с виду спешащих на работу, — ни души.

Побрел к кассе. Там ужас. Окошко заперто, а на окошке на клочках бумаги перечислены отмененные и (еще хуже) «перенесенные» электрички.

9.03, 9.26, 10.38, 11.04, 11.16 и еще пять — отменены. Двум электричкам (одна из которых в 7.40, смешно) — сделано обрезание маршрута, то есть они не доходят до того места, которое обозначено в новом расписании «всего за десять рублей».

Электричка 10.08 отправляется в 12.06, а 11.48 — в 12.27, но это еще полбеды. Хуже, что электричка 14.30 отправляется в 13.31, и она такая не одна. Которая в 15.02 — отправляется в 14.32, а 16.29 — в 16.13... Приходишь, а она тью-тью.

Чтобы не морочить вам голову, Владимир Владимирович, скажу, что на этой неделе в Перхушках ежедневно передвинуто и отменено 46 электричек, а в ближайший рабочий день — в понедельник, 12 июля, — из Перхушек (если верить бумажке) будет отменена 21 электричка, две укорочены, а девять передвинуты на другое время, из них шесть уходят раньше, чем по расписанию. Впрочем, к понедельнику этот список может увеличиться.

Вы не поверите, но про три передвинутые электрички, кроме нового времени их отправления, женским красивым почерком написано: «По неправильному пути». Это значит, что она придет на другую платформу, и если этого заранее не знаешь, то перебежать, даже рискуя жизнью, не успеешь — она стоит

тридцать секунд и с веселым свистком уходит: в правильном направлении с неправильного пути.

А еще хуже, что это каждый день по-другому, каждый день по-новому. А телефона у кассирши нету, ходить ночью — узнавать, что будет завтра, — немоготу. И уже были случаи, когда, вместо того чтобы полтора часа дожидаться ближайшей электрички, я брел домой с мыслью «не судьба попасть на работу»; меня уже десять раз могли уволить.

И знаете, еще одна неприятная странность: передвинута ли электричка, нет ли — ни одна не приходит вовремя. Вот и вчера: надежнейшую электричку отменили, кассирша сказала, что ближайшая — через полчаса. А пришла она через 52 минуты.

И так — на всех станциях, по всем направлениям. Каждый год печатают новое расписание и никогда его не соблюдают. А ведь и мы его в «МК» напечатали — думали пользу читателям принести.

Владимир Владимирович, ей-богу, подождать мы можем, мы привыкшие (не хочу сказать дрессированные); но электрички, которые уходят на 10—15 минут раньше времени, — это слишком. В душе возникает что-то нехорошее. Начинаешь думать о Родине не так, как подобает. Ум ищет объяснения — и не может найти.

Когда тонет подводная лодка — виноваты неисправная торпеда или шторм; когда кого-то взрывают в Чечне — виновата война, что тут поделаешь; когда проигрываем в футбол — виноваты плохое судейство, больная нога, тренер... Всегда есть причина. Если понимаешь, почему оно так случилось, то становится легче.

А с электричками... В первые дни, когда я был еще неопытный, прибежал как-то, а она (передвинутая) ушла на десять минут раньше, чем указано в новеньком расписании (зачем я его купил?). Делать нечего, ближайшая через час. Наверное, думаю, там ремонт пути — потому и интервал такой большой (душа жаждет понятного объяснения). И тут с грохотом — курьерский пассажирский, 15 вагонов... А спустя двадцать минут — еще один... Значит, никакого ремонта пути нету. Подымаешь глаза к небесам — и там никакого ответа, только дождик.

Когда человек сорок минут стоит на платформе под проливным дождем — от нечего делать он начинает думать. В том числе и о вас.

Владимир Владимирович, вы увидели Грозный и изумились: «Все не так, как мне докладывали! Все гораздо хуже!» Потом вы увидели Ингушетию — та же реакция. Вас берет оторопь, когда вы внезапно сталкиваетесь с действительностью, ибо обычно, прежде чем вы поедете по действительности, ее зачищают, красят, тренируют и благоустраивают.

Что уж говорить о войне и военных. Даже олигархов (когда они недавно встречались с вами в Кремле) строго проинструктировали: кто какой вопрос вам задаст. Раньше так поступали только с журналистами перед президентскими пресс-конференциями.

Зачем тайные полеты в опасные места? Начните с нас, с Москвы — это ваша столица. Переоденьтесь, приклейте бороду (так делал великий халиф Гарун аль-Рашид, когда чувствовал, что пора узнать, как оно там на самом деле) — и на базар, на электричку, в Перхушки, в Петушки.

Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я к вам с такой мелочью. Это ж вы назначаете министров и начальников естественных монополий. А речь, как ни крути, об интересах миллионов людей — в основном ваших избирателей (на электричках ездят даже полковники, сам видал, а олигархи — никогда).

Порядок в Чечне? на Кавказе? на Дальнем Востоке? Погодите, давайте начнем с простого.

Почему «Жигули» плохие, почему водка фальшивая, почему такие пенсии и нет то света, то воды — всему всегда есть причина. Но почему электрички не идут по расписанию — это загадка. Рельсы, вагоны, машинисты — это же не меняется. Если она едет, то почему не вовремя? Ведь каждый день все по-другому, а запоминать вообще нет смысла, потому что они опаздывают — то есть реальность не совпадает ни с тем, что напечатано от имени правительства (МПС), ни с тем, что написано кассиршами от руки. Говорят, МПС уже приватизировано. Неужели правда?

Изменения ежегодные и ежедневные — зачем? Если бы с каждым изменением становилось все удобнее, то за 50 лет сис-

тема достигла бы невероятного совершенства. А так это похоже на жуткое издевательство.

Может быть, это тайный воспитательный метод, придуманный еще во времена Сталина? Может быть, так воспитывают терпение и покорность?

Сколько нервов сжигается! А ведь это никак не учитывается при публикации сравнительных с G8 доходов.

В Швейцарии я не был три года, но могу вам сказать, что электрички Лозанна—Женева отходят в 10.03, в 10.38 и в 10.56, причем последняя — экспресс, а те — с двумя остановками. А если хотите пораньше — пожалуйста: 8.03, 8.38, 8.56; а если хотите попозже — пожалуйста: 14.03, 15.03, 16.03... Чтобы не затягивать перечисление, скажу, что швейцарцам легко живется: надо помнить только минуты отправления, потому что они каждый час одни и те же, а утро это, день или вечер — не важно. И по всем направлениям, между всеми городами носятся электрички, и минуты их отправления неизменны. Из года в год. И отходят секунда в секунду.

Это же неправильно, что я помню расписание Лозанна—Женева и не помню Перхушки—Беговая.

Не в деньгах счастье, Владимир Владимирович. Уровень жизни измеряется не ими. Там, в этих G8 (не считая России), если полицейский входит в магазин — только чтобы купить молока или пива, никто и головы не повернет в его сторону. А у нас — продавца охватывает дрожь: какую дань платить? — бутылкой не всегда отделаешься. А покупатели там не думают, отравленная ли водка, фальшивое ли вино, поддельное ли лекарство...

Что будет с расписанием электричек, Владимир Владимирович, когда ВВП удвоится? Расстреляют ли как убийц производителей фальшивой водки и лекарств или именно они удвоят ВВП, потому что, согласитесь, в два раза больше бензина нам не нужно и в два раза больше «Жигулей» нам не нужно...

Уровень жизни — это настоящие лекарства, ласковая внимательность врачей, твердая уверенность, что полицейский защитит и поможет. Чтобы и в кошмарном сне не приснилось, что полицейские отряды персонально охраняют богачей и гангстеров, а чиновники строят особняки ценою, тысячекратно

превышающей зарплату. Впрочем, начнешь эти вещи перечислять — не остановишься.

Еды нам как-никак хватает, Владимир Владимирович. Нам справедливости не хватает. А ее не купишь, даже если деньги есть; она не продается.

Извините, если огорчил, но людям очень интересно, что вы об этом думаете.

9 июля 2004

КАЖДОМУ ПО ПЕЖО! — ЭТО УГРОЗА?

Уважаемый Владимир Владимирович! Банковский кризис* был хорош тем, что на две недели люди обо всем забыли: о войне, о ценах, даже об отнимаемых льготах.

Это известный способ побороть невзгоды: надень ботинки на два номера меньше — через час забудешь обо всем.

Для меня (надеюсь, и для вас) этот кризис не стал неожиданностью. За месяц до него весь город занавесила реклама «Каждому по пежо!».

Если это обещание дать всем по иностранному автомобилю, то это абсолютно несбыточно. Хотя очень похоже на типичные кремлевские (советские и послесоветские) обещания: коммунизм в 1980-м, квартиры всем офицерам, продовольственные программы, моральные кодексы, семилетку качества, удвоение ВВП... Но верить в это могут только очень наивные.

Не сердитесь, но я воспринял лозунг «Каждому по пежо!» как угрозу. Ее для приличия слегка завуалировали, переставив слоги в последнем слове. Прочитав правильно, люди насторожились: что будет?

Угрозу осуществили. Аккурат с прекращением выплат исчезли и лозунги. Значит, сбылось, получили по... Не каждый, конечно, но очень многие.

Кризис вроде бы почти кончился. Но остались вопросы: почему он начался? кто его устроил? зачем?

* Он налетел внезапно, навел панику, уничтожил вредные банки, — подробности в «Ъ», который был приговорен за заметку про «Альфа-Банк» к выплате одиннадцати миллионов долларов.

Власть для себя может все. Но если делаешь для себя все, то для других не остается ничего. Людей мучают регулярно: отняли сбережения, меняли 100- и 50-рублевки, устраивали черные вторники и четверги, деноминацию, дефолт.

Это ведь довольно регулярно происходит, Владимир Владимирович. И кто-то каждый раз наживается. Говорят, будто олигархи. Но у нас нет ста тысяч олигархов, а вот миллионнодолларовых особняков — тьма. Их хозяева — чиновники, депутаты, министры, губернаторы, генералы армейские, милицейские, прокурорские, таможенные — это те, кому всё удивительно шло на пользу. (Кажется, я кого-то пропустил. Неужели ФСБ?)

«Ах, — огорчаются слуги народа, — коммуникации у нас старые! — текут, замерзают, взрываются». Но ведь это они их раздавили безумными дворцами по 1000 и более кв. метров, с бойницами вместо окон, с пятиметровым забором. Смотришь и думаешь: сколько ж у него жен? сколько детей? Ведь чтобы населить такую площадь, надо иметь семью человек в пятьдесят.

Уважаемый Владимир Владимирович, если вам кажется, что мы отвлеклись от банковского кризиса, то нет. Просто хотелось убедить вас, что из всех наших разнообразных кризисов пользу всегда извлекают одни и те же люди.

В беспредельных возможностях властей (когда они решают свою проблему) мы не сомневаемся. Если можно за два месяца до выборов в Думу создать партию-победительницу («Единство» в 1999-м, «Родину» в 2003-м); если можно получить на выборах в Чечне 110 процентов голосов...

Извините, Владимир Владимирович, но технология девальваций, инфляций, дефолтов и банкротств ничем от выборов не отличается. Это не еврофутбол. Тут все свои. Необходимо желание власти и инструмент (телевизор).

Само оно не случилось бы. Без причины, как говорят в народе, и чирей не вскочит. Все финансисты-аналитики убеждали нас, что причин для банковского кризиса вообще нет. Рубль стабилен, экономика на подъеме, цены на нефть отличные, золотовалютные резервы ЦБ...

Но если нет экономических причин, значит — тем более! — были другие. Может быть, человеческие. Питерские?

Как вы понимаете, деньги и нервы не вернешь. Но человеку свойственно желание узнать: кому обязан?

Например, англичане знают, что падением фунта и крахом биржи они обязаны Соросу. Он, кажется, и не скрывал, что сделал это нарочно и заработал очень много.

А у нас?

Вот некий замминистра говорит по телевизору: успокойтесь, с ЮКОСом все уладится. И в ту же минуту акции ЮКОСа подсакивают на 20 процентов. А ночью — новый обыск, и акции падают на 17 процентов... В промежутке кто-то заработал миллионы долларов. Вот бы узнать, не встречался ли накануне этот кто-то с этим замминистра: ты, Вася, выйди к телекамерам и скажи, что все тип-топ, и вот тебе лимон, а вы, ребята (это он к телевизионщикам обращается), мигом это поставьте в новости, и вот вам тоже на чаёк.

Но и тот, кто сказал, что все в порядке, и тот, кто немедленно устроил новый обыск, — это ведь одна вертикаль (другой у нас нету). Она и расставляет (рассаживает) всех по местам: НТВ, выборы, олигархов... Она или ее сучки (множественное число, мужской род)*.

Если кому-то захотелось забрать себе банковский бизнес — это понятно и своевременно. С какой стати отъем собственности должен ограничиться энергоносителями? И если бы банки тихо перешли из рук в руки, народ бы даже и не заметил.

Но опять и опять дележка богатств происходит беспощадно по отношению к нам — к тем, кто в этой дележке никогда не участвует.

Людам, Владимир Владимирович, очень интересно, что вы об этом думаете.

14 июля 2004

* Эта скобка заменяет ударение. Если есть ветви власти, значит, есть и сучки, но человек может прочесть с неправильным ударением и получатся собачки женского рода.

№ 6

ИЩИ-СВИЩИ

Куда уходит народное мнение. И от кого?

Уважаемый Владимир Владимирович! Говорят, будто у нас есть общественное мнение. Но не говорят, где оно скрывается. Конечно, не в Думе. Хотя там вроде бы народные избранники, но на вопрос «Доверяете ли вы Думе?» лишь 2% граждан отвечают «да». Это же уму непостижимо: ведь чтобы пройти — надо набрать в два с половиной раза больше; новенькая Дума не допрыгивает и до половины пятипроцентного барьера. Как они туда проскочили, Владимир Владимирович?

А как общественное мнение формируется? Люди привыкли узнавать о своей жизни по ТВ, по радио, из газет. А если из СМИ нельзя узнать правду — как нам быть? Слухами питаться?

Вчера радио «Свобода» каждый час сообщало: «Автоколонна 42-й мотострелковой дивизии попала под обстрел в Шатойском районе, погибли 5, ранены 12... На автотрассе Грозный—Шатой подорван автомобиль с сотрудниками райотдела ФСБ, погибли 3 офицера и водитель...»

«Свобода» сообщала, а «Эхо Москвы» — нет, и «Маяк», и «Вести» («Россия») — нет, и Первый канал — нет. Как нам понять — случились ли эти трагедии? И так почти ежедневно.

Если «Свобода» врет — надо об этом сказать, а ее наказать. А если она говорит правду — тогда, выходит, остальные («Эхо», «Маяк», Первый, «Россия» и пр.) нарушают закон о средствах массовой информации. По закону они обязаны информировать общество о важнейших событиях. Может, нарушителей надо наказать?

Работать они умеют. В 1994—1996-м и 1999—2000-м они общались о всех потерях. Выходит, теперь сознательно замалчивают.

Есть еще один вариант. Если новость не важная, если она не имеет значения для жизни общества, тогда средство массовой информации само решает: сообщать или нет.

Считали важным — сообщали. Теперь считают неважным — вот и молчат, тратят дорогое эфирное время на более существенные вещи (Киркоров, «Тату», курс евро).

Если так — значит, стоимость человеческой жизни сильно упала.

В нашей стране уже случалось, что она падала до нуля.

Похоже, у общественного мнения нет постоянного места жительства.

В советское время общественного мнения не было на ТВ, не было в газетах. Даже если публиковались «письма трудящихся» — это была чаще всего липа, изготовленная в редакциях. И уж, конечно, общественное мнение не выражали оппозиционные партии, ибо не было партий.

Но общественное мнение было. Иногда — в «Новом мире», в «Юности», в Театре на Таганке. И всегда были люди, которых тогда называли (без насмешки) совестью нации.

Эти люди были плохого мнения о власти КПСС и КГБ. Удушье — вот что мы чувствовали. И когда удавка лопнула, КГБ дрожал. Прямо перед Лубянкой (в 1991-м так называли не улицу, а организацию), прямо перед всеми ее расплотившимися огромными зданиями валили памятник Дзержинскому — и ни один из тысяч сотрудников (офицеров!) не попытался защитить своего кумира.

А у толпы было большое желание разгромить Лубянку, добраться до архивов, поглядеть: кто есть кто?

Эти погромщики были чистые люди. Рядом — ГУМ, ЦУМ; под шумок толпа (как в Ираке, как во Флориде, как везде) могла рвануть за товаром.

Нет, русская толпа образца августа-91 кинулась за информацией. За свободой.

Глупо?

Сейчас этих людей выставляют обманутыми дураками. Нет, тогда они не были ни дураками, ни обманутыми. Их обманули потом. А в 1991-м они были умными. Но — неопытными.

Скажите, Владимир Владимирович, если бы англичане начали свергать правительство или даже королеву — разве они кинулись бы уничтожать свою контрразведку? А Израиль? Как бы зверски там ни боролись за власть — им в голову не приходит потрошить МОССАД. Граждане стран с высокоразвитой разведкой не испытывают ненависти к своей разведке. Видят в ней свою защиту. Почему же в СССР очень многие (отнюдь не только диссиденты) видели в КГБ душителя?

А потому что душили. Не давали слушать радио (глушили), запрещали читать, сажали, высылали.

А в результате газетам, радио и телевидению СССР никто не верил. Даже внутри страны.

Но глаза всем не выколешь, уши не заткнешь. Если общественного мнения нет в газетах и на ТВ, человек находит его в театре, кино, даже в библиотеке. Задуши прессу, и в «Гамлете» люди опять начнут видеть не месть за отца, а борьбу с ненавистным режимом Клавдия; борьбу принца с собственной Родиной, если Дания — тюрьма.

Это ведь очень важно, что Гамлет — не бомж, не мигрант, не черный, не олигарх-ворюга. Гамлет — наследный принц. Если даже для него Дания — тюрьма, то действительно не всё ладно в королевстве. И когда этот приговор произносил Гамлет-Высоцкий, зрители понимали, что речь идет об очень большой Дании, примерно в одну шестую суши.

Непокорный Человек всегда появлялся. Как ни зверствовала святая инквизиция, как ни плодила стукачей, а Тиль Уленшпигель вырастал вопреки всякой логике. И Ланцелот в «Драконе» побеждал вопреки логике, и сама эта пьеса Шварца появилась вопреки всему — при Сталине! (Жаль, если не читали; очень сильная вещь; то ли ее вот-вот начнут ставить, то ли — изымать.)

Центр общественного мнения блуждает, уважаемый Владимир Владимирович. При Петре он — во дворце, и при Екатерине Великой — там же. А потом почему-то он перемещается в казармы будущих декабристов. А после виселиц обнаруживается в «Современнике» у Некрасова и Достоевского (и немнож-

ко у Герцена, в Лондоне). А потом в Московском Художественном театре, а на нашей памяти (кроме вышеупомянутых журналов и Таганки) — в театре «Современник», в Политехническом...

А потом — на Первом съезде народных депутатов, в «Московских новостях», «Огоньке», НТВ... (С огорчением приходится заметить, что ни «Демократический выбор», ни «Яблоко» не смогли стать центром общественного мнения. Они скорее пользовались общественным мнением, чем создавали его.)

Съезд, редакция, партия — это коллективы. Но даже один человек может стать бесконечно силен.

Штирлиц — извините за бестактность — был не один; за ним стояли государство, могучая Красная Армия; Ставка Верховного главнокомандующего верила ему и посылала батареи. А вот академик Сахаров был один. Могучее государство было против него. Когда он в Горьком (Нижний Новгород) объявил голодовку, сотрудники КГБ СССР насильно кормили его через кишку (это пытка, Владимир Владимирович). Но в общественном мнении Сахаров весил больше, чем вся Академия наук СССР, чем все Политбюро ЦК КПСС.

Общественное мнение выражали Шукшин, Окуджава, Галич, Высоцкий.

Без грантов, спонсоров, факсов, ксероксов, без типографий и телеэфира Высоцкий завоевал общественное мнение всего СССР (280 миллионов человек). Вот его мнение о Родине:

Что за дом притих, погружен во мрак,
На семи лихих продувных ветрах...
Образа в углу и те перекошены...
Двери настежь у нас, а душа взаперти.
Кто хозяином здесь?
Напоил бы вином!
А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл. Мы всегда так живем.
Траву кушаем, век на щавеле,
Скисли душами, опрыщавели...»

Не буду, чтобы не обидеть вас, Владимир Владимирович, цитировать те песни Высоцкого, где говорится про наши «органы». Ни одного доброго слова. Для воров оно — находилось, а

для начальничков — нет. («Лучше б было сразу в тыл его, / Только с нами был он смел, / Высшей мерой наградил его / Трибунал за самострел».)

Теперь, когда толстые журналы умерли сами, а власть убила свободное ТВ, — остались некоторые газеты. Должно быть, и их очередь придет. Но пока то тут, то там мелькает огонек, угли еще не погасли.

Ну а как зальют окончательно — общественное мнение опять вернется к человеку. Он ведь все равно появится. Или нет?

Людам, Владимир Владимирович, очень интересно, что вы об этом думаете. И думаете ли вы об этом?

23 июля 2004

ГЕНЕРАЛЫ И ИХ ЯЙЦА

Уважаемый Владимир Владимирович! Не знаю, с чего начать*. Кругом такая каша. Басаев руководил налетом на Ингушетию; снялся на видео в захваченном складе оружия.

Приближается 60-летие Победы. Все чаще ощущаем себя тружениками тыла. Новости — как фронтовые сводки. Родина ведет две войны: Кавказскую и Московскую. Включишь радио — Басаев, Ходорковский, Басаев, Ходорковский... Я понимаю, что это главные враги нашего с вами государства. Но кто из них главней?

Вчера опять внезапно отменили пять электричек подряд. Полтора часа стоял на платформе — было время подумать...

...В 1995 году (мы тогда о вас ничего не знали) я написал заметку с длинным заголовком **«БАСАЕВ — ГЕРОЙ. ПОЭТОМУ ЕГО НАДО ПОЙМАТЬ И УБИТЬ»****. Это было сразу после налета на Буденновск. В заметке говорилось, что пока в заложниках у группы Басаева было три тысячи человек (в том числе женщины и дети) — стрелять было нельзя. Но с того момента, как он их отпустил, стрелять стало можно. И если он не будет пойман и казнен — этот сумасшедший успех вдохновит чеченцев на новые подвиги.

Так и вышло.

Прошло девять лет, а этот длинный заголовок приходится повторять снова и снова. Тогда за Басаевым был только Буден-

* Реплика из «Предложения» Чехова. И здесь, и в других письмах нередко спрятаны раскавыченные цитаты из русской классики; недоговоренные пословицы; непристойные, но рифмованные народные советы.

** См. «МК» 22 июня 1995.

новск. Теперь прибавились Дагестан-1999, «Норд-Ост» (Москва)-2002, Ингушетия-2004 и бесконечные взрывы: Тушино, штабы МВД и ФСБ, Кадыров, поезда (извините, но трудно понять, почему Басаев никогда не брал на себя ответственность за взрывы домов в Москве)*.

Мы — против тысячи боевиков — держим группировку численностью 50—80 тысяч. Самолеты, танки, артиллерия, вертолеты, «Град», «Ураган» против автоматов и гранатометов.

Десятки тысяч погибших и искалеченных солдат и офицеров (о мирных жителях, в том числе русских, не говорю — их давно перестали считать). Миллиарды долларов тратим на войну. Миллиарды долларов угрожали на «восстановление» (так называется воровство в Чечне).

И после всех этих жертв, расходов, усилий и насилий Басаев приходит в Ингушетию, убивает прокуроров и милиционеров, захватывает склад оружия... Владимир Владимирович, это ведь ужасно, что у него было время даже на то, чтобы в захваченном складе записывать телеинтервью. Это похоже на особый цинизм в извращенной форме по отношению к нашим силовым структурам.

В профессионализме силовиков мы не сомневаемся. Ходорковского они захватили живым с первой же попытки. А ведь служба безопасности ЮКОСа раза в три больше, чем армия Масхадова—Басаева. И укомплектована не малограмотными пастухами, а офицерами из элитных подразделений (в том числе ФСБ).

Вопрос «почему здорового богатого Ходорковского поймать сумели, а нищего (по сравнению с Ходорковским) безногого Басаева — нет?» — вопрос этот задают себе миллионы людей доброй воли (учителя, врачи, официанты, гардеробщицы).

Но лучше спрашивать знающих людей. При первом удобном случае я спросил генералов. Было это в декабре 2003-го, накануне выборов в Думу, на передаче «Свобода слова» (передачи уже нет, но жизнь продолжается как ни в чем не бывало). Напротив сидели лидеры «Родины» и Народной партии. Цитирую стенограмму:

* Когда эта книга уже была готова к печати, стало известно: Басаев уничтожен. Мы рады, что статьи о нем наконец устарели. Жаль, что ждать пришлось одиннадцать лет.

МИНКИН. Вы все бесконечно: «рента, рента, налоги, налоги, Ходорковский...» Вам не кажется, что больше бед принес стране Басаев? Вот и объясните, почему Ходорковского поймали, а Басаева не поймали?

БАСКАЕВ (генерал-полковник; в 1995 году — заместитель командующего Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне, зампред Народной партии). Вы, господин Минкин, вы не дали поймать Басаева! Да! Я абсолютно точно говорю, потому что я там провел не просто в окопах время и знаю, что такое ловить Басаева. И когда — первую чеченскую кампанию вспомните, пожалуйста, — какой защитник были вы, когда защищали Басаева, Дудаева и т.д. Так что вы и помогли его не поймать!

МИНКИН. Значит, нашим генералам и всей нашей армии что-то мешает правильно танцевать... (Никогда не думал, что я и есть тот самый мешающий предмет (прибор); один на всю Красную Армию. — *А.М.*)

РОГОЗИН («Родина»). Я просто вынужден подтвердить! Действительно, вы, господин Минкин, мешали нам поймать Басаева! Нам, нам, народу России! Это вы развалили государство, которое теперь даже Басаева найти не может! (Выходит, что журналист равен по мощности четырем миллионам вооруженных человек: армия, МВД, ФСБ. Высокая похвала. — *А.М.*)

...Генерал-полковник Баскаев в конце 1980-х был командиром дивизии внутренних войск по охране Байкало-Амурской магистрали, стерег эзков на БАМе. Ни в чем не виноват.

Но раньше он совсем по-другому рассказывал про Басаева. Вот его интервью:

БАСКАЕВ. Именно тогда (в 1995-м. — *А.М.*) остатки дудаевского войска можно было добить в горах. Не дали. Кто, почему — ищите ответ сами... Я мог убить Басаева. Не лично, конечно, а мои люди по моему приказу. Во время переговоров мы встречали машину с Масхадовым и его охраной на блокпосту. Вечером везли обратно — Масхадов впереди, машина с моим спецназом позади. Уговор такой — как только доезжают до чеченского поста, машина Масхадова мигает всеми фарами, а наша тут же разворачивается. И вот мой майор, провожавший Масхадова, в условленном месте мигания фар не заметил и поехал дальше. Въезжают в

какое-то крохотное село. Наш майор своим глазам не верит — стоят Дудаев, Басаев, Удугов. Тут же подъезжают машины со многими полевыми командирами. Майор мигом развернулся, доехал до Грозного, влетает ко мне: товарищ генерал, срочно поднимите авиацию, пара ракет — и мы всё их командование угробим, — конец тогда войне! И главное, Басаев не уйдет. Романов (тогда — командующий группировкой; уже девять лет в коме. — *А.М.*) вскакивает, бросается к телефону. Чтобы было понятнее: именно в тот месяц командующий — не удивляйтесь — был лишен права поднимать в воздух боевую авиацию. Только с разрешения Лобова, полномочного представителя президента. Романов ему и звонит, докладывает и умоляет: надо поднять в воздух штурмовик или вертолеты, нельзя в войне такой шанс упускать! Лобов: «А вы уверены, что там Басаев? И Масхадов? И Дудаев? Может, вашему майору померещилось?» Романов давит: разрешите поднять самолет. Лобов долго молчит, потом недовольно цедит: позвоню. Десять минут, двадцать, тридцать — мы с Романовым с ума сходим. Послать туда батальон спецназа? Танки? Ну хоть что-то надо делать! Наконец звонок Лобова и его крик: «Отставить! Вы меня поняли — отставить! Никаких самолетов! Это приказ!»

Вопрос интервьюера: «Что сказал Романов?»

БАСКАЕВ. Это не для печати. И вообще — не думайте больше об этом. А на следующий день разведка доложила — помимо верхушки боевиков, там были все до единого чеченские командующие фронтами! И нам запретили их уничтожить. Это в условиях войны! (*«Новая газета», 4.10.1999.*)

Владимир Владимирович, извините за длинную цитату, но хочется быть убедительным и доказательным, а не ярлыки вешать. Баскаев винит меня, но Лобов тогда звонил не мне — клянусь чем хотите.

Подчиненные вам генералы и губернаторы любят повторять: «Вор должен сидеть в тюрьме». Невозможно понять, кто мешает им учинить явку с повинной. И не кажется ли вам, что бывший вице-премьер России Лобов должен быть допрошен (в том числе с применением детектора лжи)? Ведь эта штучка (рассказ Баскаева) посильнее залоговых аукционов. Вы, наверное, согласитесь, что предатели и изменники неизмеримо хуже воров; это даже из Уголовного кодекса ясно.

Поймите нас правильно: мы не обсуждаем действия Ходорковского. Мы, налогоплательщики, обсуждаем действия государственной власти и ее силовых структур. Ведь вся эта система — на нашем иждивении.

Порой возникает впечатление, что силы государства неправильно распределены. Часть уходит в песок, часть — в гудок, часть — в офшоры, а часть...

Может быть, вы читали в газетах или видели по телевизору, как Ходорковского доставляют из тюрьмы в суд. В момент высадки из машины его окружает взвод спецназа в мощных бронежилетах.

Зачем?

Его охраняют, чтобы он не сбежал? Или — чтобы его не убили?

Опасаетесь, что сбежит? Тогда почему матерых уголовников, убийц, насильников доставляют в суд два хлипких милиционника?

Бойтесь, что убьют? (Кто?!). Тогда надо, чтобы спецназ размещался спинами к охраняемому, а лицами — наружу, высматривая опасность (так делает и ваша охрана: не на вас тарашится, а по сторонам).

Почему спецназ повернут лицом к олигарху, а к миру — спиной? Не уклоняются ли они от выполнения сыновнего долга перед Родиной? Его выполнение уже девять лет осуществляется в Чечне.

И смотрите: за ЮКОС взяли всего год назад — а какой успех! Главари в тюрьме, пособники бежали за границу или сдались, покаяться. Компания разгромлена, ее будущее полностью контролируется государством. Значит, можем, когда захотим.

Ни у Масхадова, ни у Басаева нет небось и сотой доли юковских миллиардов. Их армия, по утверждениям ФСБ—МВД, меньше, чем СБ ЮКОСа. А возимся десять лет (в декабре исполнится). Из них под вашим руководством — с 1999 года — пять лет.

Тут что-то не то.

В какой-то момент война с ЮКОСом стала важнее Кавказской.

Об этом свидетельствует и частота упоминаемости наших граждан в мировой печати. На первом месте вы (2120 упомина-

ний), Ходорковский — на 8-м (710), Масхадов — 19-й (361), Басаев — 20-й (322).

Может быть, пересмотреть приоритеты? Если вы решите, что Кавказская война важнее (ведь люди гибнут), то перегруппируете силы? А то государственные силовые структуры штурмом берут здания в Москве, в то время как Басаев штурмом берет Ингушетию.

На примере ЮКОСа видно: могут, когда захотят. Значит, что же? — Басаева не хотят? Или он — меньшая опасность для Родины? У него нет нефтяной компании и миллиардов, и с него, пойманного, ничего не возьмешь. А пока он на свободе — гарантирована война, поставки в Объединенную группировку, подвиги, ордена, звания. Басаев — это курочка, которая несет генералам золотые яйца. Плохо, что питается эта курочка не червячками, а нашими солдатами и офицерами.

Официально Ходорковский арестован за налоги. Но в обществе ходят разные версии. Если Ходорковский сидит за то, что не делился, то неужели Басаев делится? С кем? Чем?

Если Ходорковский сидит за политическую угрозу режиму, то Басаев, значит, ничем режиму не грозит? Уж не укрепляет ли?

Кто разрушает государство? Легальный оппозиционер или террорист*?

Уважаемый Владимир Владимирович, еще раз извините, что письмо так затянулось (следующее, обещаю, будет кратким). Но что делать. Когда полтора часа ждешь электричку...

А потом едешь, смотришь в окно на бесконечные гаражи, изрисованные огромными свастиками, в голову лезет всякая чертовщина.

Вот, например: если к миллиардеру (чьа вина еще не доказана) не пускают врача, то что делают в тюрьме, в КПЗ, на зоне с бедняком? Если под пристальным взглядом прессы и богатых мировых держав — так, то что же делают с неугодными в провинции, в глуши, где всё шито-крыто?

Людам очень интересно, что вы об этом думаете.

29 июля 2004

* До Беслана оставался месяц.

№ 8

ПОЛЕ ЧУДЕС

Уважаемый Владимир Владимирович! Предыдущие письма, возможно, вас огорчали. Но это — уверен — обрадует. Деньги есть! Много! Хватит на всех!

Просто вы не у тех отнимаете льготы. И вместо увеличения богатства, к нашей досаде, увеличивается бедность. А вы, к сожалению, твердо обещали бороться с бедностью. («К сожалению» — не потому, что обещали, а потому, что не выполняете.)

Проблема в том, что процесс борьбы (такой важный для власти) для большинства населения очень мучителен. Населению, видите ли, вовсе не хочется борьбы с бедностью. Населению хочется богатства (если уж счастье не суждено).

Владимир Владимирович, вопрос решается предельно просто. Введите государственную монополию на водку, табак, лекарства и обязательное автострахование.

За девять месяцев «автогражданка» собрала с граждан 27 миллиардов рублей, а выплатила — 3 (данные Минфина РФ). Страховщики, выходит, получили в девять раз больше, чем заплатили.

Страховка — в отличие от нефти — дело чистое. Не надо искать, бурить, качать, перерабатывать. Открываешь окошечко и принимаешь деньги. Сколько? А сколько Дума назначила.

А сколько она назначила? Похоже, это решили страховые компании. В девять раз — это девятьсот процентов. Это самая настоящая сверхприбыль.

Ввести монополию — это честно. Отнять бизнес у одного олигарха и отдать другому (своему) — нечестно. А отдать нам, гражданам, наши же собственные деньги — очень честно и пра-

вильно. Это значит — все доходы пойдут государству. А государство — это мы. Жаль, что между нашими доходами и нами есть люди, которые все разворуют. Должность замзавсектором департамента — зарплата 300 долларов, а особняк стоит 3 миллиона — значит, эта должность по-русски называется вор.

Заметьте, Владимир Владимирович, закон об «автогражданке» Дума приняла вопреки желанию людей. Хотя нам расписывали, будто этот закон — в интересах всего общества и каждого автовладельца.

Глядя на сумму прибыли, видишь, в чьих интересах этот подбор. Но давайте вообразим, будто «автогражданка» действительно сделана ради народа. Тогда тем более будет правильным собранные деньги потратить в интересах народа. Не на виллы и яхты немногих, а на ремонт и строительство хороших дорог, которые одинаково нужны и для «шестисотых», и для «Жигулей», «Москвичей», «Окей» (не знаю, как лучше сказать «Ока» во множественном числе, но есть еще люди, уважаемый Владимир Владимирович, которые ездят на этих устройствах).

Ямы ужасные, не только подвеска «летит», но, бывает, колеса отлетают. А денег на дороги, говорят, нету.

Как «нету», если мы платим? Японская машина в Америке стоит 18 тысяч долларов, а у нас (такая же) — 36 тысяч. Цена доставки из Японии — одна и та же. Мы что — вдвое богаче американцев? Мы гораздо беднее, а с нас дерут три шкуры. И не продавец, а гостаможня, госналог, госавтоинспекция и госстраховка (почему-то частная).

...Что значит «гарант Конституции»? Сохранять ее неприкосновенность? Это не вышло, изменения уже внесены, и даже разрушительные (референдум стал практически невозможен, то есть власть народа, гарантированная первыми статьями Конституции, лишилась механизма своего осуществления*). А может, гарант следит за тем, чтобы соблюдались записанные в Конституции наши права, хотя бы грубо материальные (жизнь, здоровье...)?

Плохой бензин — большой вред для автомобиля, расходы на свечи, на ремонт мотора. Продавцы плохого бензина лишают нас денег, но это всего лишь воровство.

* Уничтожить референдум — все равно что яйца оторвать, кастрировать народовластие; если и выживет, то такое писклявое...

А плохая водка, плохие лекарства — тоже воровство, но это еще и убийство. Иногда медленное, иногда быстрое (стакан сивухи — и до свидания).

Дума, выполняющая любую вашу волю, немедленно примет закон о госмонополии на водку, табак и лекарства. Народ (впервые!) увидит, что новый закон — в его, народа, пользу.

О каких суммах речь? На алкоголь и табак мы тратим в год почти триллион рублей — 30 миллиардов долларов. Забрать их в госказну — вот вам и льготы, и пособия, и достойная жизнь ветеранов, и бесплатное высшее образование.

Отдать обществу доход от спиртного — правильно. На водке держалась половина бюджета СССР. И что тоже важно: от купленной в магазине водки никто не умирал (умирали от тормозной жидкости, политуры, денатурата).

Кстати, бутылка стоила три рубля («Московская» — 2.87, «Столичная» — 3.07), а батон — 13 копеек. Бутылка, значит, была в 23 раза дороже батона. А теперь она дороже хлеба в 6 раз.

Зачем изменилась пропорция в пользу водки — чтобы меньше ели? Или — чтобы больше пили?

Рыночная экономика? Но в России и при Петре I, и при Николае II не было социализма, а монополия на водку была. И во многих приличных странах она есть.

Раз производители спиртного не оправдали доверия, прячут доходы в офшорные зоны, не платят налоги, производят отраву — будет справедливо, если водка опять станет «монополькой».

То же самое можно сказать о лекарствах. Все эксперты утверждают, что в аптеках до 80% лекарств — подделка. А ведь это тоже смерть, если не от отравы, то от того, что вместо лекарства глотаешь известку, купленную по бешеной цене.

Уважаемый Владимир Владимирович, нет сомнений, что выводы относительно торговли лекарствами вы сможете сделать сами (они, выводы, примерно те же, что насчет водки и страховки). Просто не хочется понапрасну затягивать письмо. Цифры вам тоже покажут — стоит только приказать.

А мы будем ждать ответа. Народу страшно интересно: что вы обо всем этом думаете?

30 июля 2004

№ 9

НУ-КА ОТНИМИ! У чиновничьих льгот депутатская неприкосновенность

Уважаемый Владимир Владимирович! В минувшую пятницу письмо к вам начиналось словами: «Деньги есть. Много. Хватит на всех. Просто вы не у тех отнимаете льготы». Но вы, должно быть, или не прочли, или забыли скомандовать Думе «задний ход!».

Введя государственную монополию на водку, табак, лекарства и «автогражданку», Россия получила бы 20—30 миллиардов долларов. Их хватило бы на льготы старикам и инвалидам, науку, культуру, медицину, высшее образование... Сегодня эти льготные миллиарды у сотни людей. И эта сотня, лишившись своих невероятных льгот, с голоду не помрет, на «Жигули» не пересядет... Но отнимают почему-то у бедняков.

Сегодня Дума проголосует за отмену льгот.

По телевизору нам обещают тысячи поправок, облегчающих и уллучшающих этот закон. Понятно.

Хотели отнять все. Теперь, оставив треть или четверть, преподнесут это как заботу о всеобщем благе, как исполнение воли народа. Благодетели, воля народа совершенно ясна: «Не трожь!»

Сказать, что денег нет, что льготы отнимают, ибо государству они не по карману, — невозможно. Золотые запасы ЦБ растут, нефтедоллары текут рекой.

Это принципиальная политическая ошибка: весь народ против, а народные избранники голосуют «за». Они ж депутаты. Их долг — выполнять волю народа. А они выполняют вашу волю

(так, как ее понимают). Видимо, правильно понимают, раз вы их не одергиваете.

Миллионы писем во все властные структуры, во все редакции; в городах митинги, шествия... Абсолютно ясно, что народ против отмены льгот.

Сказки о размере компенсаций — не утешают. Льгота у человека есть, а компенсацию еще надо будет где-то получать, стоять в очередях, отмечаться*.

Задержки зарплат и пенсий — месяцы, а кое-где и годы. Так же будет с компенсациями. Нет сомнений, что их будут крутить.

Если бы сейчас прошел референдум — всем ветвям власти пришлось бы смириться с волей народа. Но эта воля — реальность; от нее не спрячешься, приняв закон, по сути запретивший референдум.

Льготы бедняков составляют меньше ста долларов в месяц. Льготы чиновников зашкаливают за десять тысяч долларов в месяц. Разница в сто раз воспринимается как наглость и цинизм.

Льгот одного высокопоставленного чиновника хватит на сто пенсионеров. Высокопоставленных тридцать тысяч — этого хватит на три миллиона пенсионеров. Средних чиновников — триста тысяч — еще на три миллиона хватит...

Отнять у чиновников льготы будет справедливо. Взятки-то у них останутся. Мало кто из чиновников уйдет, даже если им вообще не платить зарплату. Ибо они не на зарплату живут.

Если действовать честно, то чиновники должны были бы начать с себя. Пусть министры получают три тысячи долларов в месяц (как сейчас) и сами покупают себе машину, сами (на свои) нанимают водителя, платят за жилье не символическую «госцену», а коммерческую...

Итак, денег много.

Зачем отнимать?

Зачем отнимать у бедных?

Зачем отнимать только у бедных?

И зачем взбудоражили страну, довели стариков до инфарктов?

А теперь — радуйся, народ! — предложено шесть тысяч улучшений.

* Так и вышло, и даже хуже.

Если закон нуждается в тысячах улучшений, значит, он дрянь. Как же такую дрянь приняли в первом чтении?

Небось когда наши благодетели покупают костюм за 2—3 тысячи баксов — сто раз меряют: не дай Бог, где-нибудь шовчик кривой. Парфюм дорогой (на флакончик всей пенсии инвалида Великой Отечественной войны не хватит). Сто пузырьков перенюхают, продавщицу загоняют. Вот какие внимательные.

Ни разу не видели мы, чтобы власть так внимательно относилась к человечкам.

После криков, митингов, жалоб и проклятий компенсация достигла тысячи рублей.

Значит, если б народ промолчал, — получили бы, как планировалось, триста — четыреста.

Но это значит, что если бы народ был пожестче (как в нежной тропической Бразилии, где много диких обезьян), то:

— получили бы больше не втрое, а вдесятеро;

— правительство (предложившее людям «мыло и веревку с собой приносить») было бы в отставке;

— депутаты — отозваны.

И вы, Владимир Владимирович, начали бы руководить Россией прямо, без жадных, бестолковых, бессердечных посредников. Этого, похоже, все еще хотят очень многие.

Народу страшно интересно, что вы обо всем этом думаете?

3 августа 2004

№ 10

БЫЛА ДА СПЛЫЛА ЧЕСТЬ РОДНОЙ АРМИИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Извинитѐ, что долго не писал — собака щенков рожала; вы, конечно, меня поймете, потому что у вас тоже не так давно был аналогичный случай — вся планета радовалась за вашу Кони (лабрадоршу), а щенки попали в хорошие руки, чего и своим желаю.

Но ради щенков не стал бы вас беспокоить. Я о другом. Дело очень серьезное. Пишу вам не только как президенту, но и как Верховному главнокомандующему.

Владимир Владимирович, вы об этом не знаете и, может быть, не поверите, но факт остается фактом: военные на улицах перестали отдавать друг другу честь.

В детстве мы очень любили смотреть, как сближаются идущие навстречу друг другу офицеры. Младший по званию за несколько шагов лихо, четко, с блеском вскидывал руку к козырьку, а старший по званию чуть позже и чуть небрежнее — в ответ. А если младший зазевался и ритуала не исполнил, старший его окликал, подзывал и устраивал надлежащее распекание; мы внимали разинув рты.

А тут вижу: лейтенант, а навстречу майор и полковник — и хоть бы что. Разминулись вплотную ко мне, лейтенант не только честь не отдал, даже не покосился на старших. И они столь же равнодушно прошли мимо.

И вдруг осознал, что это теперь — рядовое явление. Осознал, что даже не могу вспомнить, когда я последний раз видел, чтобы военные друг друга приветствовали по уставу. Пять лет? десять? пятнадцать?

...Что-то кончилось. Истаяло незаметно.

Владимир Владимирович, вы по улицам не ходите и такую картину увидеть не можете. Вам-то они честь отдают, потому что видят вас на параде и по торжественным случаям. А я говорю о настоящей жизни, о буднях.

В будние дни, как ни странно, честь отдают только гаишники, когда пролетает мимо них кортеж с высоким начальством или хотя бы пустая машина высокого начальника. Его в машине нет, но гаишник не может этого видеть через затонированные стекла. Гаишник видит номер, мигалку — и отдает честь этим предметам.

Владимир Владимирович, вы вернули нам гимн, вернули Красное знамя нашим военнослужащим, а о чести, видимо, забыли, что и неудивительно — кругом реформы, перевод на контракт, бесконечные аварии, — не до того.

Но честь все же — дело важное. Престижа армии без нее нет. И мальчишкам необходимо видеть, как на улице и в метро солдаты и офицеры вскидывают к виску прямую ладонь (а что они видят? — пальцы веером).

Вы как Верховный главнокомандующий могли бы (не делая из этого никакого шума) попросить военных, чтоб отдавали честь. Не может же быть, чтобы она совсем кончилась.

В любом случае интересно, что вы об этом думаете?

25 августа 2004

ПРИЗНАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА*

Власть озвучила явку с повинной

Произошло событие гораздо более редкое, чем теракт. Президент обратился к народу**. Он сделал это впервые — не считая новогодних поздравлений, — а значит, это очень важно.

Он, несомненно, хотел, чтобы нация его услышала. Для этого речь много раз транслировалась по радио и ТВ.

Хотел ли он услышать ответ? Хочет ли он знать: поняли мы его? и правильно ли поняли?

Сразу скажем: мы услышали не экспромт. Это обдуманная, коллективно выработанная и написанная речь. Значит, это речь не личности, а Власти (большая буква здесь не от избытка уважения, а для обозначения высшей власти РФ).

Речь сочиняли второпях; для нас это лучше, ибо они не успели заметить, сколько правды проскользнуло в текст, не успели ее вычеркнуть; лишь местами слегка замазали красивыми словами.

После горьких слов соболезнования президент признал: «...ко многому, что изменилось в нашей жизни, — оказались абсолютно неподготовленными...

Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы.

...наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с запада, ни с востока.

* Не письмо. Но этот текст важен для понимания некоторых последующих писем.

** После Беслана

...мы могли бы быть более эффективными, если бы действовали своевременно и профессионально.

...мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом.

...не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость».

По смыслу — это явка с повинной или прошение об отставке. Это признание полного банкротства силовых ведомств. А именно на силовиков и на силовое решение всех проблем делалась ставка в последние годы.

Смысл — покаянный. А интонация — геройская. Власть сообщает, что будет рулить и впредь. Вот эта, та самая, которая:

- абсолютно неподготовленная;
- переставшая уделять внимание обороне и безопасности;
- действующая несвоевременно и непрофессионально;
- не проявившая понимания;
- не умеющая адекватно реагировать на опасные процессы, происходящие в собственной стране;
- позволившая коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы (то есть самое себя, ибо эти сферы — неотъемлемая часть власти, ее главные инструменты).

Власть заявила: «...мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз.

В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе».

Признав банкротство, Власть провозглашает: создадим! подготовим! потребуем!

А раньше-то? С какой стати люди, провалившие всё и вся, справятся с ситуацией? Ведь она стала хуже, чем когда они пришли к власти.

Эта команда пришла в 1999-м. Что сделано за пять лет?

Создали огромное наркотическое министерство. За два или три года своей работы оно победило только ветеринаров. Офи-

церы милиции и ФСБ крышуют наркоторговцев, а под судом — ветеринары.

Обещали (и создали) какие-то структуры, которые должны были спасти и пригреть беспризорников. Громкая была кампания. А безотцовщины стало больше, они по-прежнему живут на чердаках и в подвалах, нюхают, колются и используются как материал для секса и порно.

Министр обороны Иванов победил начальника Генштаба Квашнина. Это все. Больше у армии никаких побед за четыре года.

Шеф ФСБ Патрушев добился, чтобы погранвойска были переданы в его подчинение. А его Верховный главнокомандующий обнаружил, что мы беззащитны со всех сторон.

Правительство Фрадкова — самый яркий пример тех реорганизаций и перестроек, на которые способна Власть. А за этой реорганизацией — хаос и пустота. Оклады себе подняли, у бедняков льготы отняли — это, что ли, победа?

Дума и Совет Федерации побеждены, полностью разгромлены, обращены в рабство — а разве это враги? Мы же их сами выбирали. (Вроде бы мы, вроде бы сами, вроде бы выбирали.)

Наш народ можно упрекнуть в чем угодно, но терпения ему не занимать. Это отметил в своем знаменитом тосте Иосиф Виссарионович Сталин, подняв бокал «За терпеливый русский народ!».

В демократической стране такая власть не успела бы даже покаяться. Миллионы вышли бы на улицу и отправили бы ее в отставку. А мы — терпим. А многие все еще верят и надеются. Вопреки всему.

Бывают в истории случаи, когда власть не по плечу. И не важно, законно она досталась или нет. Николай II был абсолютно законный император, он хотел как лучше, но власть оказалась ему не по плечу. И от этого произошли катастрофические бедствия.

Когда мы слышим из уст Власти, что она «оказалась абсолютно неподготовленной», — оторопь берет. Разве вы не знали? Разве взрывов было мало? Разве Буденновска, Кизляра, «Норд-Оста» было мало? Разве вам не говорили, в том числе и мы, журналисты? Да мы замучились повторять, замучились предупреждать.

И после катастроф Первой чеченской войны, и после «Норд-Оста» Власть обвиняла нас: мол, пресса виновата. Нас записывали в дудаевцы, в басаевцы... Сейчас пресса никуда не совалась, послушно повторяла про 120 заложников (десятикратно занижая размер беды). Пресса говорила только то, что ей разрешала Власть, — теперь что помешало? кто виноват?

Президент должен был выйти к народу не с жалкими словами о том, что «в ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны». Президент должен был выйти к народу с головой Басаева в руках. А за ним должны были стоять силовики с головами других убийц (но только лица, пожалуйста, должны быть узнаваемы, а то покажут кого попало: вот, мол, знаменитый полевой командир — а через два месяца этот труп захватывает театральный центр в Москве).

Хватит кивать на войну (тем более что сами устроили). В Израиле уже пятьдесят лет непрерывная война в стократном по численности мусульманском окружении. А население Израиля растет. У нас — локальный конфликт на окраине, а население страны сокращается. Почему?

В тундре вечный мир, а чукчи, эвенки, якуты и пр. — стремительно сокращаются, исчезают...

Уважаемые читатели, если вам кажется, что мы заговорили не о том, тогда прочтите еще одну цитату из речи президента: «Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы».

Что имеется в виду? Общество ли не доросло до замечательной политической системы (то есть до Власти)? Или система (Власть) отстала от общества?

Судя по жесткой интонации, нас собираются подтянуть*. Нас собираются отучать от беспечности. Нас будут лечить.

Да, мы к демократии не готовы. Невозможна демократия без честного суда, без честной полиции, без честных выборов и т.д. Демократия наша — туркменская, сделанная из секретарей обкомов и агентов КГБ (только золотых статуй на площадях не ставим, стесняемся).

* Отменили выборы губернаторов и многое еще.

Нет духа демократии. Есть форма (то есть формальность, липа), а дух — феодальный. Вот демократическая форма и не выдерживает, трещит.

Еще меньше к демократии готова Чечня. Напрасно играть с чеченцами в демократию, выборы, референдумы, конституции. За эти игрушки с нами расплачиваются беспощадно, без малейшей скидки.

...Армия не возрождается, а разлагается в Чечне.

Может быть, отвести войска на границу Чечни, поставить цепью? А чеченцам сказать: «Мы слышали, что вы тут на днях выбрали себе президента. Вот и живите с ним».

Когда подросток ведет себя безобразно, ему говорят: «Марш к себе в комнату, сиди, думай. Когда одумаешься, позови».

Пусть Чечня будет частью России, запертой на замок. И пока они не принесут головы тех, кто посылает террористов убивать детей, — не открывать, не кормить, денег не давать.

6 сентября 2004

№ 11

ЗНАЙ НАШИХ!

Купим за границей честных чиновников

Уважаемый Владимир Владимирович! Извините, что долго не писал; ездил изучать бесценный боевой опыт людей, которые освобождали заложников. Потрясающе интересно; надеюсь, скоро прочитаете, может, что-то сочтете полезным.

Пока меня не было, вы начали поспешную, крутую, но напрасную реформу. Мы так и знали, что Беслан даром не пройдет и что накажут не тех, кто виновен в гибели детей, а нас всех. Мы, граждане, так сказать, попали вам под горячую руку.

Кто это всё вам придумывает — вот это всё, что вы озвучиваете с такой убежденностью в голосе? Говорю «в голосе», ибо душа ваша — потемки; не обижайтесь, это такая русская поговорка: «чужая душа — потемки», ко всем относится.

Назначение губернаторов и все, что касается выборов, — напрасная реформа. Вспомните: с той же целью (спасение России) вы создали округа, придумали полпредов. Чиновников стало больше, а порядка меньше, жизнь не улучшилась.

Говоря «напрасная реформа» — имею в виду судьбу страны. От этих нововведений ей лучше не станет, хотя чиновники опять ужасно обогатятся. Они уж точно не считают эту реформу напрасной и аплодируют вам от души.

Но с точки зрения заботы о гражданах... Ей-богу, похоже на хозяйку, которая обнаружила, что мясо протухло, и поспешно решает сделать из него котлеты.

Вообще-то другое мясо есть, в магазине. Надо тухлое выбросить, а другое купить. Но хозяйку жаба душит, хотя денег у нее много.

...Уважаемый Владимир Владимирович, денег у нас много. При нынешней цене за баррель мы можем всё.

Потребность в справедливости и честности у граждан сверхвысокая (все опросы показывают). Раствор перенасыщен, надо только кристаллик бросить, надо с чего-то начать.

Мысль о том, будто оборотней и проституток можно высокой зарплатой превратить в честных сыщиков и невинных девиц, — мысль эта глупая и неприличная. Даже совестно.

Никому же не приходит в голову, что большой зарплатой можно плохого футболиста превратить в хорошего. Все наоборот: сначала парень становится хорошим футболистом, а потом начинает много получать. Мы футболистов покупаем за границей на десятки миллионов долларов в год.

Владимир Владимирович, давайте для начала купим за границей генерального прокурора. Он нам в нынешней ситуации гораздо важнее футбола.

Прокуратура — по Конституции — орган, надзирающий за законностью. Прокуратура должна быть абсолютно чиста, умна, безупречна. Иначе вместо надзора она превращается в «крышу» для преступников, в том числе преступных чиновников и силовиков. Не обвиняя нынешнего генпрокурора в конкретных грехах, надо сказать, что они у него были; город Сочи (при Медунове) не то место, где выращивали честных защитников закона. А помните глупые, всему миру известные прокурорские проколы и провалы? — перечислять места не хватит.

Генпрокуратуре нужен лидер с безупречной репутацией, все остальное приложится. А если небезупречен — ничем не поможешь. Мало кто верит в его честность — потому он и не годится. Это как выборы. Почти никто у нас не верит в честность выборов; и это неверие подрывает власть даже тех, кто выиграл честно.

Пушкин (не А.С., а боярин) так объяснял в 1605 году Басманову (министру обороны Бориса Годунова), почему Годунов, у которого «мальчики кровавые в глазах», неизбежно потерпит поражение:

Я сам скажу, что войско наше дрянь...
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

Вообразите: не было правозащитников, не было ТВ и газет, грамотных почти не было, а общественное мнение — было! Оно решало исторические дела и в 1605-м, и в 1917-м (Россия рухнула не из-за силы большевиков, а из-за ужасного мнения народа о «Николашке»).

На некоторых постах должны быть люди, которым народ доверяет. Не политики «чего изволите», а такие, как академик Сахаров. Все знали, что он честный, сколь ни старался КГБ изобразить его наемником ЦРУ. Люди верили в его честность, и потому его слово значило больше, чем ельцинское, чем горбачевское...

Генеральный прокурор... Помните, как Ельцин мучился с этой должностью? Один продал материалы ГКЧП; другого посадили за коррупцию (ничего не доказали, но два года он отсидел); третий попался голым в группе голых девок, был показан по ТВ, но вместо того, чтобы застрелиться после такого позора, стал кандидатом в Президенты России (на выборах 2000 года, когда вас нам назначили).

Знаю одного — идеально подходит. Абсолютно честный, умный, швейцарец. Вы его недавно принимали в Ново-Огарево, а я знаю его уже 20 с лишним лет. Прекрасно говорит по-русски, в русской истории разбирается лучше всех ваших, любит Россию (бескорыстно). Пишет книгу по истории Кавказа (пишет сам, на что никто из ваших не способен; даже за Чубайса и Гайдара писали наемники). По образованию — юрист. Большой опыт руководства людьми. Взятки брать не будет и другим не позволит. Ни с одной преступной либо политической группировкой не связан (а ваши, то есть наши, — все).

Надо только принять закон о том, что если его отравят (застрелят, зарежут, собьют машиной), то все силовые министры вместе с замами садятся в тюрьму на пять лет.

(Обещать безопасность легко; нам же вы обещаете; а когда люди гибнут от взрывов самолетов и в метро, то никакой ответственности никто не несет, разве что на словах.)

Понимаете, нам нужен генеральный прокурор с безупречной репутацией. И нет ничего зазорного в том, чтобы нанять иностранца (а гражданство дать — пара пустяков).

В свое время наша Родина призвала Рюрика не то что в прокуратуры — в князья! Своих желающих было много, но, видимо, все были связаны с какими-то группировками.

Петр Великий, которого, говорят, вы очень уважаете, занимал за границей не только архитекторов и инженеров — полководцев! То есть доверял иностранцу судьбу войны, а значит, и страны.

Понимаете, нам нужен такой генеральный прокурор, который мог бы допросить даже вас. И не для телеспектакля по госканалам, а по-настоящему (помните, как жестко допрашивали Клинтона из-за Моники, а все дело не стоило высосанного яйца)*.

Основания для вашего вопроса есть. Например, для расследования трагедии в Беслане необходимо узнать, кто, что и когда докладывал вам; что, кому и когда приказывали вы. Тогда мы узнаем, кто обманывал, вчетверо занижая число заложников. Кто не подумал или не сумел очистить площадь от вооруженной толпы. Кто наврал вам и нам про арабов и негров. Кто устроил так, что эта страшная трагедия стала вдобавок образцом лжи, позора, беспомощности и глупости. Ведь вам же пришлось (в обращении к нации) признать: «мы оказались не готовы», «мы недооценили», «мы не смогли».

Кстати, кто эти «мы»? Один знакомый решил, что вы так говорите о себе, по-царски: «мы, Николай Второй». Но думаю, это «мы» означает, что все решения, которые вам потом приходится озвучивать (и значит, брать на себя), принимаются коллективно; порою, наверное, в долгих ночных мучениях, и это «мы» — оттуда. Но кто они? Ясно, что не уволенные милиционеры Осетии; ясно, что какие-то неуволненные кремлевские.

Хорошо бы еще купить за границей председателей судов всех уровней. Потому что честные судьи у нас еще есть, но нечестные председатели их уничтожают.

Дорого? Но если даже нефтяных денег не хватит, мы скинемся. Сейчас нет ничего важнее справедливого суда. А Россия на миллиарды долларов завозит из-за границы всякую дрянь.

Скажут, что импортные судьи не знают наших реалий. Так и хорошо, что они не знают наших.

* Приятно было узнать из откликов, что я ошибся и надо, по мнению некоторых знатоков русского языка, писать «выеденного», но, готовя книгу, я решил не прятать своих ошибок. Слово ведь не воробей. И кроме того, я хорошо помню, что не случайно ошибся, а намеренно.

* * *

Часто вспоминаю, уважаемый Владимир Владимирович, как 10 лет назад этот вышеупомянутый швейцарец объяснял мне, что демократии в России нет. Как же так?! Свобода печати была неслыханная; выборы — гораздо честнее нынешних; залоговые аукционы и прочее грандиозное воровство — впереди. А он объяснил: пока нет честного и независимого суда, пока любой гражданин не может защитить свои права в суде и добиться справедливости — демократии нет.

Вот ее и нет.

Очень было бы интересно узнать, что вы обо всем этом думаете.

1 октября 2004

P.S. Через год я сам нарвался на оборотней в мантиях. Один судья прямо и откровенно нарушил закон, а на мои протесты спокойно возразил: «Вот я вынесу решение, а вы потом можете его обжаловать». То есть он сознательно совершил преступление: я помогу бандитам тебя ограбить, а ты потом жалуйся.

Спасибо, не убили.

№ 12

ЗА БАЗАР ОТВЕТИШЬ!

Уважаемый Владимир Владимирович! Надеюсь, начало этого письма вас обрадует. Но конец, увы, может огорчить. Не читайте конец, или пусть его ножницами отрежут ваши помощники.

Итак, начну с хорошего. Я обеими руками за назначение губернаторов. Всем давно ясно, что под видом выборов происходит захват должности. Путем подкупа, клеветы, насилия, угроз. Все видят, что денег на выборы кандидат потратил столько, сколько честным путем не можно приобрести. И десятки тысяч самозванных имиджмейкеров, социологов и политтехнологов делают сотни миллионов долларов на единственной промышленности, которая совершила невероятный взлет в годы общего спада, — на индустрии выборов.

Почему мы соглашаемся это терпеть? Почему сами в этом участвуем? Мы в плену у идеала. В плену у теории. И не первый раз.

Похоже, что и вы в этом плену. На прошлой неделе один из главных ваших идеологов (Сурков) заявил: «Президент считает, что нужны прямые выборы губернаторов. Он — идеалист и хотел бы, чтобы у нас была лазурная демократия, но реалии диктуют другое».

Грустно слышать, Владимир Владимирович. Жаль, что даже вам приходится подчиняться диктату реалий. А куда денешься?

Наши выборы, наша демократия не соответствуют этикетке. Нам не надо выбирать. Ибо мы не в силах потребовать ответственности от своего избранника. Нет решимости в людях.

Россия и ее народ в настоящий исторический момент к выборам не готовы. Более того, выборы нам вредны. Это очевидно.

Но несмотря на всю эту очевидность, как возмущаются определенные группы при попытке хотя бы обсудить отмену выборов. Потому что отмена эта несет угрозу крайне влиятельному, внедрившемуся во все властные структуры отряду имиджмейкеров.

Миллиарды уходят на разврат. А потом удивляемся: где гражданское общество? А разве мы вложили в гражданское общество хоть один процент от тех сумм, что ушли на подлость?

В наш исторический момент лучше назначать, а не выбирать. Ибо назначивший может назначенного снять. А народ своего избранника снять не может, хоть заморозь он их всех до смерти.

Если нельзя снять, то нет ответственности. По-русски говоря — страха. А чиновник должен бояться тюрьмы.

Если назначать, то дерушимся за должность вора уже не будет смысла вываливать на головы граждан грязь друг про друга. Они будут отправлять ее назначающему (вам), и наша жизнь сразу станет чище.

Ждать, что выборы сами собой когда-нибудь станут честными и приведут к власти честных, — наивность. Все равно что надеяться, будто в публичном доме, куда регулярно поступают все новые молодые работницы, со временем возникнет демократический институт благородных девиц...

...Все эти и другие аргументы я излагал в январе 2001 года в заметке «Голосуй — не голосуй...».

Вешняков на меня и «МК» за это в суд подал от имени ЦИК (и продул позорно). Не знал он, что вы меня поддержите. Он вообще не очень умен; так сказать, прошел в ферзи, но в душе остался пешкой. Типичный случай, не в обиду будь сказано.

Спасибо, Владимир Владимирович, что поддержали, хоть и с опозданием на три с половиной года. (Хотите, встретимся? Расскажу хорошие идеи. А то годы идут, а без вашего указания ничего не сделаешь.)

Спасибо, что вы признали наши выборы бесчестными, никуда не годными. Ведь если б наши выборы приводили к влас-

ти умных и честных губернаторов, то такие выборы вы не стали бы отменять, правда?

А так через выборы пришли к власти глупые ворюги (даже не знаю, что хуже). Если бы их допросить, применив сыворотку правды (знаете, есть такие уколы, от которых правду говорят), то оказалось бы, что миллиардеров у нас куда больше, чем сообщает журнал «Форбс», и многие заткнут за пояс даже Ходорковского.

Знаете, Владимир Владимирович, мне кажется, они что-то почуяли и скоро убегут за границу к своим деньгам, спрятанным на секретных счетах. Поселятся в Южной Америке, сменят имя и внешность — всё, как беглые лидеры Третьего рейха. Может быть, сразу их арестовать, пока не поздно? Ради борьбы с террором. Кто же знает, на что пустят они свои миллиарды?

Да и миллиарды эти можно вернуть. Да-да! Читали в отрочестве про графа Монте-Кристо? Там был один гад — банкир Данглар; так вот, граф его поймал, посадил под замок, а жрать не давал. Тот говорит: «Есть хочу!» А ему: «Что угодно? Икру? Цыпленка табака?» — «Да-да! Все хочу!» — «Пожалуйста. Миллион долларов». — «Как?! За цыпленка?!» — «Да, у нас такие цены». — «Тогда дайте черного хлеба». — «Пожалуйста. Миллион долларов». — «Как?!» — «А так. У нас все в одну цену».

Нашим чиновникам это дешево будет. Если брать всего лишь по миллиону за одну кормежку, то он за три года еле-еле один миллиард вернет.

...Уважаемый Владимир Владимирович, человеку свойственно ошибаться, увы. Вдруг вы снимете губернатора, который действительно пользуется доверием людей, старается сделать их жизнь лучше? Таких очень мало, но все же есть. Снятие хорошего — это будет ваша ошибка. А за ошибку...

И вот тут начинается плохой конец.

Все обсуждают судьбу губернаторов, губернских депутатов, народа; обсуждают даже, кому теперь пойдут деньги, которые раньше шли на подкуп избирателей (не в Кремль ли?) — словом, беспокоятся обо всем. И только о вас никто не подумал. Что с вами-то будет?

Всякие права подразумевают и ответственность (типа: украл — сел, ошибся — отвечай).

Если бы вы, будучи подполковником КГБ, предали Родину, перекинулись на сторону врага, — скажите, что стало бы с тем генералом, который послал вас в разведку в ГДР, а? Ведь его бы уволили, а то и хуже.

А если бы десяток назначенцев этого генерала оказались предателями, что с ним сделали бы, а?

...Теперь, уважаемый Владимир Владимирович, давайте в новых исторических условиях договоримся по-хорошему: вы назначаете 89 губернаторов, но если проворуется хоть один, лишаетесь пенсии.

Зная наших, с грустью скажу: старость у вас будет бедной*.

4 октября 2004

* Финал выглядел иначе. После слов «проворуеться хоть один» следовало «получаете реальный срок. Зная наших, с грустью скажу: гулять на свободе вам осталось недолго».

№ 13

ПРИЕХАЛИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Из-за наших «Писем президенту» обнаружилась неожиданная и неприятная проблема. Кто виноват — трудно сказать; надеюсь, не я.

Откликов на «Письма» идет очень много. Читатели горячо одобряют нашу с вами переписку. Люди самые разные, но их отклики содержат одинаковое опасение. Одни пишут: «Мы боимся за вас» (за меня). Другие хвалят за храбрость; это по сути тоже страх, ибо храбрость необходима там, где есть опасность.

Я не обращал внимания на эту деталь читательских писем, но на днях одна иностранка, жительница тихой европейской страны, узнав, что я публикую письма к вам, спросила: «А это не опасно?»

Поневоле задумаешься.

Владимир Владимирович, это же очень странно, что у людей в голове такая фантазия, будто писать вам опасно. Но увы, так думают очень многие.

Нет, конечно, мы не получили миллиона писем с опасениями. Но и ваш рейтинг строится на тех же основаниях. Когда утверждают, будто он равен 70 процентам, то это не значит, что опрошены 110 миллионов взрослых. Опросили тысячу; увидели, что 700 — за вас; и предположили, что и среди остальных 109 999 000 такая же пропорция.

Если в голове чуть ли не у каждого фантазия, будто журналисту что-то угрожает за то, что он пишет вам письма, — то важно понять: верно такое мнение или ошибочно?

Если верно, то власть, значит, готова жестоко преследовать, готова уничтожить человека за слова. Да, неприятные, но всего лишь слова, мысли.

Если же это мнение ошибочно — тогда, наверное, следует задуматься, откуда оно произошло? Что такого сделали вы (или ваши приближенные), что в общество вернулся забытый было страх?

Очень много страха у нас, Владимир Владимирович.

Когда едете домой по Рублевке, обратите внимание: какие заборы! 30—40 лет назад вокруг частных домов был всего лишь штакетник, высотой полтора метра. Штакетины прибивались к двум горизонтальным слегам двумя гвоздиками каждая. Если нижний конец отодрать, то штакетина сдвигалась, давая мальчишке пролезть с участка на участок, не тратя времени на дорогу к калитке. А еще важно: сквозь такой забор было видно, кто пропалывает редиску, кто играет в пинг-понг...

А теперь? Заборы, при Ельцине выросшие до трех метров, при вас достигли пяти (вот бы ВВП рос с такой скоростью). И наверху колючая проволока, и сторожевые вышки, и камеры слежения. Такое впечатление, что богачи строят себе индивидуальные концлагеря, а вдобавок еще обносят свои личные заборы общим забором — снова бетон, кирпич, металл, пять метров высоты, колючка, ток, прожектора, охрана с автоматами и собаками.

Заборы эти — воплощенный в кирпиче и бетоне страх — появились до Беслана, до «Норд-Оста». Это страх богатых, которые не ездят на метро.

Да, послевоенные дачки были бедные (хотя мы тогда так не считали), а теперешние стоят сотни тысяч долларов (а у многих и миллионы)*. Но в Европе дома не хуже и не дешевле, а видны как на ладони, заборов нет. Даже штакетник редкость, все больше подстриженные кусты, а если проволока, то гладкая, не членовредительская, не лагерная; не от людей, а от коров.

У них — взгляд ласкает даль. Европейец в окно видит Родину. А наш — забор через оконную решетку. Выйдет европейец — холмы, просторы, стада — красота. Выйдет наш — стена, охрана, колючая проволока.

А ведь бытие определяет сознание. Как живешь, так и думаешь. Живешь как зэк и думаешь как зэк. А как зэки думают —

* Когда 15 лет назад среди бедных лачуг стали появляться первые особняки, я предложил, чтобы развалюхи назывались «домишки», а новые — «послемишки» (в честь Горбачева).

известно: умри ты сегодня, а я завтра. И они ничего не хотят делать для других, потому что все другие — враги.

Стены вокруг особняков — это не возврат к исконным ценностям, к патриархальным корням, ибо русские помещики не отгораживались стенами от своих рабов. Барский дом стоял совершенно открыто. Татьяна, гуляя (одна, без охраны), заходит в дом Онегина (хозяин в отъезде — то ли в Петербурге, то ли в Москве). Она никогда раньше здесь не была, слуги ее в лицо не знают. Тем не менее ее впускают без малейших возражений, она проходит в кабинет, роется в книгах... Сегодня не только в кабинет, ее бы на порог не пустили, даже в ворота бы не вошла.

Стены вокруг особняков — это не капитализм, где мы теперь якобы живем. Капитализм — оплатив налогами содержание госаппарата, в том числе полиции, — не тратит сумасшедшие деньги на возведение гигантских кирпичных заборов, ибо они: а) очень дорого стоят; б) уродуют пейзаж. А ведь хозяин заплатил тысячи долларов за сотку, покупая землю не под картошку. Он заплатил, чтобы наслаждаться жизнью; существенная часть этого наслаждения — вид из окна.

Такие стены — это средневековье. Постоянное ожидание смерти, грабежа, насилия.

Новые русские отгораживают себя стенами, повторяя, увы, архитектуру богатых чеченских сел; и только по невежеству не строят себе неприступные сванские башни (сван с семьей и скотиной мог отсиживаться в башне несколько месяцев).

Кого они боятся? и почему они боятся? — вот вопросы, которые, думаю, важнее бюджета и инфляции. Ибо страх — это такая штука, которая определяет все поведение, всю жизнь. От страха у людей и характер портится, и поведение; и вместо того чтобы налаживать достойную жизнь себе и детям, человек вооружается и убегает (если успевает).

Плохо, что и те, кто не ворует, тоже не чувствуют себя в безопасности. Те, кто ездит на метро, бедные и «средние» тоже живут в постоянном страхе.

К страху перед милицией прибавился страх взрывов. Новый, сильный, всеобщий. И никто не верит, будто милиция защитит. А ведь только для этого мы ее и содержим.

Географически мы, конечно, вроде бы в Европе... Но скажи кому-нибудь, что наши полицейские (милиция) угоняют ма-

шины, рэкетируют торговцев, насилуют, пытаются, убивают — иностранец таращит глаза: не может быть! А у нас к этому привыкли, никого не удивишь. Все газеты полны преступлениями сотрудников МВД и прочих государственных вооруженных формирований; так в советское время в каждой газете был фельетон про продавщицу, которая обвесила и нагрубила.

Вряд ли можно укорять вас, Владимир Владимирович, что милиция такая плохая. Но в том, что за пять лет вашего правления она не стала лучше, — в этом укорять можно. А она не стала лучше. И борьба с «оборотнями» если кому и помогла, то лишь Грызлову — сменить кресло МВД на председателя Думы.

А может быть, вы думаете, что милиция стала лучше? Может быть, вас снабжают такими иллюзиями? Жаль.

Если бы нагнали страху на преступников — хорошо. А вы нагнали страху на олигархов, на прессу, на депутатов и губернаторов. Может, они и преступники (не удивлюсь), но жить лучше не стало; рейтинги МВД, армии и др. и пр. не растут.

И вот приехали: я не вор, не убийца; всего лишь пишу вам письма, стараясь не утомлять; а людям кажется, что это опасно. Почему?

Ясно же, что не бандиты пойдут убивать журналиста за письма к президенту. То есть преступников эти публикации не побуждают к расправе. Значит, в умах народа эти воображаемые убийцы — ваши служащие.

Не знаю, что об этом думать. А что думаете вы?

...Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
...Ее сомнения смущают:
«Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...
Взгляну на дом, на этот сад».
...«Увидеть барский дом нельзя ли?» —
Спросила Таня. Поскорей
К Анисье дети побежали
У ней ключи взять от сеней;

Анисья тотчас к ней явилась,
И дверь пред ними отворилась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
...И в молчаливом кабинете,
Забыв на время все на свете
Осталась наконец одна...

*Пушкин А.С. Евгений Онегин.
Глава VII, строфы XV, XVI, XVII, XXI*

5 октября 2004

P.S. Мне почему-то казалось, что очень смешно в виде иллюстрации к газетной заметке напечатать фрагменты из «Евгения Онегина». Так сказать, чтобы кремлевский читатель писем мог убедиться, что заборов действительно не было (не посылая в Библиотеку имени Ленина).

№ 14

СПАСИ И СОХРАНИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Поздравляем вас со вчерашним днем рождения, желаем здоровья и мудрости. Мы специально переставили письмо со вчера на сегодня — не хотели огорчать, портить вам праздник.

Вдобавок письмо длинное, а хотелось бы, чтобы вы дочитали до конца. Тема уж очень важная: неизбежна ли гибель будущих заложников?

Было бы гораздо проще написать об этом не письмо, а статью, где все назвать своими именами: глупость — глупостью, подлость — подлостью.

А когда обращаешься к человеку (в данном случае к вам) — надо писать вежливо, не ругаться; чтобы не обидеть.

Потому что обиженный уже не обращает внимания на суть; у него одно желание — врезать обидчику, да так... Хотел написать, «чтобы искры из глаз посыпались», но вспомнил, как вас однажды задел вопрос французского журналиста о Чечне. Вы вместо ответа предложили ему приехать к нам, чтобы «сделать обрезание, да так, чтобы ничего больше не выросло».

Обрезание — религиозная процедура, но вы ничего божественного не имели в виду. Явственно прозвучало, что речь о кастрации (а попросту, по-русски, «я-ца оторву»). Ну и что хорошего? Вы обиделись, француза напугали, а мирному процессу — никакого толку, только хуже.

Эх, Владимир Владимирович, проклятий по адресу власти и после «Норд-Оста», и после Беслана было довольно. А что толку?

Если сегодня, не дай Бог, случится захват заложников — кто будет руководить спасением? Похоже, заранее вы не знаете. И тот, кого вы вдруг назначите, — тоже не знает заранее. Значит, не готов, начнет метаться, делать ошибки, звонить вам, просить совета.

Случись, не дай Бог, землетрясение или наводнение — все знают, что полетит глава МЧС. Сам, без вашего приказа (хотя, возможно, с вашего ведома). Он уже очень опытный; знает, сколько надо техники, врачей, как доставить, как расставить. И люди у него обучены, и собаки.

Извините, но в высшем руководстве страны мы не видим ни одного человека, который понимал бы и знал, как спасти заложников. И был бы нацелен исключительно на это, а не на то, чтобы угодить вам, и не на беспокойство о государственной репутации. А что мы видим? Какие-то глупости — какие-то общественные палаты*, какие-то артистические антитеррористические центры** (вот они сейчас поймают нам Басаева, держи карман).

Специалисты если и есть, то далеко внизу, прямого доступа к вам не имеют; а все, что они знают, — не используется. Если даже они решаются что-то предложить, это отвергается на полдороге к вам. А из каких соображений? (Мол, вдруг вы подумаете, что какой-то майор умнее ваших генералов.)

И мы, граждане, так и не знаем: какие и на основании чего вы принимаете решения? А те чиновники, которые там (на месте трагедии), — они врут только нам или и вам тоже?

Когда вы 2 сентября (дети в Беслане еще были живы) говорили в Кремле королю Иордании: «Делается все, чтобы спасти детей», — знали ли вы, что там царит хаос? А хаос — значит, при всей суматохе ничего не делается правильно, хотя все куда-то скачут, несутся, кричат, звонят. И значит, скорее всего дети обречены.

После Беслана в обращении к нации вы сказали: «Мы оказались не готовы». Владимир Владимирович, хорошо, что вы не произнесли фразу о вероломном нападении. Формулу 1941 года.

Некомпетентность руководства — всегда потери. В мирной стране — экономические убытки. В воюющей — смерть людей.

* Она тогда только замышлялась.

** Лановой создал; в бреде, должно быть.

В 1941-м некомпетентность и упрямство руководства (Сталина) привели к невероятным потерям «живой силы», техники, территории. А потом десятилетиями (и до сих пор) эта катастрофа списывается на внезапное вераломное нападение. А какое ж оно было «внезапное», когда все предупреждали — и разведчики, и дипломаты; и тысячи наших офицеров видели, как к границе стягиваются десятки вражеских дивизий.

И теперь тоже все понимали и предупреждали. Только точного адреса, наверное, никто не знал.

После Беслана (дети уже погибли) вы в первый день национального траура пригласили к себе в Ново-Огарево группу западных политологов и журналистов. Их рассказы были широко опубликованы. Больше всего их поразило, что в такой сложный и трагический момент вы уделили им четыре с половиной часа. По их мнению, любой западный лидер в такой ситуации либо отменил встречу, либо она продолжалась бы не более 20 минут.

Наших у вас в Ново-Огарево не было ни одного. Значит, для вас было гораздо важнее объяснить свою позицию Западу, чем собственным подданным.

Второе, что отметили зарубежные гости, были ваши очень эмоциональные реакции. «Вы хотите, чтобы мы разговаривали с убийцами детей?!» — это ваше восклицание цитировала вся мировая пресса.

Нет, Владимир Владимирович, мы хотели совсем другого. Мы хотели, чтобы дети (даже если они попали в заложники) остались живы. Больше ничего. Все остальное — политическая риторика, прикрытая «государственными интересами».

«О чем говорить с убийцами детей?!» — возмущаетесь вы. Пустой вопрос. С убийцами — нет, но с захватчиками — можно и должно. Именно во избежание гибели.

Власть должна была организовать переговоры. Вы должны были назначить переговорщика. Но власть молчала. Хуже того — врал, будто террористы ничего не требуют, будто передали пустую кассету (а на ней был кошмар спортзала). Власть врал, будто заложников то ли 120, то ли 350, а все это вранье террористы наблюдали по ТВ и приходили в ярость, и срывали эту ярость на детях.

А зачем ввали? С какой умной целью? Стало ли лучше заложникам или на них было наплевать в отчаянной попытке

сохранить лицо Кремля? Значит, ваши даже не понимают, что скрыть такую информацию в наше время невозможно, и значит, к трагедии неизбежно прибавится позор.

В такой ситуации решения мог принимать только человек, назначенный президентом (уровень премьер-министра, министра внутренних дел и т.п.).

А у нас — с места трагедии звонят полковнику, полковник — генералу, генерал — в штаб, штаб — в Москву, Москва — в Кремль, а потом — обратно. А время уходит. А информация искажается. И решения принимает тот, кто не владеет реальной обстановкой. Неправильно и поздно.

«Убийцы детей!» — да, теперь они убийцы. Но нам — ради миллионов живых детей — надо понять: планировали террористы убийство или нет? Планировали? — тогда почему не взорвали школу, как самолеты, как Кадырова?

Убийство детей не прощают нигде, никогда. Неужели террористы хотели, чтобы весь мир испытывал к ним отвращение и ненависть? Зачем?

Скорее им нужно было что-то такое, чтобы весь мир заговорил и чтобы власть России пошла на переговоры.

Подействовало. Весь мир заговорил. И заговорил до убийства, и тем более горячо, когда стало ясно, что заложников не «больше ста», а больше тысячи.

Но переговоры не начались.

...Сейчас отказ террористов принять воду и еду пытаются объяснить тем, будто они заранее твердо решили убить детей. Но, повторяю, решив убить, они могли тайно заминировать и взорвать школу, пять школ, не жертвуя собой.

Возможно, голод, жажда и невыносимые условия, по мысли боевиков, должны были заставить нашу власть скорее начать переговоры, не позволить тянуть. А Москва тянула.

...Власть должна была организовать оцепление. Но и этого необходимого действия не произошло. Возле школы бурлила вооруженная толпа. Власть не смогла отеснить ее за оцепление.

И мы бы теперь не думали: кто-то из несчастных отцов пальнул первым, решив, что лучше всех знает, как быть? Случайный ли выстрел (просто по неосторожности) дал старт катаст-

рофическому развитию событий? Или провокатор, которому нужен был взрыв, чтобы ценой смерти детей доказать всему миру, что с Басаевым и Масхадовым говорить невозможно*?

У нас война, а у вас военного опыта нет, вот беда. Вас в КГБ не учили освобождать заложников. Учили вербовать, учили следить, а не стрелять.

В ноябре 2001-го вы дали интервью американской телекомпании Эй-би-си. Ведущая Барбара Уолтерс спросила, приходилось ли вам отдавать приказ об убийстве кого-либо. Вы ответили отрицательно. И пояснили, что ваша работа «носила интеллектуальный характер — сбор информации, прежде всего политической».

В том-то и дело, что вы — аналитик; вам всегда нужно время: собрать информацию, изучить, сопоставить. Мгновенно принимать решения вы не умеете, и, похоже, никто из ваших тоже.

А есть люди, которые лучше всех в мире умеют освобождать заложников.

В Израиле я встретился с двумя очень опытными и очень уважаемыми специалистами по уничтожению террористов и освобождению заложников.

Асаф ХЕЙФЕЦ, 1945 г.р., 36 лет службы в армии, генерал-майор (высший чин в Израиле; только начальник генерального штаба получает звание генерал-лейтенанта), 13 лет — в десанте; с 1994-го по 1998-й — генеральный директор полиции Израиля (министр внутренних дел в Израиле — должность политическая, он меняется со сменой правительства. Профессиональное руководство МВД — в руках генерального директора), создатель и глава спецподразделения по чрезвычайным ситуациям и спасению заложников.

Командовал операцией по освобождению «автобуса матерей» в 1988-м. Тогда террористами был захвачен автобус с женщинами и детьми, который шел в сторону атомного реактора.

Хейфец подобрал группу спецназа, сам спланировал операцию. В 7 утра террористы захватили автобус. В 7.30 он был

* Мы еще не знали о том, что по школе «работали» огнеметы и танки. А кто приказал «работать»? Интересовала ли его жизнь детей или единственная цель — смерть террористов?

перехвачен и остановлен. В 9 начались переговоры с уполномоченным от правительства. В 11 — штурм.

ХЕЙФЕЦ. Переговоры, как всегда, вела группа профессионалов. Они постоянно в полной готовности. Время до начала переговоров — это только время доставки переговорщиков на место. Самое опасное здесь — мошенничество.

— Что вы имеете в виду?

ХЕЙФЕЦ. Нельзя обманывать. Надо завоевать доверие террористов, чтобы ситуация не сползала, не деградировала, чтобы они хорошо обращались с заложниками, отпустили детей и женщин.

— Какое доверие? Разве они не понимают, что вы тянете время и готовите штурм?

ХЕЙФЕЦ. Каждая сторона рассчитывает на успех. И террористы всякий раз надеются, что окажутся хитрее и сильнее. Первая задача переговоров — понять ситуацию и выиграть время. Для успешного продвижения таких переговоров надо, чтобы террористы видели, что другая сторона:

- хорошо организована;
- все учитывает;
- все знает.

Тогда террористам ничего не надо доказывать убийством жертв.

Задачи переговорщиков: 1) завоевать доверие; 2) понять, чего хотят террористы; 3) наладить обмен ключевыми сообщениями.

Ваша проблема в Беслане была не в спецназе. Русский спецназ великолепен, я видел их тренировки, базы — блеск, они берут опыт во всем мире. Проблема была в общей организации.

Вокруг здания с заложниками метрах в пятидесяти должно быть поставлено оцепление, которое видят террористы. Это называется «в тактической близости». Это кольцо спецназа. Террористы должны видеть тебя и твои движения. Когда не видят — начинают нервничать, дергаться и убивать.

Второе кольцо — на 250 метров дальше — полиция. Задача одна: никого посторонних! (Рассказывая, генерал-майор Хейфец быстро нарисовал схему, где была школа, кольцо спецназа, штаб, врачи, спасатели, кольцо полиции.)

Штаб находится между спецназом и полицией. Только штаб принимает решения. Вплотную, дверь в дверь с главным штабом,

развертываются два вспомогательных: один руководит спецназом, другой — полицией. Чтобы дать команду, достаточно крикнуть. Не надо тратить время на звонки по телефону, даже на радиосвязь.

Всех жителей, находящихся между кольцами, — выгнать. Все окна в зданиях, обращенные на захваченный объект, занять снайперами.

Спецназ стоит в полной готовности и ждет, имея первоначальный план, который постоянно изменяется по ходу ситуации. Стоит всегда постоянная группа; никаких сменщиков, которым пришлось бы все объяснять сначала.

Все это надо уметь, все это должно быть отработано до того, как будут захвачены заложники.

Очень важна координация гражданских специалистов, полиции, спецназа: а) всеобщая связанность; б) личная ответственность каждого за точно определенный участок.

Успех обеспечивают организованность и быстрота.

Операция «автобус матерей» заняла 8 секунд. Три секунды — добежать, пять секунд — уничтожить. Все террористы были убиты, ни один заложник не пострадал, ни один спецназовец не был даже ранен.

— Вы, конечно, изучали случай «Норд-Оста». Уже два года у нас вопрос без ответа: зачем застрелили спящих, отравленных газом террористок? Не лучше ли было их допросить?

ХЕЙФЕЦ. Не могу ответить, не зная, была ли вашей «Альфе» поставлена задача взять их живыми. Если такая задача не поставлена, спецназ убивает не раздумывая. Мне иногда говорили: «Принеси одного живым, но не любой ценой». Это значит — не жертвуя своими бойцами. Операция «Норд-Ост» — историческая по замыслу и проведению. Печальная проблема возникла со «второй рукой», которая должна была дать антидот всем заложникам, быстро и правильно оказать помощь.

Шауль ГИВОЛИ, 1926 г.р., воевал еще до возникновения государства Израиль, потом война с Египтом в 1948-м, война в 1956-м (командовал отрядом, взявшим Газу), Шестидневная война, Война Судного дня. С 1976-го в полиции. Ушел из армии генералом бригады, из полиции генерал-майором. Организатор специального обучения полиции.

ГИВОЛИ. Интересы армии — бюджет (для этого надо всегда говорить: «положение тяжелое») и карьера. Мораль где-то на третьем месте. Интересы политиков — электоральные и идеологические. В государстве альтруистических организаций нет.

Первая заповедь спецназа в случае захвата заложников: хорошая связь с террористами. Надо дать им полную уверенность, что все их требования выслушаны, поняты, серьезно анализируются, что проверяется возможность исполнения. Надо дать им надежду, что сделка, к которой в конце концов придут стороны, позволит им остаться жить.

Две опасности. Первая: если у террористов создается впечатление, что к ним несерьезно относятся, они начинают убивать заложников, чтобы добиться серьезного отношения. Вторая: если у террористов нет никакой надежды — они превращаются в самоубийц и, значит, в абсолютно беспощадных убийц.

Командиры на местах (там, где случился захват) не должны спешить что-то сделать. Первый, кто оказался на месте, должен всеми силами стабилизировать и консервировать ситуацию. И ждать прибытия группы из центра. Все должны взвешивать: если я это сделаю — какие будут последствия, хорошие или нет?

Надо постараться поставить диагноз террористам. Если они очень религиозны — доставить на место араба-муллу. Или доставить туда какого-нибудь главаря террористов, сидящего в тюрьме, если он согласен вести переговоры (зря убили Радуева в заключении. — *А.М.*). В Беслане я постарался бы доставить на место какого-нибудь знаменитого кавказского поэта — человека, пользующегося всеобщим уважением.

Имея дело с мусульманами, надо помнить, что уважение для них больше, чем жизнь. Если девушку обесчестили, отец говорит ее брату: «Убей». А ведь для уважения не нужен бюджет, оно бесплатно.

Министр обороны Моше Даян говорил: «Тараном можно пробить стену и ворваться на территорию, но тараном нельзя править. Разрушить — можно, построить — нет».

Когда ведешь переговоры о заложниках, надо дать террористам кредит уважения. Если им говорить: «Вы несете чушь», — они начинают убивать. Следует не выполнять требования, но говорить им: «Ваши требования надо рассмотреть в правительстве, в парламенте. Это невозможно быстро. А пока — давайте возьми-

те воду, лекарства, отпустите слабых». И одновременно готовить спецназ и врачей на случай тяжелого развития ситуации.

У вас в Беслане ситуация длилась дни, а для организации надо всего два часа. Но не было сделано ничего.

Террористы хотят успеха. Если они бы не хотели переговоров — могли бы сразу взорвать школу. Каждая сторона хочет преуспеть. Они не должны видеть, что к ним приближается спецназ. Ваша «Альфа» должна выглядеть как инженеры, официанты, врачи.

Террористы посадили «Сабену» (Гиволи рассказывает об операции освобождения заложников в самолете бельгийской авиакомпании «Сабена». — *А.М.*) в Бен-Гурионе, потребовали освобождения из тюрем арестованных террористов.

Захватчикам объяснили, что для них и для пассажиров необходима вентиляция, необходимо очень многое для функционирования систем самолета. Барак и Нетаньяху (будущие премьер-министры Израиля. — *А.М.*) пошли к самолету в белых комбинезонах бортинженеров.

Сто пассажиров, пять террористов, двенадцать людей в комбинезонах. Операция длилась 90 секунд...

Уважаемый Владимир Владимирович, жаль, если эти простые, проверенные схемы вам неизвестны. А если известны, но не применяются, тогда...

Услышав вопрос «В каких случаях можно идти на переговоры с террористами, захватившими заложников?» — собеседники изумленно взглядывали на меня, на переводчика и, убедившись, что правильно поняли вопрос, отвечали: «Всегда».

Подчеркиваю это, ибо уж кого-кого, а израильских генералов невозможно заподозрить в гуманном отношении к террористам.

Миф о том, что переговоры вести не надо, — миф беспредельно подлый. Но он внедряется в сознание людей всеми средствами. Уже не только политики, журналисты, киноартисты и кинорежиссеры, но даже психологи стали у нас дико воинственными. (На днях в «Известиях» президент Национальной федерации психоанализа Решетников заявил: «С террористом, который идет с оружием в руках, никаких переговоров быть не может». Или у Решетникова нет детей, или их не захватывали.)

Уважаемый Владимир Владимирович, на схеме, нарисованной специалистом по спасению заложников генерал-майором Хейфецем, от штаба (где принимаются все решения) до террористов 150 метров. А при «Норд-Осте» это расстояние равнялось 10 километрам (потому что все решения принимались в Кремле). А при Беслане решения принимались за полторы тысячи километров от места трагедии. В десять тысяч раз дальше, чем следует.

Мы с 1994 года воюем, Владимир Владимирович. Вы наш Верховный главнокомандующий, вы повторно начали эту войну в 1999-м (а теперь, через пять лет, говорите, что оказались не готовы). Продолжая сравнение с Великой Отечественной, где враг был неизмеримо сильнее и умнее, скажу: через пять лет после начала войны враг был давно готов (в смысле — капут).

В Израиле, где война с террористами идет давно, во главе государства уже много лет почему-то оказываются не аналитики, а бойцы спецназа.

8 октября 2004

Москва, Тель-Авив, Иерусалим и окрестности

Под текстом письма была напечатана информация:

Биньямин НЕТАНЬЯХУ — премьер-министр 1996—1999 гг., спецназовец, участник освобождения заложников «Сабены». Родной брат Йони Нетаньяху — командира спецназа, который освободил заложников в аэропорту «Энтеббе», в Уганде (центральноафриканская страна, куда террористы угнали самолет с пассажирами-евреями. Все террористы были убиты, все заложники спасены, погиб только командир спецназа).

Эхуд БАРАК — премьер-министр 1999—2001 гг. Окончил физико-математический факультет в Иерусалимском университете, участвовал в Шестидневной войне 1967 года, в войне 1973 года, был начальником армейской разведки, начальником генерального штаба, имеет наибольшее число наград среди ныне здравствующих израильтян — пять знаков отличия на поле боя, пятикратный «Герой Израиля» (все награды получены за период службы в спецназе). В 1971 году командовал операцией, в ходе которой прямо из генерального штаба сирийской армии были похищены пять офицеров. В 1972 году командовал

молниеносной (90 секунд) операцией по освобождению заложников «Сабены». Первым ворвался в «Боинг-707», промчался мимо рядовых террористов (если бы он начал стрелять в ближайшего, то дальние получили бы время для ответных действий, а те спецназовцы, которые бежали за Бараком, не имели бы возможности применить оружие), добежал до туалета, где заперся главарь, и застрелил его. В спецслужбах всего мира эта операция детально изучается. Поэтому у специалистов есть предположение, что знаменитая фраза Президента России «мочить в сортире» — оттуда, из сортира «Сабены». В 1973-м руководил операцией «Весна молодости» по ликвидации палестинских лидеров, проживавших в столице Ливана. Переодевшись в женскую одежду (говорят, он выглядел совершенно очаровательной блондинкой), Барак ворвался в дом со своими командос и застрелил трех видных деятелей ООП, ответственных за убийство израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде.

Ариэль ШАРОН — премьер-министр Израиля. В 14 лет вступил в нелегальную военную организацию, участвовал в войне 1948 года, дважды тяжело ранен, военный конфликт с Иорданией 1953-го, война с Египтом 1956-го (командир парашютной бригады), Шестидневная война 1967-го (командир бронетанковой дивизии), война Судного дня 1973-го... Создатель и руководитель 101-го отряда (первый израильский спецназ); созданное как ответ палестинским террористам, подразделение насчитывало 45 человек, просуществовало 5 месяцев и было распущено по причине крайней несдержанности и большого количества жертв среди арабского населения. Но считается, что 101-й отряд оказал решающее влияние на борьбу с терроризмом.

№ 15

АГЕНТЫ 006*

Уважаемый Владимир Владимирович! Мне кажется, я понял, почему вы не любите хороших людей. Потому что не умеете ими управлять.

Вы обучены вербовать — то есть использовать червоточину: жадность, страх. Агентами становятся люди, которых вербовщик поймал на чем-то плохом. Шестерки.

Не подумайте, что я добрался до секретной библиотеки КГБ, до ваших тайных учебников. Сужу по кино да по тем случаям, которые были в печати.

Романтические Филби кончились в 1950-х. Потом уже никто не верил в светлое будущее советского коммунизма. И всё, что мы узнавали из газет о разоблаченных агентах, — за сколько продал. Предатели, сволочи; в лучшем случае — несчастные, запутавшиеся (не в идеях, а в долгах и бабах).

Вот с кем вы умеете и любите иметь дело. С ними понятно, как работать. Принесет секретные чертежи — дать прибавку. Заартачится — цыкнуть. (Наверное, это вам спасибо, что либеральный империалист** замолк; видно, вы нажали какую-нибудь электрическую кнопку у него на пузике.)

Все удивляются вашей кадровой политике. Вы не выгоняете даже самых одиозных (рыбного Наздратенку, питерского Яковлева, которого вы же сами публично назвали Иудой, де-

* Показалось забавным — изменив одну цифру, превратить Джеймса Бонда в шестерку.

** В тот момент Чубайс еще иногда вспоминал свою бестолковую, выдуманную к выборам в Думу «Либеральную империю».

фолтивного Кириенку и др. и пр.) — вы их только переставляете, делаете своими полпредами; даже совестно.

Один пример: вот назначили вы специалиста по геморрою командовать телеканалом НТВ. Это было очень остроумно, потому что НТВ досаждал вам именно как геморрой*. И сделай вы такую штуку каким-нибудь немцам — мы бы хохотали. Но НТВ было нашим телевидением, и вышло, что это вы нам назначили лекаря, нас решили лечить. И начали сзади.

Использование отвратительных качеств — хорошо и правильно, когда речь идет о вербовке (найме) гражданина на работу в пользу чужого ему государства. А вы сейчас нанимаете (вербуете) ведь не немцев, а наших, своих.

Там, в чужой стране, приходится иметь дело со всякой сволочью, потому что хороший человек против своей Родины действовать не станет. Хоть его озолоти.

После вербовки такие люди становились врагами собственной страны, собственного народа. Одобряю, ибо они таким образом начинали приносить пользу нашей стране, нашему народу.

Но теперь все происходит здесь, дома, и результат ясен: завербованные становятся врагами собственному народу.

А народец удивляется: как безжалостно отменяют льготы?! как взвинчивают цены?! Не только бензин, хлеб дорожает — а почему? Неурожай нефти? Неурожай пшеницы? Или рекордный урожай чиновной сволочи?

Вместо того чтобы приглашать на работу специалистов, вы продолжаете вербовать агентов. А у них нет идеи служения. У них — страх, корысть, жестокость.

Всем ясно, что Беслан — это Чеченская война. А Кремль говорит — «никакой связи». Всем ясно, что назначение губернаторов не напугает террористов. А Кремль...

Ну и что? Всем было ясно, что Брежнев в маразме, а он долгие годы руководил сверхдержавой. Всем было видно, что Черненко — растение (это не насмешка, он был ужасно болен), но его назначили руководить сверхдержавой.

Разве мы (и вы) этого не понимали? Но от нашего понимания ничего не менялось.

* Сенкевич теперь руководит «Газпром-Медиа».

В минувшее воскресенье — ровно десять лет, как профессионалы Грачёва убили журналиста «МК» Дмитрия Холодова. На кладбище, на панихиду мы вас не ждали. Не удивились и тому, что ни одного сочувственного слова ни вы, ни вся ваша вертикаль не проронили.

Всем ясно, что за оправдание убийц Холодова один судья пожалован в генералы, другой — повышен в должности. Скорее всего с вашего ведома. Зачем?

Если бы вы видели, уважаемый Владимир Владимирович, с какой веселой наглостью вели себя подсудимые. Если бы вы, юрист по образованию, почитали дело, переполненное вопиющими нарушениями Конституции и законов. Если бы вы взглядели, как судья в перерывах курит с подсудимыми, как судью увозит и привозит машина подсудимых...

Ну и что? Всем все ясно, но ничего не меняется.

Уважаемый Владимир Владимирович, подумайте (пора): что останется от вас в истории? У вас есть дети, будут внуки — что вы им оставите? (Речь, ясное дело, не о деньгах.)

Мочить в сортире; сделать обрезание так, чтобы ничего не выросло, — не спорю, фразы удачные, понравились народу, запомнились. Для сиюминутных — фразы вполне. Для исторических — ничтожные. И что кроме них? Люди умирают, уезжают, кольцо врагов сжимается, взрывы учащаются... В тюрьме торчит Ходорковский, и уже не важно: виноват ли, но на бизнесменов это действует потрясающе. Если по примеру Петра Великого, который утыкал всю Москву отрубленными головами стрельцов, воткнуть в Кремлевскую стену палку с головой Ходорковского — все выборы пройдут с таким результатом, что обзавидуются и Лукашенко, и Туркменбаши...

Ваш предшественник в мире был известен как Первый Президент России. Но мы-то его знали как Первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Можете ли с ходу назвать хоть одного ельцинского министра, которого бы народ уважал? (Шойгу не в счет, он ни политику, ни экономику не делает; это правительственный слесарь-сантехник — починяет, где течет, где искрит, где засор.) Премьеры — караул, вице-премьеры — воры (один даже продавал оружие и вер-

толеты японским сектантам-убийцам), силовики — предатели (звучит грубо, извините; но как назвать продавцов оружия врагу?).

80 процентов белорусов проголосовали за пожизненное президентство Луки*. Всем ясно, что это липа. Но ведь вы не станете опровергать эти проценты, признаете законными. А наш народ, понимая, что это фальшивка, услышит от вас, будто эта фальшивка — истина. И подумает народ уже не о лукашенковских, а об нашенских процентах — не липа ли и они? Если вы чужую липу признаете — значит, свою-то и подавно.

Помню, вы заставили Думу проголосовать за сталинский гимн. Объясняя свою настойчивость, вы сослались, будто 60 процентов народа (по опросам; чьим?) — за эту музыку, и добавили иронически: «Может быть, мы с народом ошибаемся». Вы, конечно, хотели сказать, что глас народа — глас Божий и, значит, вы не ошибаетесь.

Во-первых, уважаемый Владимир Владимирович, никакого 60-процентного гласа Божьего не бывает; он всегда 100-процентный. Во-вторых, то вы ошибаетесь с народом, то с силовиками, то с Бушем... (Вчера, например, вы сказали, что если Буша не изберут на второй срок — это будет победа международного терроризма. Ох, уважаемый Владимир Владимирович, кто бы мог подумать, что Керри — кандидат террористов.) Однажды люди решат, что ошиблись с вами. И начнут ошибаться без вас.

Зачем все время с кем-нибудь ошибаться? Давайте начнем действовать правильно.

Только для этого придется агентов поменять на сподвижников.

Интересно бы знать: думаете ли вы об этом?

19 октября 2004

* Весной 2006 года Лукашенко выиграл снова. Поздравили его трое: Путин, Фидель, Иран.

№ 16

ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!

Уважаемый Владимир Владимирович! Обещаю: письмо вас обрадует.

По случаю встречи с Алиевым (Азербайджан) вы велели нам бороться с ксенофобией.

Кто не знает: ксенофобия склеена из двух кусочков: ксено (чужой) и фобия (страх) — в сумме страх и ненависть к чужакам, к чужой расе, к чужой религии. От этого погромы и прочие ужасы.

Люди давно ждали от вас такого призыва. Хотя осталось неясным: бороться с ксенофобией в себе? или на улицах? Если второе, то это — к милиции, к прокуратуре, к судам.

Увы, не факт, что получится. Люди помнят, как вы велели бороться с беспризорностью, с коррупцией, с отставанием в спорте, бороться с «оборотнями», с пьянством... Ох нет, с пьянством — это Горбачев (результат: пьем вдвое больше), а вы — с наркотиками (результат для нации тот же, но зато у вашего питерского приятеля статус министра и 40 тысяч подчиненных).

Ясно, что благих порывов недостаточно. Но с ксенофобией можем совладать! Надо только знать, как взяться за дело.

Ксенофобией в реальности (по месту службы) занимаются менты. Вместо того чтоб ловить ксенофобов, они даже пойманных отпускают. Прокуратура не усматривает в действиях погромщиков ничего «этнического». Судьи судят явных фашистов за «хулиганство»* — это все равно что судить за мелкое ганство, а за хули — гладить по головке.

* Через полтора года в Питере убийцы 9-летней девочки были осуждены за хулиганство.

Похоже, правоохранительная часть вашей вертикали не чувствует политической воли. А выход, повторяю, есть, причем очень хороший, исторически проверенный.

Когда какой-нибудь русский князь решал по-настоящему замирился с Ордой, он или дочку выдавал за хана, или сына женил на кончаковне. Это всемирный способ. Им даже египетские фараоны пользовались, а кто изобрел — теряется в каменном веке.

Россия действовала, как вся Европа, и очень удачно. Принцев женили исключительно на немках. Екатерина Великая — несомненно, лучшая и невероятно успешная русская императрица — стопроцентная немка.

Не знаю, холост ли Алиев-мл., но уж чего-чего, а женихов у мусульман хватает.

Есть еще один радикальный ход — если вождь переходит в чужую веру... то есть если бы, например, председатель Государственной Думы Грызлов и председатель Совета Федерации Миронов приняли магометанство (так, слегка, без этих, знаете, болезненных ритуальных подробностей, хотя, если вы прикажете, они и это сделают ради мира на Земле)*... нет? ну, пусть Буш воспользуется идеей — гениальный предвыборный ход, сразу четыре жены можно: из Ирака, Ирана, Объединенных Эмиратов и Саудовской Аравии. Ведь правда, лучше гарем завести, чем посылать парней за океан гибнуть ради нефти.

Главное — подать пример на высшем уровне. Но и потребовать от нижестоящих. Пусть каждый начальник отделения милиции женит сына и пару холостых участковых на таджиках. Прекрасно готовят, любят детей (и воспитывают их в беспрекословном повиновении отцу), не капризны, страстны, верны, не пьют.

Да у нас не только ксенофобия исчезнет — у нас рождаемость взлетит!

Но уж если требовать — то от всех. Татары, Владимир Владимирович, хотят перейти на латиницу. Зачем? Это ведь тоже ксенофобия — способ закрыться от чужих, а разве мы им чу-

* Первоначально предложение о переходе в магометанство относилось к адресату. Но решили лишний раз не напрягать.

жие? Их религия записана на арабском (очень красивые буквы); с какой стати им понадобился латинский шрифт?

К чему это приведет, я уже писал (см. «Бессловесная скотина», «МК» от 16.10.2002). Сотни миллионов книг, напечатанных за годы советской власти русскими буквами, — Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов... великолепные, непревзойденные по мастерству переводы Шекспира, Хемингуэя, Фолкнера, Гомера, Рабле, Гёте... — все это богатство, хранящееся в татарских домах и библиотеках, онемееет через 20 лет, когда вырастут детки, отученные от кириллицы по воле нынешних татарских ксенофобов. А ради чего? Что напечатают на латинице вместо великих книг — кроссворды? эротику?

Есть с кого брать хороший пример. В Москве легко услышать «армяшка» и т.п. А в Армении, в Ереване, никогда не услышишь ни слова против русских. Это еще что. На улицах Еревана таблички с названиями — по-армянски и по-русски. И ладно — это государственная воля. Но и вывески на магазинах, кафе и прочих частных лавочках часто встречаются русские. Это проявление народной симпатии. В Прибалтике такого не увидишь...

А у нас... Каждый день то убьют, то избыют до полусмерти вьетнамцев, негров, кавказцев... Это стало привычной, хоть и отвратительной нормой жизни. И вы молчали. А приехал Алиев-мл. — и вы сказали. Поверят? Или примут за протокольную вежливость? За пустую формальность.

Если ничего не сделать, если не поставить по стойке «мирно» уже упомянутую правоохранительную часть вашей вертикали, — чужие, азиатско-африканско-кавказские народы поймут, что их обманули. Могут обидеться. Восток — дело тонкое. Вы тут королю Иордании в Кремле (призывая его образумить террористов) сказали:

— Хочу поблагодарить Вас, Ваше Величество, за то, что Вы приняли приглашение и согласились приехать в Москву. И надеюсь, что Ваш голос, голос авторитетного лидера одной из мусульманских стран, голос человека, **которого, как мы знаем, считают** одним из прямых потомков пророка Магомеда, будет услышан всеми теми, от кого зависит жизнь и здоровье наших граждан...

Это очень рискованно, уважаемый Владимир Владимирович. Восточные люди страшно чувствительны. Представьте, что кто-нибудь сказал бы русскому царю: «Ваше Величество, как мы знаем, Вашу маму считают честной женщиной...» Даже не знаю, чем бы дело кончилось.

Вот бы узнать, что вы об этом думаете.

21 октября 2004

№ 17

СТРАШНОЕ ИМЯ

Уважаемый Владимир Владимирович! Это письмо написано полтора месяца назад*. Не публиковал; надеялся — может, вы малость остынете. Удивительно, как вы (не поэт, не романтик) остро реагируете на слова.

С виду вы — прагматик, человек расчетливый, но вас почему-то не колышут даже самые свирепые экономические бури. Когда грохнулся ЮКОС и потянул вниз весь рынок, и потери, по разным подсчетам, составили от 30 до 100 миллиардов долларов — вы и бровью не повели. Напротив, велели «прекратить истерику».

А стоит кому-нибудь на Западе назвать чеченских боевиков «повстанцами» — вы приходите в ярость (по словам очевидцев, меняетесь в лице, повышаете голос).

Уважаемый Владимир Владимирович, напрасно вы считаете, будто «повстанец» — это похвала. В устах западных людей это слово не имеет положительного оттенка.

Повстанцы — инсургенты (от латинского *insurgens*) — подданные, восставшие против своего правительства.

Вам кажется, будто это похвала, потому что вы учились в советской школе, вступали в комсомол и в КПСС, работали в КГБ — и во всех этих организациях вам внушали, будто повстанцы — молодцы. Ибо в СССР (и до сих пор, по инерции с 1917 года) считалось, что буржуазные правительства — плохие угнетатели, а все, кто восстает с оружием в руках, — хорошие борцы за свободу. И СССР их поддерживал и деньгами, и обучением, и оружием, и советниками.

* Сразу после Беслана.

Вот вы дружите с Бушем и тем самым предали кубинских повстанцев во главе с кумиром вашей юности Фиделем.

Но в глазах буржуазных правительств повстанец — сволочь. А мы же с вами живем сейчас при буржуазном правительстве (если сомневаетесь — поглядите, как министры одеваются, что едят, на чем их жены ездят, — да таких буржуинов поискать, настоящие Плохиши, только берут уже не печеньем и не вареньем).

Уважаемый Владимир Владимирович, создается впечатление, будто вы вообще боитесь некоторых слов. От этого возникает подозрение, что все держится на других (приятных вам) словах.

В русском языке есть удивительное выражение «держится на честном слове». Это значит сгнило, вот-вот развалится, рухнет в любую секунду. По идее, все должно быть наоборот. Честное слово — крепчайший фундамент. На нем строится настоящий бизнес, настоящая власть, настоящий закон. На честном слове мир стоит.

А вот если что-то построено на вранье, то стоит прозвучать настоящему слову — вся декорация рухнет.

Увы, это может быть. Это может случиться в любую секунду. И понятно, в частности, почему с телевидения убрали прямые эфиры и без того выхолощенных политических ток-шоу.

Вяленая вобла (из сказки Салтыкова-Щедрина), добравшись до власти, «паче всего на канцелярской тайне да на округлении периодов настаивала. “Главное, — твердила она, — чтоб никто ничего не знал, никто ничего не подозревал, никто ничего не понимал, чтоб все ходили как пьяные!” И всем, действительно, сделалось ясно, что именно это и надо. Что же касается до округления периодов, то воблушка резонно утверждала, что без этого никак следы замести нельзя. На свете существует множество всяких слов, но самые опасные из них — это слова прямые, настоящие. Никогда не нужно настоящих слов говорить. А ты пустопорожнее слово возьми и начинай им кружить. И кружи, и кружи; умей, “к сожалению, сознаться” и в то же время не ослабеваючи уповай; сошлись на дух времени, но не упускай из вида и разнужданности страстей. Тогда изъяны стушуются сами собой, а останется одна воблушкина правда. Та вожделенная правда, которая помогает нынешний день пережить, а об завтрашнем — не загадывать».

Извините за длинную цитату, но вы же сами видите, что и ваше обращение к нации, и наделавшее шуму интервью Суркова — все, увы, построено по рецепту вяленой воблы Щедрина. Он, Щедрин, с ужасными подробностями описывает, что делали с воблой, прежде чем она стала вяленой и попала в первые ряды администрации. Не цитирую, чтобы не возмутить и не озлобить ваших помощников. Но в конце процедуры, когда «голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался... “Как хорошо, — говорила вяленая вобла, — что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести — ничего такого не будет!”»

Даже удивительно, что книга, по которой я это цитирую, издана во времена Иосифа Виссарионовича Сталина. Тогда же (продолжая тему) издан старенький Андерсен в очень хороших переводах. Помните, все придворные, все подданные восхищались новым платьем короля, пока какой-то мальчишка не крикнул:

— А король-то голый!

И что? — рухнула вся вертикаль. Трудно поверить, но это так. Если сомневаетесь — прикажите, вам скачают из Интернета эту историю.

Страх перед правдивым словом — это страх перед самой правдой.

Мы давно, с 1994 года, называем войну — войной. «Мы» — это народ, журналисты, армия — все, кроме Кремля. А власть все эти годы изобретала безобразные пустопорожние подделки: «наведение конституционного порядка», «борьба с незаконными вооруженными формированиями», «государственное принуждение» (это вобла по имени Шахрай отличилась), «борьба с международным терроризмом»...

И вдруг, на исходе десятого года войны, вы, Верховный главнокомандующий, и ваш Иванов (министр обороны) заявили: **«Нам объявлена война!»** Вы где были 10 лет?

...И вдруг — после серии катастрофических провалов наших спецслужб, сразу после Беслана, в дни объявленного вами траура — появляются в печати гимны, воспевающие КГБ. Мол, не разогнали бы при Ельцине нашу замечательную Лубянку, она бы показала этим гадам.

Владимир Владимирович, вы же профессионал, вы же понимаете, что это «воблушкина правда» (чтобы не говорить «вранье»).

В конце 1930-х — начале 1940-х КГБ-НКВД был в полной силе — вся страна дрожала. Но в 1941-м они вместе со всеми и впереди всех драпали так... Это — времена дедов.

Но и в ваше время, в 1980-х — начале 1990-х, КГБ был отнюдь не разогнан. Его усиливали, огромные здания на Лубянке плодились. Но когда валили Феликса, ни один офицер не попытался защитить кумира, попрытались.

А потом — рыцари и, так сказать, моральные образцы, генералы и полковники — оказались в спецслужбах всех олигархов. (Смех: сперва корили Гусинского — взял, мол, на работу душителя, сатрапа, генерала КГБ Бобкова; а потом корили Бобкова: мол, как мог рыцарь пойти на службу к вору, безродному космополиту.)

Да, в КГБ были великие разведчики, но даже их — своих! лучших! — чаще всего убивали и предавали свои, соседи по кабинету.

Люди закрываются, не хотят слушать о трагедиях, думать о них. В головах некая абстракция: трехзначное число погибших, гуманитарная помощь, медицина катастроф. Но если вдруг, видя фотографии или телекадры, представляешь своего ребенка... ужас охватывает невыносимый.

Как остановить? Организованные митинги не обнадеживают. Всё думаешь, как это так: в Москве (после бесланской своей трагедии) на митинг против террора свозили автобусами и собрали 100 тысяч, а в Риме (после чужой), без автобусов, пришли 150 тысяч?

Война идет почти 10 лет, а люди все еще не готовы бороться с ней. Хотя если бы народ сказал «нет!», если бы вышли 10 миллионов...

Власть — не может и не хочет остановить войну. Исполнители не умеют, не могут принимать решения. Они даже плохо умеют объяснять, почему не вышло.

А еще они не понимают, что происходит. Они (и подчиненные им телеканалы) твердят: «Бандиты, бандиты, бандиты». А когда западные журналисты и политики употребляют

слова «сепаратисты», «повстанцы», наша власть приходит в ярость.

Боевикам скорее всего наплевать, как ваши их называют. Это для нас важно, чтобы их называли правильно.

Это не пустяковые ошибки в терминологии. Это ошибочный диагноз. Много лет советская власть клеймила белобандитов. Но мы же понимаем, что это были белогвардейцы. (Люди видели, как вы утирали слезу, слушая про корнета Оболенского; вас показывали в первом ряду на концерте.)

Бандиты действуют только ради денег. Они грабят и убивают, чтобы «гулять», но сами умереть никогда не хотят. Называть террористов бандитами — все равно что рак — чесоткой. Если чесотка, то вот мазь; намажь — пройдет.

Мажем, мажем, 10 лет мажем — не проходит. Только хуже становится. Значит, это другое.

На митинге в Питере знаменитый кинорежиссер кричит: «Верните смертную казнь! Расстрел!» Кому? Шахидкам? Они сами себе вернули смертную казнь.

Дело не в героизации террористов. Дело в том, что бороться с ними можно, только поняв их психологию, мотивы и т.д. Не поняли — 130 убитых, 90 убитых, 350...

Ленин однажды сильно ошибся, назвав одного людоеда «чудесным грузином». Эта ошибка стоила нам больше 50 миллионов жертв террора.

22 октября 2004

№ 18

ЛУЧШЕ С УМНЫМ ПОТЕРЯТЬ...

Уважаемый Владимир Владимирович! Извините, но это письмо не вам. Лучше даже не читайте. Это письмо, с вашего позволения, адресовано американцам — у них во вторник выборы.

Поскольку военный бюджет США больше, чем у всех остальных стран Земли, вместе взятых, — весь мир беспокоится, кто возглавит эту сверхдержаву. А выбор-то невелик.

Буш или Керри — вот вопрос.

Разумные люди — за Керри, потому что он умнее; хороший критерий, правда? И алкоголиком в отличие от Буша не был — тоже важно.

Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Эта мудрость ко всем относится: и к американцам, и к нам. А насчет вашей уверенности, будто поражение Буша означает победу международного терроризма, — это иллюзия.

Керри умнее Буша, это медицинский факт. Там, в США, принято проверять и публиковать IQ — коэффициент интеллекта, а по-русски — размер ума. Так вот, у Буша этот размер самый маленький среди всех президентов за всю историю Америки.

Чем умнее будет президент США, тем хуже будет террористам. Это же ясно. Надеюсь, что и у нас в 2008 году никто не захочет выбрать идиота, чтобы таким образом насолить Басеву. И как бы мы отнеслись к иностранцу, который бы советовал нам выбрать наиболее глупого из имеющихся кандидатов?

Поражение Буша станет не победой международного терроризма, а победой разума. И чем скорее — тем лучше. Даже всеми любимый киноартист Шварценеггер, избравшись губернатором, стал похож на Буша — злой тонкогубый рот с повисшими углами, глупая фальшивая улыбка... Лицо изменилось! Да и не у него одного лицо становится президентским. Это свойство чиновников; они называют начальника «папой» и похожи на него как дети.

Но все это меркнет перед 11 сентября. В то утро Буш долго не мог понять, что происходит (телекамеры зафиксировали неподвижное тупое выражение, кадры эти вошли в документальный фильм «Фаренгейт 9/11», получивший главный приз Венецианского кинофестиваля). А потом — и это тоже зафиксировано в документах — был объявлен полный запрет на полеты над территорией США. Любой самолет, попытавшийся подняться в воздух, был бы немедленно сбит. Но один лайнер пролетел над Америкой, собирая членов семьи бен Ладена, и улетел куда-то в мусульманские страны. Буш спас семью бен Ладена.

Это будет покруче, чем спасти Собчака от ареста, дав ему самолет для вылета за границу; вы организовали это, и этот случай все ставят вам в заслугу как пример верности в дружбе.

Керри — демократ, но жизнь важнее партийности. Дело не в Керри и даже не в демократии. Дело в Буше. Ничего хорошего он никому не сделал.

Будь я даже республиканцем (бог знает, что это значит), я поступил бы, как белогвардейский генерал Чарнота. Помните, генералу попался замминистра Временного правительства, оказавшийся трусливым циничным спекулянтом. Чарнота ему и сказал: «Вот нарочно запишусь к большевикам, расстреляю тебя и немедленно выпишусь обратно».

В 2000 году американцы кое-как выбрали Буша. Полтора месяца пересчитывали голоса, большинство избирателей было за другого, но большинство выборщиков (такой у них закон) оказалось за Буша. Он прошел еле-еле. Но тогда американцы плохо представляли себе, с кем имеют дело.

Прошло четыре года. Теперь они точно знают, что он из себя представляет. И если они опять выберут его, они тем са-

мым скажут всему миру, что именно такой президент — агрессивный и, мягко говоря, не слишком умный — им нужен. А зачем?

Скоро мы много узнаем об американском народе.

29 октября 2004

P.S. И американцы действительно выбрали себе Буша — уже зная, что он глупый и злобный. Чудеса.

№ 19

СОВРЕШЬ — ПОРВУ!

Уважаемый Владимир Владимирович! Буду краток. (Говорят, что длинные письма вас раздражают. А длинные-то они потому, что хочется рассказать вам обо всем, что волнует людей; а их волнует очень многое.)

Люди верят, что вы хотите сделать много добра. И никто не понимает, почему у вас не получается. А есть замечательная книжка про мальчика, которому тоже хотелось игрушек и пирожков. Но ничего не выходило. Никто не давал. Потому что он не говорил волшебного слова. А потом его добрый волшебник научил. И все пошло как по маслу. Но если вы думаете, что я про «пожалуйста», то нет. И время не то, и люди не те.

Вы, наверное, знаете, что у нас в стране каждый день стреляют, взрывают — убивают людей, особенно на Северном Кавказе и в Москве. И всякий раз после самых страшных трагедий власть официально сообщает нам, что виноват Басаев, и его снова и снова объявляют в розыск.

Итак, где Басаев? Точнее, где голова Басаева? Когда нам ее покажут? Эти вопросы хотелось задать Патрушеву (ФСБ), но не вышло — не соединяют, невозможно дозвониться.

Пожалуйста, уважаемый Владимир Владимирович, спросите у Патрушева. Вы же почти каждый день встречаетесь; да и по телефону вас, несомненно, соединят.

И еще, Владимир Владимирович, пожалуйста, спросите это у него не тогда, когда у вас с ним секретные разговоры, а в тот момент, когда в вашем кабинете работают телекамеры государственных каналов.

Они потом нам покажут, что наснимали. Обычно на экране видно, как очередной министр вам что-то докладывает, а вы говорите ему, что надо еще лучше проверить и убедиться, что людям точно от этого будет польза.

Сколько нам таких картинок показали за эти годы — не счесть. И ни разу ни один ваш собеседник не запутался, не сбился, не попался на вранье. Зная уровень наших чиновников, их бестолковость и косноязычие, приходится предположить, что вы, прежде чем выйти к телекамерам, с ними репетируете. Чтобы все прошло как по маслу. И это правильно, поскольку в серьезных вопросах экспромты недопустимы. А кроме того, высшие лица не должны публично ударять в грязь лицом — позорить и вас, и саму идею власти. (Из-за этих репетиций, думаю, вы и опаздываете всюду: разве им с одного раза втолкуешь...)

Если будете репетировать с Патрушевым, рискну предложить не только тему, но и текст.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ: — Где Басаев? Почему не пойман?

ШЕФ ФСБ: — Э-э-э...

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ: — Даю неделю... Хорошо — две недели срока. Не предъявите Басаева живого или мертвого — будете разжалованы, арестованы и преданы суду. (Поворот головы в сторону министра внутренних дел.) И вас касается. И смотрите, чтоб никаких подделок. А то подсунете мне труп какого-нибудь одноногого бомжа, а этот чеченский черт потом выступит по телевизору...

Владимир Владимирович, увидите — подействует. Помните, как однажды в самолете (это потом попало в газеты) вы сказали Вяхиреву (тогда — хозяину «Газпрома»):

— Рем Иванович, если не отнимете НТВ у Гусинского, я вас порву.

И все получилось. Потому что «порву» — это самое настоящее волшебное слово; действует по всей вертикали, прошибает насквозь. Эти ваши люди — они не понимают, когда с ними по-доброму. Они слушают ваши вежливые слова и думают, что все как-нибудь рассосется. А «порву» они понимают. И губернаторы понимают, и Вешняков (ЦИК), и... Интересно, поймет ли, к примеру, Саакашвили; но тут без эксперимента не обойтись, теория молчит.

Порву — очень сильное волшебное слово. Хотя я и не Вяхи-рев, а понимаю, что он почувствовал, когда услышал. Перед его мысленным взором вряд ли очутился рваный клочок бумаги. Скорее, он ощутил себя голым, а на горле, на пузе и в паху — большие острые зубы.

На прощание. Письмо могло быть еще короче. Но есть сложность: чем короче говоришь — тем грубее получается. Одно дело «уважаемый», «пожалуйста», «извините, если что не так», а при сокращении до предела остается только «упал! отжался!». У меня, конечно, есть опыт лаконичной переписки с лидером одной из думских фракций. Я ему дважды написал «пошел на...» (и указал короткий адрес). Но толку никакого. Не идет, ждет, пока это ему вы скажете.

Заканчиваю.

Уважаемый Владимир Владимирович, поверьте на слово: есть реальный способ решить проблему Басаева. Окончательно решить. Но, как вы понимаете, такие деликатные вещи через газету не сообщишь, и по телефону не скажешь, и по почте не пошлешь.

Пригласите — скажу. Не шучу. Вопрос слишком назрел. Даже не спрашиваю, что вы об этом думаете.

11 ноября 2004

НУЖНЫЕ ЖЕРТВЫ

Уважаемый Владимир Владимирович! На прошлой неделе вы получили письмо про Басаева и Патрушева. Заголовок был грубоват («Соврешь — порву!»), но речь шла о важном для страны деле. О том, что пора приказать силовикам поймать Басаева.

«Поймать» — потому что он же очень много знает о тех, кто помогает ему не только из арабских стран, но и из Москвы, и даже из Кремля.

Ну а если поймать не могут (не хотят; боятся, что заговорит), то пусть хотя бы голову принесут. Она будет молчать.

Пока вы раздумываете над нашим предложением, редакция получила сотни откликов. И некоторые защищают Патрушева: он, мол, не может.

Должно быть, и вам генералы внушают: нету, мол, сил; стараемся, да не выходит.

Не верьте, Владимир Владимирович. Силовики скромничают.

В апреле 2001-го (!) в Петербурге на научно-практической конференции по борьбе с международным терроризмом шеф ФСБ Патрушев заявил:

— Боевики уже не способны к крупномасштабным акциям... Что же касается лидеров чеченских боевиков, то у федеральных сил есть возможность арестовать их хоть завтра, но это может привести к ненужным жертвам среди бойцов объединенной группировки.

Беречь своих людей — хорошее качество командира. Но с тех пор произошло слишком много крупномасштабных акций.

«Норд-Ост», налеты на Назрань и Грозный, Беслан, взорванные стадионы, самолеты, сбитые вертолеты... За три с половиной года число жертв Басаева перевалило за три тысячи. Как их назвать?

Генералы заботятся о том, чтобы не было ненужных жертв. Выходит, гибнут нужные жертвы?

15 ноября 2004

№ 21

КУХАРКУ УВАЖАЕШЬ?

Уважаемый Владимир Владимирович! На днях один ваш министр, защищаясь от нападков, сказал: «А вы что — хотите, чтобы опять кухарки начали управлять государством?»

Хорошая мысль. Но очень странная интонация. Откуда это аристократическое высокомерие? Он кто — князь? или взяточник? Первое — наверняка нет. Второе — очень может быть.

Спросите подданных, Владимир Владимирович, уважают ли они министров, депутатов, губернаторов? Верят ли, что те честные, умные и взятки не берут?

Вы уже пять лет у власти (абсолютной) — а команда... Они же все — ваши; любого можете хоть выгнать, хоть посадить. Нет чужих, нет таких помех, как в других странах (вроде коалиционного правительства, оппозиционного парламента).

Посмотрите на рейтинги вашего Грефа, вашего Зурабова, вашей Думы, где конституционное большинство в руках ваших верных рабов. (Написал и задумался: что рабы — несомненно, а вот верные ли? Они ведь успели сменить стольких хозяев.)

Кто из ваших людей пользуется уважением? Фрадков? Мы не знаем, что он за человек. Иванов (министр обороны)? Несколькими годами победить Чечню не может, лодки тонут, самолеты падают, армия ропщет, реформа ни с места, а он улыбается (очень странная у него улыбка). Грызлов? Вот тот, который руководил оборотнями, а потом немножко их половил, пересаживаясь в Думу.

На вопрос об уважении часто слышим уклончивый ответ.

— Уважаешь Иванова?

— Да, я уважаю его за то, что у него всегда воротничок отглажен и ботинки начищены.

— Уважаешь Приватизатора?

— Да, он умеет добиваться своего.

Никто не спорит. Они умеют добиваться своего и даже чужого. Но ответ «да» — лукавый, ибо за ним следует ползучее уточнение.

Спрашивая «уважаешь?» — мы подразумеваем не цену костюма, а человеческие качества: совесть, доброту, заботу о людях.

Кто из высшего руководства пошел во власть ради бескорыстной идеи, ради людей?

Говорю «ради людей», ибо народ содержит министров, депутатов, губернаторов — всю вертикаль. И человек, идущий в министры, нанимается не к Фрадкову и не к вам, а к народу; и значит — обязан верностью народу. А выходит — платим мы, а верность наши наемники соблюдают вам.

Тогда пусть будет кухарка. Если она честная и умная — сможет. Хорошая кухарка хочет, чтобы людям было вкусно; она, безусловно, лучше, чем воры и лжецы.

Таких кухарок нет, чтобы жрать устрицы, запивая шампанским, а хозяев посадить на хлеб и воду.

Говорят, если поднять зарплату — чиновники станут честными. Недавно один мелкий чиновник погиб в своей машине (марка «Hummer», цена 120 тысяч долларов). Мир его праху. При зарплате 100 долларов в месяц он должен был копить (не есть, не пить) сто лет. А если есть и пить, то двести. Если такому поднять зарплату в 10 раз, то на «Hummer» копить придется 20 лет, — неужели будет пешком ходить.

На «письма президенту» приходит множество откликов — резкие, умные; жаль, что вы их не видите. На днях некто Николай написал: «Чего хорошего можно ждать от этих красавцев? Население России сокращается из года в год. Если бы на ферме в плохом колхозе то же самое происходило со скотиной, можно ли было бы говорить, что завфермой работает хорошо?»

Это отклик на письмо о Патрушеве, который три с половиной года назад публично заявил: «У федеральных сил есть воз-

возможность арестовать их (Басаева и пр.)* хоть завтра, но это может привести к ненужным жертвам среди бойцов объединенной группировки» («МК», 15.11.2004).

Владимир Владимирович, вы, наверное, невнимательно прочли. Или не вдумались. Вообразите: начальник вашей личной охраны заявил, что может арестовать ваших смертельных и вооруженных врагов, но бережет своих людей.

Не можете такого вообразить? А мы чем хуже? Ведь ФСБ — это **наша** безопасность. Мы платим на содержание органов хрен знает сколько, а он бережет своих людей. А если врач начнет беречь лекарства?

...Вы повсюду назначаете питерских. Хорошо, что вы из четырехмиллионного Санкт-Петербурга. А если б из деревни в пять избышек? Каждый подпасок совмещал бы три министерских поста.

И вот вопрос: было бы хуже? Доярки и кухарки вызывают больше доверия, чем таможенник, милиционер и прочие члены вашей вертикали независимо от числа и размеров звезд на погонах.

19 ноября 2004

* Вскоре Масхадова заманили в засаду. Он думал, что едет на переговоры с представителем Кремля, а его убили без разговоров. Могли взять живым, но он слишком много знал.

№ 22

ПАРТИЙНЫЙ КУЛАЧОК

Уважаемый Владимир Владимирович! Вы — коммунист, это ясно. И не важно, где ваш партбилет: сожгли, как деятель культуры, закопали, как партизан, храните в сейфе. Главное — что в душе.

Президент — политическая фигура № 1. Он не может быть вне политики. А она — партийна. Вы же голосуете. И надеюсь, от души, не лицемерите. И надеюсь — голосуете не за ЛДПР, СПС и т.п.

За «ЕдРо»? Вы открыто за них агитировали (за это на вас другие партии даже в суд подавали). Выходит, вы за «ЕдРо». Но ведь у них никакой идеи вообще нету. Идейных в таких партиях не бывает. И значит, это группировка, а не партия.

Помните, в школе учили Маяковского:

А если в партию сгрудились малые —
Сдайся, враг, замри и ляг!
Партия — рука миллионнолапая,
Сжатая в один громящий кулак.

У Маяковского, конечно, «миллионнопалая», но «лапая» в некотором смысле точнее. Сгрудить этих малых в кулак — легко. Сгрудить их в умную голову — невозможно. Вот вы Думу сгрудили, а придумать она ничего не может, даже не пытается. Да и кулак-то из них...

Вы — один, а занимаетесь созданием двух партий, а то и трех. «ЕдРо» — ваше, «Родина» — ваша (и сделана в Кремле, и поддержала вас, своего создателя-кормильца; Rogozin с пере-

пугу готов был убить Глазьева, когда тот выдвинулся в президенты). Теперь, говорят, создаете что-то либерально-правое.

Уважаемый Владимир Владимирович, как может один человек создавать несколько партий? Это же не фирмы.

Хотите сделать одну партию с двумя-тремя псевдонимами (кличками)? Это Ельцин делал: партию Черномырдина и партию Рыбкина; но все сбежались туда, где бюджет (идейных-то не было).

Партия — это политические убеждения. Если вы убежденный коммунист, вы не можете создавать либералов — это было бы лицемерием или болезнью. Если у человека разные убеждения, он шизофреник.

«ЕдРо» — дело другое. Там нет ни идей, ни убеждений. Там только голый, циничный интерес: власть — деньги — власть.

Создавая разные партии, вы, выходит, действуете как финансовый игрок, биржевик — по принципу не держать все свои яйца в одной корзине. Но этот циничный принцип (правильный в бизнесе) не годен для политики. (Наши олигархи на том и погорели: путали партии с банками. Давали и «Яблоку», и коммунистам, и СПС, и черт его знает кому.) Вряд ли есть американский бизнесмен, субсидирующий и Буша, и Керри.

Помните, став премьер-министром, наследником престола, вы пришли на коллегию ФСБ (КГБ). Вас встретили аплодисменты. А вы, будучи среди своих, расслабились, забыли про телекамеры и объявили: мол, внедрение завершено!

Грянула овация, радость без предела... Это очень честно вы сказали. Очень откровенно. (Хотя наивные думали, что вы шутите.)

Внедрение — слово архиважное. Оно говорит о проникновении в самую сердцевину врага с помощью притворства. Внедрил — это прикинулся, чтобы сочли своим, допустили к руководству.

Штирлиц внедрил в СС по самое не могу. Он талантливо прикинулся фашистом, но фашистом он же не стал. Он сохранил верность (до слез) Кремлю и Лубянке. То есть Сталину и Берии.

Так и вы. То, что вы сохранили верность Лубянке, видно из того, что именно своих сослуживцев вы расставили всюду: они

командуют Министерством обороны, МВД, контролем над наркотиками, губерниями и республиками...

Но все они — ваши товарищи не только по КГБ, но и по КПСС. Это ведь почти синонимы были во времена Брежнева—Андропова. Сохранить верность КГБ — значит, остаться настоящим советским коммунистом.

Потом вы внедрились к Собчаку, наверное, стали членом его какой-то демократической партии. Быть вице-мэром Питера при крайне политизированном Собчаке и не изображать политическое единомыслие было невозможно. Извините что нарушу хронологию. Меня в ноябре 1999-го, когда вы были премьером, пытались шантажировать Собчак и его жена. Он, чтобы создать впечатление своего могущества, показывая пальцем вверх (где у чиновников всегда не Бог, а начальник), сказал:

— Это же я подобрал на панели безработного Штирлица.

Он намекал на то, что вы ему всем обязаны. Я слушал и думал: «Интересно, стоит ли козырять такими рассказами про панель и Штирлица?»*

Потом вас взяли в Москву — в партию приватизации, тенниса и залоговых аукционов. Она тогда называлась «Наш дом — Россия» (фракцию власти в Думе возглавлял Рыжков-младший, теперь глубоко внедрившийся в демократы).

Но вы — человек цельный. И значит, всё это были разные внедрения, разные маски.

Вы не один. Вся «Единая Россия» — маски. И «Родина», и вся эта жирная верхушка, называющая себя «политической элитой». Но если серьезно, то из них такие же бойцы за народное счастье, как пуля из...

В хрущевские времена, когда у людей забрали скотину, сливочное масло исчезло, зато появился анекдот: «Пригласил Никита Хрущев академиков и велел делать масло из г... Через год терпение его кончилось, вызывает академиков:

— Ну?!

* Первоначально было «слушал и думал: интересно, долго ли можно прожить, козыряя такими рассказами...». А мне говорят: «Получается, что ты его в убийстве обвиняешь». Я удивился и поправил. Но факт остается фактом: Собчак прожил недолго.

— Дело движется, Никита Сергеевич! Успех несомненный!
Почти готово.

— Да-а?!

— Да! Уже мажется! Но еще воняет».

Помните плакаты советских времен — групповые портреты членов Политбюро ЦК КПСС? Уж не знаю, как у вас в КГБ, а у нас на гражданке не было ни одного человека, у которого эти лица вызывали симпатию. «До чего тупые рожи!» — вот общая реакция.

И сегодня — глядишь на правительство...

У нас всё зависит от личности, а не от Конституции. Вот почему так важно понять, кто вы.

Сталин и Берия были по убеждениям палачи, людоеды. А Конституция была супердемократическая, все свободы. Но в жизни... За опоздание на работу — 10 лет, за анекдот... Своими глазами читал (в руках держал) документ: список врагов народа, а на полях — резолюция красным карандашом: «Судить и приговорить к высшей мере. И. Сталин».

Здорово, правда? О его жестокости мы знаем. Но вот это «судить и приговорить» — он даже не понимал смысла слова «судить». Для него это значило правильно оформить убийство.

Кулак — да. Лапы жадные — да. Головы? А зачем? Голова только мешает. В ней гнездятся страх, непрошенные мысли о смерти, и с перепоя она болит, и во рту помойка.

Партия у нас (у вас) одна. И это правильно. И больше не надо. Когда в советские времена глупый иностранец спрашивал: «Почему у вас одна партия?» — мы отвечали:

— Потому что вторую нам не прокормить.

22 ноября 2004

№ 23

ГДЕ ДЕНЬГИ, ЗИН?

Уважаемый Владимир Владимирович! Игра Киев—Москва выглядит еще хуже, чем Португалия—Россия (7:1 — это хотя бы не всухую).

Долго вам не писал, да и сейчас сомневаюсь: стоит ли? Вы в ярости из-за Украины и неизвестно, на ком сорвёте, — не по-пасть бы под горячую руку. С другой стороны, вещи важные, откладывать нельзя. Рискну. Только вы это письмо никому из приближенных не показывайте...

Наивные хохлы жалуются на наши государственные телеканалы: мол, они лгут про украинские выборы, чтобы помочь Януковичу. Нет, цель (мишень) телеканалов — мы, а не украинцы. Ясно же, что хлопцы выбирают президента не по команде русского ТВ.

Цель нашей пропаганды — заткнуть глаза и уши своим. Как мама ребеночку: «Не смотри, деточка, это плохой дядя!» — и прижимает дитя к себе, чтобы оно не увидело краснорожую пьянь, не услышало мат-перемат. Мама закрывает ребенка от дурного примера.

Усердие нашего госТВ понятно, ибо примеры Украина подает ужасные.

Оказывается, оппозиция — сила, с которой не могут справиться армия, милиция, спецслужбы, даже госпропаганда. Армия не хочет стрелять, милиция не хочет бить, журналисты демонстративно увольняются, бастуют, а то еще хуже — в прямом эфире начинают говорить что думают.

Оказывается, фальшивые выборы можно отвергнуть сразу. А не как у нас — подают робкие иски через год, зная наверняка, что суд не отменит результат.

Оказывается, вам не подчиняются. Вы и так, и сяк — и ездили туда дважды, и принимали Януковича, и даже приглашали его на свой день рождения. А результат? В глазах своих (украинцев) он остался рецидивистом; вы превратились в его агитатора. А раньше, пока вы не начали его пропихивать, мы ничего о нем не знали. И если бы не ваши усилия, мы наблюдали бы украинские выборы с тем же равнодушием, что и белорусские безобразия. А потом — кто бы ни победил — вы могли сделать вид, что так оно и задумано.

А самый ужасный наглядный пример... Оказывается, вы упрямо и решительно поддерживаете всем очевидную доказанную фальсификацию. И если вы так бьетесь за чужую фальшь, то можно представить, с какой невероятной силой наши политтехнологи готовы отстаивать свою.

Да оно уже и случалось. Вы продавливали своих кандидатов в губернаторы, в президенты Чечни и других кавказских республик — а что хорошего?

Эх, Владимир Владимирович, хочется вас отвлечь и утешить. Ну поздравили вы этого рецидивиста, ну отреклись от поздравлений, а потом зачем-то еще раз поздравили — ну надо плюнуть и забыть. С Ельциным и не такое бывало; казалось, ну всё, а глядишь — народ опять его любит.

Я ведь тоже поддался досаде, плохо о вас думал, глядя, как вы агитируете на Украине — тратите свой престиж.

Послушный президент в Киеве — хорошо; кто спорит. Но зачем же уголовник, да еще с такими статьями? Зачем Президенту России с таким типом дружить авансом? Пусть бы его сперва избрали...

Интересы России надо отстаивать всегда, везде и (страшно сказать) любым способом. Но это отстаивание должно приводить к успеху, а не к провалу.

Нет, тут что-то не так. Все это недаром. Просто мы не все знаем.

Две агитационные поездки Президента России не могут стоить десять миллионов долларов — он же не концертная бригада, коробкой из-под ксерокса не отделаешься.

Миллиард? — я бы сказал тоже мало; да и зачем вам — у вас и так все есть.

И честно ли это? Ваше агитационное влияние велико, но это не потому, что вы — Владимир Владимирович, а потому,

что вы — Президент России. Это влияние не личности, а должности.

А должность вам дали люди. Ваша ценность — в нас. Чем нас больше, чем мы богаче, умнее — тем сильнее ваше влияние. Останься нас сто тысяч — никто и не глянет в вашу сторону.

В ваших интересах, чтобы мы были многочисленны, богаты, умны, добры (если людей много, но они злые и глупые — то их ненавидят).

Крым?

Да. Это та цена, ради которой мы переживем любой ваш (наш) позор. За возвращение Крыма я бы всех украинских уголовников произвел в генералы.

1 декабря 2004

ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ СЕБЯ...

Уважаемый Владимир Владимирович! Когда вы идете вдоль зданий в темноте, держитесь дальше от них, чтобы из-за угла или из подворотни не выскочил кто-нибудь и не затащил вас туда. Если впереди на пустынной улице стоит автомобиль, а в нем находятся люди, идите лучше другой дорогой. Если вам обязательно нужно пройти по безлюдному переулку, подождите, пока люди выйдут из метро или автобуса.

Не подумайте, что я забыл, как строго вас охраняют. Но в том-то и дело, что охраняют не всех. И неохраняемые сами должны беречься. Этому теперь учат. Первый абзац — вообще не мои слова, просто я нарочно кавычки не поставил. Это цитата (точная!) из учебника для 10-го класса. Наука называется «Основы безопасности жизнедеятельности».

Признаюсь, не дочитал учебник до конца и вам не советую рисковать. Или его написали сумасшедшие, или он написан с целью превратить людей в идиотов. Хотя внешне все прилично. На обложке — красноносый солдатик и скривившая ротик красноносая дуреха; у них такой вид, будто их застукали, как раз когда они занимались жизнедеятельностью, но забыли о безопасности. Под обложкой — десять авторов, под редакцией важного правительственного чиновника; рекомендовано Министерством образования РФ. Но это не спасает.

В безлюдных переулках, Владимир Владимирович, нету ни метро, ни автобусных остановок. Ждать там, пока люди выйдут из метро, можно до самой смерти.

Учебник советует, идя «вдоль зданий в темноте», держаться дальше от них. Не будем придирааться к мелочам: мол, поперек зданий никто не ходит. Но если человек идет домой — как же ему держаться подальше от дома? Если на пустынной улице стоит автомобиль, то ночью не видно, находятся ли там люди; а если стекла затонированы — то и днем не видно. И куда деваться, если этот автомобиль стоит возле вашего подъезда?

Жизнь нелегка. Даже мирная. А бывают стихийные бедствия: землетрясения, наводнения, пожары, ураганы. Как спастись? Читаем учебник:

«Попав в зону стихийного бедствия, прежде всего необходимо:

- оценить силу и масштабы стихийного бедствия;
- определить его географическую и временную направленность;
- составить прогноз развития аварии и самого стихийного бедствия на ближайшие часы и сутки;
- учесть возможность повторных ударов стихии».

Уважаемый Владимир Владимирович, спорю на бутылку, вы не знаете, что такое временная направленность. Это куда? Налево? вверх? в прошлое? в будущий четверг?

Предположим, вы с визитом в Японии, и — землетрясение. А ваша охрана начинает определять географическую и временную, составлять прогноз и учитывать возможность. Ведь все это «необходимо прежде всего».

В учебнике написано, что в Общей Системе Безопасности страны есть составная часть, которая называется Единая Государственная Система Предупреждения и Ликвидации Чрезвычайных Ситуаций. А эта Система «структурно состоит из территориальных (создаются в субъектах РФ), функциональных (создаются федеральными органами власти) и ведомственных подсистем и имеет пять уровней: федеральный, региональный, территориальный, местный, объектовый. Каждый уровень Системы РСЧС имеет координирующие органы, органы управления, силы и средства РСЧС, системы связи и оповещения и резервы финансовых и материальных ресурсов».

Владимир Владимирович, прочтите еще раз и попытайтесь повторить. Нет? А что делать школьнику? Учить, как стихи? Учить вместо стихов?

Кроме мудреных сфер, уровней и подсистем, есть кое-что понятное. Например, «Профилактика инфекционных заболеваний»: «Среди факторов риска, среди путей передачи инфекционных начал выделяют контакт с бомжами, цыганами, в том числе с их одеждой, руками, с предметами, которыми они пользовались, даже с местом, на котором они сидели или лежали (чаще всего в метрополитене, подземных переходах), поездки на общественном транспорте в условиях тесноты, скученности или рядом с бомжами. Возможны: вшивость, желудочно-кишечные, простудные заболевания, дизентерия, брюшной тиф, холера, туберкулез, грипп, сифилис, сыпной тиф».

Уважаемый Владимир Владимирович, как вы знаете, все мужики мечтают, чтобы сифилис можно было свалить на поездку в метро: мол, ехал в условиях тесноты, скученности (что одно и то же) рядом с предметами, которыми, наверное, пользовались цыгане. Увы, нет ни одной бабы, которая бы этому поверила. А теперь это учат в школе. Уж не говоря о разжигании национальной розни, потому что даже Гитлер не решался утверждать, будто езда с цыганами... А как же Пушкин, Вяземский, Толстой? — да все русское дворянство и купечество только и знало, что ездить к цыганам, контактировали с их руками и пр.

Вы, случайно, в «Ромэн» не ходили? На банкетах в Кремле вам цыгане не пели «К нам приехал наш родимый Владимир Владимирович дорогой»?

Запросите кремлевскую больницу — ради вас врачи, конечно, нарушат тайну. Доложат, где ваши министры и депутаты подцепили все, что они подцепили. Может, на Лазурном берегу, может, в Таиланде, а то и прямо в Думе (говорят, уборщицы просто замучились ликвидировать неприличные следы депутатской жизнедеятельности).

И подумайте, как чувствует себя в школе ребенок из цыганской семьи. Не начнется ли травля после такого урока? Не захочет ли он повеситься?

И как узнать в тесноте автобуса: бомж ли перед тобой или старик, едущий в десятый раз стоять в очереди — оформлять компенсацию за льготы?

Вряд ли заказчики учебника специально искали авторов-идиотов. Нет, просто поручили «своим». Это вертикаль. Вы — своим. Ваши свои — своим. С кем дружим — тот и министр. С кем пил — тот и профессор. Дело выгодное, тиражи огромные; случалось, людей убивали за право издавать учебники — уж больно рынок велик.

Похоже, точно такие же умники занимаются сферой налогов, сферой цен на еду и бензин, сферой таможи («сфера» — их любимое красивое слово). Результат потрясающе наглядный: дело в жопе, а они в джипе; да сзади джип с охраной; прожиточный минимум 2000 долларов в день; включив мигалку, едут к вам на совещание «Как победить сферу коррупции?».

И ладно — они уже взрослые (пропащие). А я вам пишу о детях. Школьники — это дети, Владимир Владимирович. Но они тоже люди.

Люди ненавидят такую дурь (см. цитаты) и тех, кто ее вколачивает; и то место, где вколачивают; а заодно и все, что там вколачивают. Вот примерно так, как хохлы возненавидели Януковича за то, что его вколачивают.

Уважаемый Владимир Владимирович, вы, наверное, думаете, что люди делятся на богатых и бедных. Значит, вы не читали учебник безопасности жизнедеятельности. Там написано, что «наибольшую угрозу безопасности России в ближайшей перспективе могут представлять:

- во внутривнутриполитической сфере — социальная дифференциация общества, обесценивание духовных ценностей;
- в социальной сфере — расслоение общества на богатых и преобладающую массу малообеспеченных людей».

Даже совестно заставлять вас читать этот отвратный язык. «Обесценивание ценностей» — убожество, которое бросается в глаза. Но если вы заметили, то и «социальная дифференциация» в точности то же самое, что «расслоение общества». Авторы даже не понимают, что повторяют одно и то же.

Сочинители учебника побоялись сказать, что общество делится на богатых и бедных (у нас же рост благосостояния). Вот и придумали «преобладающую массу малообеспеченных людей».

Это в чем же она преобладает? Во власти? — нет. В здоровье и долголетию? — нет. Она преобладает в метро. Она преобладает численно. И только. А во всем остальном преобладает кучка сильнообеспеченных. (Это же неисследованный парадокс: благосостояние растет, а продолжительность жизни сокращается.)

Учебник ОБЖ — редкий случай открытого жульничества. Под обложкой безопасности спрятаны уставы военной службы. Ровно половину учебника занимают армейские инструкции. «Гранатометчик, пулеметчик и автоматчик обязаны: знать свое оружие, содержать его в исправном состоянии и уметь вести из него меткий огонь, наблюдать за результатами огня...» Владимир Владимирович, вести меткий огонь — это значит убивать людей. Наблюдать результаты — смотреть: убил или надо еще раз выстрелить? Это же не про охоту написано. «Защищать командира в бою... Следить за расходом боеприпасов... При повреждении боевой машины пехоты без промедления принимать меры к ее восстановлению... Передвижения солдата в бою: ускоренным шагом, перебежками, переползаниями... Для перебежки из положения лежа...»

Это учебник безопасности?

Уважаемый Владимир Владимирович, обстановка сами знаете какая. Кругом международный терроризм. Случается, что его жертвами становятся даже очень охраняемые лица. Кадырова охраняли больше тысячи бойцов. Не спасло. В случае опасности надо уметь правильно отползти. Учебник подробно объясняет: «Для переползания на полчетвереньках солдат должен встать на колени и опереться на предплечья (на кисти рук), затем поднять согнутую правую (левую) ногу под грудь, одновременно левую (правую) руку вытянуть вперед, передвинуть тело вперед до полного выпрямления правой (левой) ноги, одновременно подбивая под себя другую согнутую ногу, и, вытягивая вперед другую руку, продолжать движение».

Уважаемый Владимир Владимирович, извините, но по учебнику выходит, что у солдата три ноги. Раньше я думал, что умею ползать на полчетвереньках. А попробовал по науке — ничего не вышло. Поставил в исходную позицию жену — не вышло, поставил ребенка — просто караул. Трудно даже вообразить,

что творится в 10-м классе, когда 16-летние юноши и девушки, полные сил жизнедеятельности, изучают и практикуют ОБЖ. Попробуйте сами в кругу семьи — это лучше всякого цирка.

Но если вы этот способ не поняли, то в учебнике есть еще два, хотя, на мой взгляд, они сложнее.

Если бы существовала надежда, будто у вас после трудов во внешнеполитической сфере (шаре) и внутривнутриполитической сфере (шаре) остается свободное время для интеллектуальной сферы (шара), я бы написал, что само название учебника — русского учебника для русской школы — на русском языке звучит безобразно. «Основы безопасности жизнедеятельности» — это типичный для бюрократов канцелярский способ утопить смысл в родительных падежах. Представьте: Комитет Безопасности Государственности или Введение Вертикальности Управляемости Демократии.

Вам, может, досадно, что такими пустяками (школьными учебниками) отвлекаю вас от важных государственных дел. У вас Чили, Бразилия, Япония, Китай, НАТО (про Украину даже не говорю, чтобы не травмировать). Но как подумаешь: учебник, школа, дети, их воспитание — все это гораздо важнее внешней политики. Если они вырастут умными — будет у нас и внешняя политика. А вырастут дураки — ничего вообще не будет.

Почему обращаюсь к вам? Потому что вы — главный конец вертикали. Знакомая десятиклассница говорит, что училка каждый раз начинает урок ОБЖ так: «Дети! Этот предмет ввел наш президент Путин! Это самое важное в обстановке международного терроризма!»

Видите, это государственное дело. Хотя и не помогает. Дети пять лет (с 7-го по 11-й класс) учат ОБЖ. Сколько времени не просто потеряно — отнято у литературы, истории, языков.

Для чиновника государство — это вы. Для пенсионера государство — собес. Для детей от 6 до 17 государство — это школа. Как они могут уважать государство, если оно их насилует такой дрянью?

Нормальные относятся к таким «наукам» с презрением. Разве это в наших интересах, чтобы к школе (к государству) умные относились с презрением?

Этот учебник не может научить детей безопасности. Как вы понимаете, дурак ничему хорошему научить не может. Все, чего

он добивается, — уничтожает русский язык, делает всех, кто его читает, глупее, тупее (с кем поведешься — от того и наберешься).

В какой-то степени учебник невольно отражает происходящее. Жизнь (особенно во внутривластном мире) становится заметно глупее и тупее. Под обложкой безопасности — идиотизм, военное дело и небольшая доза фашизма (прививка; но не предохраняющая, а заражающая «инфекционным началом»).

Нет худа без добра. У Жванецкого опять, как 20 лет назад, огромный успех. Как во времена Андропова.

Жаль, вас не было с нами на концерте памяти Булата Окуджавы. Послушали бы не только Жванецкого, послушали бы Сергея Никитина, Даниила Крамера, Юлия Кима... Послушали бы овации. На вечере Окуджавы звучали совсем иные овации, чем те, которыми вас приветствует съезд толстосумов (РСПП). Если бы вы сравнили лица ПП (промышленников и предпринимателей), слушающих ВВП, с лицами людей, слушающих песни Булата, — вы были бы потрясены разницей.

Жаль, вы не слышали, как полторы тысячи человек подпевают Булату:

Пока безумный наш султан
Сулит дорогу нам к острогу,
Возьмемся за руки, друзья...

Знаете, как дальше? Весь битком набитый зал, оказалось, знал.

Когда ж придет дележки час,
Не нас калач ржаной поманит.
И рай настанет не для нас...

Это предсказание сделано в 1967 году. И когда через 25 лет пришел час дележки (вы тогда у Собчака работали), рай для нас не настал.

А для кого? Рай ведь — это счастье. Посмотрите вокруг себя — ну хоть один из ваших приближенных счастлив? Некоторые (по лицам видно) трусливые, жадные — им счастья не дано. А вам?

3 декабря 2004

P.S. На это письмо, как, впрочем, и на другие, пришло много откликов. Один — очень смешной. Женщина написала, что «она готова подписаться под каждой строчкой», но ее смущает реакция ее мужа. Муж, написала она, утверждает, что название статьи («ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ СЕБЯ...») является половиной неприличной поговорки. Она написала, что не верит мужу и просит моей помощи в этом споре. Совестно было, но пришлось написать короткий ответ: «Муж прав».

Дополнительной иллюстрацией к тексту служили еще две цитаты из учебника «ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ. 10 КЛАСС»: «Могут наведаться незванные гости в квартиру. Никогда не открывайте дверь, если не знаете, кто звонит. Многие считают, что в своем жилище они живут, как в крепости. Увы, реальная жизнь показывает, что это не всегда так».

Лучшее место во всем учебнике. Очень поэтично это «увы»; чем-то напоминает «Красную Шапочку». Хотя учить десятиклассников таким вещам поздновато.

«Жизнь многообразна в своих проявлениях, поэтому предупредить все опасные ситуации невозможно. Однако значительно снизить риск своего существования способен каждый».

Есть способы снизить риск своего существования до нуля, но церковь это осуждает. Было бы гуманнее, если бы родители авторов ОБЖ... но с контрацептивами в СССР были проблемы.

№ 25

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Уважаемый Владимир Владимирович! Полтора месяца вам не писал — пусть, думаю, человек отдохнет, спокойно встретит два Рождества, два Новых года, два Обрезания Господня, покажется с горки...

И потом, думаю, — если поздравлю «с наступающим» и пожелаю успехов — вы можете принять за издевку. А читатели примут за лицемерие. И в какой-то степени все будут правы. Ибо искренне пожелать вам успехов не могу. Такое впечатление, что ваши успехи не приносят людям радости.

А когда начались неприятности — под Новый год Ющенко выиграл, а после Нового года старики перекрыли трассы, — вот, думаю, хорошо, что не писал; и без того у вас головной боли хватает.

Эх, Владимир Владимирович, зря вы нас не послушали. Мы же вам летом писали: вы не у тех отнимаете льготы. И в июле писали, и в августе: отнимать льготы следовало бы у министров и депутатов.

Мало того, что вы подняли им зарплату под 90 тысяч рублей в месяц. Каждый из них (со своими «служебными» «мерседесами» и «ауди», с мигалками и сиренами, шоферами и охранниками, квартирами и коттеджами, за которые они платят 2 процента рыночной цены) — каждый из них стоит нам десятки тысяч долларов в месяц. Нам, потому что из наших налогов.

А потом они придумывают закон о двухнедельных каникулах. Не майских — когда людям надо на грядки, а январских — когда богачам надо на лыжный курорт. И там они снимают

номера по тысяче долларов за ночь. Кто за них платит? И за какие услуги?

А еще отнять льготы следовало у торговцев водкой, табаком, лекарствами и у страховщиков (продавцов «автогражданки», которые собрали миллиард долларов, а выплатили сто миллионов — почему эта десятикратная прибыль в частных руках?).

А если учесть, что и водка, и вино, и лекарства, и табак на половину, а то и на три четверти — ядовитая подделка, тогда и вовсе церемониться нечего. Продавцы отравы — это же убийцы.

И все было бы тихо. Практика показывает, что богачи с некоторых пор слушаются вас беспрекословно. Прикажете — даже веревку и мыло с собой принесут. (В расчете, что за покорность помилуете.)

Плутархи в отличие от олигархов — народ робкий. А у нас застарелая ошибка в терминологии. Олигархия (олиго — немногий, архос — правитель) — главенство немногих; так олигофрения — немногумие, слабоумие. Настоящей олигархией (главенством немногих) было Политбюро ЦК КПСС. А мы же говорим о власти денег. Богатство + Начальство (Plutos + Archos) = плутархи. Посмотришь, скажем, на Миллера (Газпром) — явный, хотя и бестолковый плутарх, плутишка.

Пытаюсь шутить, Владимир Владимирович; хочется, чтобы вы улыбнулись. Потому что дела складываются так, что впору в отчаяние прийти.

Люди вышли на улицу, оскорбленные резким и несправедливым ухудшением жизни. А власть начинает искать провокаторов. Какие провокаторы?

Был опрос: кто виноват в митингах — провокаторы или обстоятельства? 96 процентов сказали: обстоятельства. И только 4 процента — провокация*.

«Обстоятельства!» Хорошо, что не спросили про погоду.

А спроси кремлевских — очень возможно, получится наоборот. Потому что кремлевские, думские и министерские счи-

* Опрос был деликатный. Могли бы спросить: «Кто виноват — правительство или провокаторы?» (или «отмена льгот или провокаторы?»). А спросили: «Что побудило выйти людей на улицы — *обстоятельства* или провокаторы?»

тают себя умными и хорошими. А раз так — то против могут быть, разумеется, только враги.

Нет, Владимир Владимирович, это не лимоновцы и не яблочники, и не коммунисты вывели людей. Народ вытолкнут на улицу. И вытолкнули его ваши министры (которые отъем льгот придумали), ваши депутаты (которые за это проголосовали) и вы. И потому, что подписали, и потому, что все они — ваши.

А губернаторы стали искать виноватых, потому что начала работать ваша вертикаль. Теперь они не губернаторы, избранные гражданами, а генералы, назначаемые Командующим. И беспорядок в части истолкуют наверху очень плохо.

Офицеры мордуют солдат, обворовывают, скрывают до последней возможности все аварии и ЧП, врут как попало. Ибо малейший промах — и тебя могут снять (мест мало, а желающих много).

И вот губернаторы готовы ОМОНОм разгонять стариков — простой народ, единственную надежную свою опору, — разгонять в надежде угодить Кремлю.

Вот чем можно, оказывается, угодить Кремлю. Разгоном! Чтоб никакими майданами не пахло.

Звучат наивные и глуповатые обвинения в адрес Зурабова, Грефа, Жукова и др., и пр. Вы переводите стрелки?

Уважаемый Владимир Владимирович, вы ведь уже много лет с ними. Либо вам кажется, что они хорошо работают, либо вы видите, что работают они плохо.

Если видите, что плохо, — почему не увольняете?

Если вам кажется, что хорошо, — вы во власти иллюзии (говоря прямо — не можете разобраться, где реальность, а где выдумка, надувательство; и боитесь своего неумения разобраться, ибо это означает несоответствие должности).

Сюжет известный.

...В столице этого короля жилось очень весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут готовить такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя. Она становится невидимой для всякого человека, который не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье!» — подумал король. И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело. Зурабов и Греф поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это припрятавали в карманы и просиживали за пустыми станками с утра до поздней ночи...

Пришел для контроля премьер-министр. «Господи помилуй! — подумал он, тараща глаза. — Да ведь я ничего не вижу!» Только он не сказал этого вслух.

Обманщики просили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. А бедный министр, как ни тарасил глаза, все-таки ничего не видел. Да и видеть было нечего.

«Ах ты Господи! — думал он. — Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! А может, я не гожусь для своей должности? Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»*

Ну, дальше вы и сами помните. Совет министров одобрил, Дума была в восторге, наступил день торжественной процессии (парада).

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одежды. А король поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как вам идет! Как чудно сидит! — шептали в свите. — Какой узор, какие краски!

Ну, дальше все помнят.

— Да ведь он голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

Уважаемый Владимир Владимирович, давно, еще в первом десятке моих писем вам (не помню, по какому случаю) была упомянута эта сказка. Только упомянута. Без цитат. И вот, представьте, одна женщина написала мне (а откликов на «Письма президенту» приходит много), что «сказка, конечно, хорошая. Но ведь никто не знает дальнейшей судьбы этого мальчика. Что потом с ним сделали?».

Вот какая умная читательница.

И правда, все знают эту историю как раз до наивного детского выкрика. А что было потом — никто не помнит.

* Цитаты из Андерсена, выделенные шрифтом, точные, дословные. Только в одном месте для забавы я вставил две фамилии.

— Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он совсем не одет! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

Это потрясающее место, Владимир Владимирович. Весь народ кричит, а король выступает еще величавее.

Надеюсь, удалось вас ободрить. Но очень интересно, что вы об этом думаете?

18 января 2005

№ 26

НАПЛЕВАТЬ

Уважаемый Владимир Владимирович! Стоял на платформе в Перхушкове (электричка опоздала на 17 минут) и думал о вас.

Нелегко, наверное, было вам вернуться на Родину после нескольких лет работы в Германии.

Сужу по себе; в конце лета на несколько дней съездил в Швейцарию и вот до сих пор мучаюсь от невольных сравнений.

...Рядом со мной на платформе ждали электричку парень с девушкой; с виду им лет 15—17; она теребила телефон, а он чего-то ей говорил и поплевывал. (При вас, наверное, не стал бы так делать.)

Парень симпатичный, крепкий, не больной — легко мог бы плевать на рельсы или в другую сторону, в кусты. Но он плевал на платформу, она уже заметно была заплевана вокруг этой юной пары.

Хочу уточнить: это был хороший мальчик — то есть не пьяный, не обкуренный. И когда я ему сказал: «Что ж ты, друг...» — он не огрызнулся и даже перестал плеваться.

А я стоял и думал... и мысли все были какие-то тупые: у себя дома парень небось на пол не плюется... Вроде русский, не приезжий, которому наша земля (в том числе платформа) чужая...

В Швейцарии такого не увидишь; ни в городе, ни на полустанке. А у нас все платформы, все тротуары, туалеты заплеваны...

Людей на платформе было полно — но никто парню ни слова не сказал. И удивление, похоже, вызвал я своим замечанием, а не он своим поведением.

Тут показалась наконец электричка. Все обрадовались; и стоящий рядом мужчина лет сорока, спортивный, лысоватый, жилистый (может, восточными единоборствами занимается или лыжами), думая о чем-то своем, сплюнул на платформу, потом бросил окурочек на рельсы — прямо перед поездом, перед кабиной машиниста (при вас, наверное, так бы не сделал), а потом, когда вагоны, тормозя, двигались мимо, плюнул еще и на стенку вагона (но не на окно, а ниже). Моего упрека молодому он не слышал, подошел позже. Поэтому он не нарочно плюнул на электричку, не для того, чтобы показать: мол, никто ему не указ, а просто так — сам по себе.

И вот, Владимир Владимирович, я думаю, что и министры — со льготами там или насчет квартплаты — не нарочно, а просто так.

Вот этот спортивный мужик, который плюнул на вагон, он же случайно не стал министром, просто родился не в том городе. А если бы повезло — стал бы министром, — внутренне он остался бы таким же. Он же не со зла, он не хотел электричку пачкать, он просто думал о своем.

И министры — они просто думают о своем, но мы их мыслей не знаем. Нам видны лишь их внешние проявления (неприятные), а они, быть может, в этот момент стихи сочиняют о Родине или в вашу честь.

...И вот они думают, думают о чем-то своем... Мало ли у них своего?

Мало? Ну тогда, значит, думают о чужом: как бы так сделать, чтобы чужое стало своим (с помощью, как вы понимаете, абсолютно рыночных механизмов)?

...За две недели в Швейцарии — ни ямы, ни ямки на дорогах (даже в провинции, даже в деревнях). А у нас к миллионно-долларовым особнякам (Николина Гора) ведут такие раздолбанные... дорогой-то не назовешь; будто вчера война кончилась. Ковровые бомбежки — иначе эти жуткие ямы не объяснишь. И на Садовом, и даже на вашей трассе — на Кутузовском — того и гляди колесо оставишь.

Проехал на электричке пол-Швейцарии — ни окурочка. А у нас на Беговой уже шпалы не видны. А рельсы — видны, потому что поезда все же ходят.

Мальчик тот (на платформе), думаю, не богатый. На электричке ездит. А что у его подружки мобильник — так это теперь не означает богатства. Лет 50—60 назад она бы семечки лузгала; от мобильника хотя бы шелухи нет.

Интересно, кто больше мусорит: бедные или богатые?

Идешь по лесу — бац! перед тобой новый забор. Откуда? Вчера еще не было. Нет, стоит — высокий железный, закрывший от нас кусок леса.

Богатые — они там, у себя, едят, а мусор и объедки в лес выбрасывают; с нашей (с пока еще нашей) стороны забора. У вас на глазах небось не посмели бы.

А беднота тут гуляет — в пока еще общем лесу.

И под каждым ей кустом
Там готов и стол, и стул.

Да-да, дом им там еще не готов. Они под одним кустом едят, а под соседним стул оставляют. А на следующий день там уже противно — банки, бутылки, объедки, мухи и воняет. Они, естественно, на соседнюю поляну... И за одно лето эта простота загадила весь лес, который нам пока еще оставили захватчики.

Сейчас все это временно прикрыто снегом. Но он же растает. Владимир Владимирович, давайте на майские сходим в любой подмосковный лесок, приглашаю. Вы там у себя, в резиденциях, даже вообразить не можете, как выглядит сейчас лес — наше (почти уже не наше) главное богатство.

Только мы никому заранее не скажем, куда пойдём; а то всё вылижут, траву покрасят. Мы же знаем, как зверски быстро наводят чистоту там, куда вы летите. Что асфальт — даже больные почти выздоравливают. А где вас нет... Верите ли? — в километре от вашей резиденции на любой полянке больше дерьма, чем во всех лесах Швейцарии. Вы его не видите, конечно, но мухи-то небось залетают?

А в Швейцарии в лесу, на тропинках (и вдоль тропинок, и вглубь) — ни банок, ни бутылок, ни оберток, ни резинок, ни прокладок. А люди есть, много; гуляют, здороваются с незнакомыми.

Мусора нет. Но и мусорщиков нет. Никто не убирает, не собирает в мешки. Им не надо бороться с мусором, потому что они не мусорят.

Ни одного гаишника за две недели, ни одного полицейского. Если ты нарушил правила, то поймать тебя может лишь видеокамера, а она, Владимир Владимирович, как вы понимаете, взятки не берет. И проводить с ней воспитательную работу, и внушать про честность — не надо. И содержать армию взяточников и дивизию воспитателей — не надо. Экономия!

Всего 50—60 лет назад это была бедная страна. Рабоче-крестьянская. Коров доили, сыр варили, часы делали... И сейчас с удовольствием этим занимаются.

У нас со Дня Победы прошло 60 лет — тот же срок. Но не похоже, чтобы мы очень разбогатели. Даже чистоту не успели навести.

И вот я думаю: окажись вы сразу везде — какая бы стала чистая, честная, трезвая страна!

Хорошо там, где вы есть! Вот только радиус вашего очистительного действия, увы, невелик.

Не уверен, находится ли у вас время об этом думать. Потому что, когда вас видишь, кажется, будто вы тоже напряженно думаете о чем-то своем. Не о нашем.

24 января 2005

СОБАЧЬЯ РАДОСТЬ

Уважаемый Владимир Владимирович! Некоторые читатели нашей переписки рассердились, что я вам про мусор написал. Мол, с президентом надо только о высоком. Что делать — ума не приложу. Об Аристотеле, что ли, написать?

Украине вы навязывали Януковича, Абхазии тоже кого-то из своих... Такая настойчивость была бы хороша, если бы соседи верили в ваше умение делать верный выбор.

Ладно чужим, но вы и нам назначили Фрадкова. Может, для каких-то ваших тайных задач он хорош, но для нас — никудышный. Ни одного достоинства не заметно; иногда кажется, будто он даже не понимает, кем работает и где. Был слух, что вы его назначили, чтобы показать Западу, будто у нас нет антисемитизма. Это все равно как назначить, извините, целку, чтобы показать, будто у нас нет проституции.

Вот не хотел говорить о нашем правительстве (хотел о высоком), а оно... они, министры, так и лезут в текст.

Владимир Владимирович, вы добрый или жестокий? Добрые всех прощают. Жестокие — наказывают.

Вы министров не наказываете. Почему вы к ним так добры? Это ж не министры выбрали президента. Люди выбрали вас, чтобы жить лучше. Этого не произошло.

Катастрофические провалы:

- ваших силовиков — Беслан;
- ваших политтехнологов (политсантехников) — Украина, Абхазия;
- ваших министров — льготы и последствия.

Раз никто не наказан, значит, все прощены.

Не умеете наказывать? Но Ходорковский в тюрьме. Яндарбиева взорвали. За что — не спрашиваю, вам виднее. (Исполнителей, кстати, надо бы наградить, но зачем было признавать акт государственного террора? То, что агентам, взорвавшим Яндарбиева, предоставили для возвращения на Родину самолет из царской конюшни — уж очень откровенно.)

Итак, наказывать умеете. Министры устроили всероссийскую аварию. Их следовало бы выгнать всех. А вы с ними встречаетесь; и мы по телевизору видим, как вы им поручаете исправить положение. Но они теперь станут судорожно себя спасать, а не ситуацию исправлять. Это на спасение себя они сейчас тратят безумные деньги. Наши деньги*.

Позвольте низкий пример. Вы меняли летнюю резину на зимнюю. Вам плохо привинтили колесо. Ошиблись с подсчетом гаек, забыли довернуть.

Колесо слетело на ходу — передок всмятку, вы чуть живы, и — опять к ним, к безруким?!

Но теперь все починить обойдется в сто раз дороже. Во-вторых, они сделают все, чтобы прикрыть свои ошибки (мол, виноваты гайки, резьба, провокаторы, губернаторы).

Отправить правительство в отставку — лучшего момента не может быть. Если вы действительно собрались уходить в 2008-м, то самое время дать пост премьеру наследнику.

Пусть он возвращает то, что отнял «Фрадков», добавляет пенсии, зарабатывает любовь народа. Эти (Фр. и пр.) — конечные, за них не проголосуют.

Говорят, мол, нет никого, нет лидеров. За эту кадровую пустыню, устроенную в великой, гениальной стране, довольно совестно.

А чтобы сейчас решиться открыто стать преемником, нужна отчаянная храбрость. Ибо ваше окружение стало смертельно опасным.

И чем больше вы прощаете их провалы, тем опаснее они становятся. Где отрубленные головы политехников, которые убедили вас дважды съездить на Украину, а потом дважды

* В результате «ошибок» из бюджета было выплачено вчетверо больше, чем планировалось. Якобы «чтобы успокоить людей». То есть стариковские демонстрации дали чиновникам возможность украсть еще больше.

поздравить проигравшего? Вы не наказали — они распяшутся окончательно.

Вы на экране ТВ очень убедительны в роли отца народа. Министр вам говорит:

— Поднимем с сентября на 10 процентов.

А вы ему строго:

— Нет! Надо значительно раньше и вдвое больше! Минимум на 20 процентов!

Интересно, верит ли народ, что эти сцены не отрепетированы; что они вот так просто рождаются, от души? Вы всегда строги, министры — смущены, вы требуете, они обещают... Ну и сколько это будет продолжаться?

Уволить мало, Владимир Владимирович. Увольнение — не наказание. Министры — люди с очень высоким благосостоянием и деньгосостоянием и прочим состоянием. Если они берут взятки, то чемоданами долларов. Уволить такого — а он уже и себе, и внукам-правнукам обеспечил безбедную жизнь. Увольнять таких надо с конфискацией и подпиской о невыезде. Пусть живет с нами, сажает редиску. Давайте убедим ваших западных друзей арестовать все счета этих типов, на которые поступали деньги за время, пока они трудились в правительстве.

А то читаешь газеты: то майора КГБ обокрали на миллион долларов, то мэр крошечного поселка погиб в своей машине ценой в столетнюю зарплату... Прапорщики МВД и ГАИ виртуозно едят палочками. В Китае, что ли, движение регулировали? Нет? всю жизнь в Лыткарино. Но у нас один ужин в китайском ресторане — их месячная зарплата. За чьи деньги они научились палочками есть?

Главная польза репрессий будет не в наказании нынешних воров. Главное — сделать пост министра пугающе отвратительным для сволоты.

Нет, трудно о высоком, погода, что ли, меняется...

...Говорят, будто многие наши беды от того, что всю власть возглавили спецслужбы. Кто его знает, может, и так.

Спецслужбы — тут главное, что они служебные. Что это спецслужбы, а не спецначальство. Не поставят даже самую дрессированную немецкую овчарку директором завода — она не знает производства, только рычит «порррву».

Бывает, люди становятся служебными, а собак делают себе начальством. Вонь в квартире страшная. А когда такая добро-сердечная старушка помирает, то дюжина ее собачек подышает запертая. Потом находят обгрызенный труп — у старушки они всё объели, но сами даже кашу себе сварить не смогли.

Извините, но, может быть, лучше вам об этом не думать.

26 января 2005

ВЛАСТЬ — НАРОДУ! И ЛУЧШЕ — НАЛИЧНЫМИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Поздравляю с хорошей (в смысле полезной) погодой, с ветерком. Еще бы ниже (минус 40, например) — и никаких митингов. Мороз разгонит лучше всякого ОМОНа; помните, как в 1941-м немцам досталось? Они до сих пор с уважением вспоминают «Heгг General Moroz!» — причем «хер» в этом случае означает «господин».

Поставить почти все население в многочасовые зимние очереди; требовать у старух справку, что муж погиб в Великую Отечественную; гонять их из собеса в подворотню, где им — за деньги — сделают ксерокопию трудовой книжки (обязательно полностью! все странички!); требовать явки инвалида I группы — чтобы сам пришел и сам расписался, а он четыре года не встает и даже не понимает, в каком мире находится...*

...Цунами — ясно. Это стихия. От нас не зависит.

«Курск» — ясно. Это катастрофа. Кто-то, конечно, виноват, но мы верим, что власть этого не планировала.

Звезду Героя России — Кадырову? Это оскорбительно для всех настоящих Героев России, однако хотя бы можно понять циничный расчет.

Но отменять льготы? Зачем?

Люди мучаются в догадках. Они не верят, что над ними издеваются просто так. После трагедии Беслана вы отменили губернаторские выборы и еще кое-что зажали (в смысле закрутили гайки). На фоне нынешнего всенародного возмущения мож-

* В тот момент читателям было ясно, что описываются прелести монетизации.

но и правительство убрать, и Конституцию поменять, и вообще что хочешь. Если вы вернете народу отнятое, он, возможно, поверит, что это правительство виновато, а вы — хороший.

Уважаемый Владимир Владимирович, вы в школе проходили русскую литературу, стихи о горькой участи народа; проходили «Что делать?», «Кто виноват?»... Вы ж не предполагали, что окажетесь тем, кто виноват.

Плохо быть страдающим рабом, но быть мучителем рабов — с христианской точки зрения гораздо хуже. Помните, мы учили про несчастных, которые вышли на улицу (к парадному подъезду), и про барина:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках.
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
...И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

...Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
...Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
...Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

* Хрестоматийное стихотворение Некрасова очень большое. Оно оказалось настолько точным и актуальным, что была бы возможность — процитировал бы целиком.

Помните, как дальше? У вас же профессиональная память. Но если забыли — пусть помощники сбегают в библиотеку. Ленин, когда забывал, — посылал туда. И вы можете. И Ленинку, глядишь, переименуют в Путинку. Лучше ж остаться в памяти народа библиотекой, а не водкой.

А как вы думаете, Владимир Владимирович, что это за безымянный барин, от которого стонет вся русская земля? Это ведь, наверное, царь? Назвать его цензура не позволяла. Но и так все всё понимали.

И ладно бы этот приговор проклятому царизму написал какой-нибудь советский гимнописец (чтобы Сталину угодить). Нет, это стихи 1853 года, когда абсолютная власть была в руках главного барина.

...150 лет прошло — мы на том же месте. (Только не говорите: мол, зато мы в космос летаем; другие тоже летают, но народы их при этом не бедствуют, не стонут.)

Люди разные. Одному лекарства нужны, другому — нет. Одному — горчичник за копейки, другому — импортные ампулы за тысячи долларов, а иначе умрет.

Одному достаточно трех рублей на проезд по райцентру, а другому надо 1000 долларов на самолет, чтобы с умирающим ребенком лететь на операцию в Москву.

А вы им немножко денег — поровну, по справедливости. И получается, что для вас людей (личностей) нет, есть масса, электорат, группа дожития, недожития, пережития... Как электроэнергия, бюджет, территория, удобрения... Как при игре в «Монополию»: людей нет, есть улицы, дома, заводы, и всем этим можно оперировать — покупать, продавать, закладывать.

Зачем вы это сделали? Чтобы что? Чтобы стало лучше людям или бюджету? Или чтоб мучения в очередях отвлекли бы от...

Гуманнее было бы приучать к очередям летом; не мерзли бы старики, не мёрли бы.

И сторублевки (помните?) велели менять зимой. Люди простужались в очередях — а много ли старику надо? А потом в свидетельстве о смерти, в графе «причина» стояла аккуратная «пневмония», а не «обмен денег», не «получение справок». И вклады Ельцин с Гайдаром заморозили зимой (и навсегда) — помните очереди в сберкассy? (Или вы тогда еще в Германии трудились?)

Говорят: мол, идея монетизации верна, только исполнение плохое. Нам это и о коммунизме говорили, и о приватизации. У начальства идеи всегда благие. Но — замечали ли вы, Владимир Владимирович? — исполнители идей (творцы реформ) всегда богатеют, а скотина не понимает своего счастья, поголовье сокращается.

У людей отняли не привилегии. Это отняты гарантии. Заботанные гарантии.

Говорят: мол, льготы — пережиток. Вот и хорошо. Кто родился после 1 января 2005 года — льгот не давать. А кто воевал, строил, учил, лечил — те пусть доживут с пережитком.

Все говорят об обиде. О жестокой обиде в год 60-летия Победы. Оставим эмоции; тут откровенное беззаконие.

Закон, уничтоживший льготы, — это закон обратной силы. Люди работали, воевали, закрывали собой не только амбразуры, но и горящие атомные станции. И им было обещано... А теперь отнято.

А дальше? Вот, например, суд. Одному надо, другому — нет. Один всю жизнь добивается справедливости (сына убили, и никто не наказан), другой знать не знает, где этот суд находится.

Давайте всем поровну — по 100 рублей вместо суда; всем поровну той справедливости, что ищут в суде. Все равно не всем достается и работает плохо, с ошибками, — заменим деньгами.

А то — смотрите: Зурабову, захватившему в личную собственность гектары Подмосковья, ничего всерьез не грозит. А ребятам, которые, защищая стариковские льготы, захватили на 40 минут приемную Зурабова, дали по пять лет зоны. (Кстати сказать, ребята за стариков вышли, а старики за них — нет.)

И такая Дума, и такой Совет Федерации, такие «избранники народа», которые за отъем льгот голосуют, — тоже не всем нужны. Мы легко обойдемся без Грызлова и Миронова, даже не заметим утраты. А если бы вместо них выдавали по сто рублей в день, да вместо министра обороны по двадцать, — настала бы удивительная жизнь, даже на закуску хватало б... Гм, шут знает, куда могут завести такие мысли. Лучше остановимся. Цензуры-то теперь нет, мы должны сами себя удерживать в границах дозволенного.

...Уважаемый Владимир Владимирович, вряд ли удалось вас убедить. На всякий случай прикажите Федеральной службе ста-

тистики быть «повнимательнее, поаккуратнее с показателями». Потому что если их не предупредить, если сейчас не подчислить, то потом будет очень трудно объяснить скачок смертности нынешней зимой.

2 февраля 2005

P.S. При публикации из-за недостатка места пришлось сократить большой кусок. Вот он.

Пишу вам, пишу, а вы молчите. Это же не случайно. В этом молчании большой смысл. Мы же с вами советские. В школу ходили, в кино бегали, в пионерских лагерях жрать хотели, — фильмы, учебники, песни, костры у нас с вами общие. Общая база.

«Ходоки у Ленина», «Дорогой товарищ Сталин»... Ну и что получили ходоки? Что получила пионерка, писавшая в Кремль: «Дорогой товарищ Сталин, мой папа ни в чем не виноват»?

Некрасовские ходоки тоже остались ни с чем. Мне, мальчишке, казалось, что их постигла катастрофа. Их не выслушали; а они собирались, обсуждали, набирались храбрости, шли, питали надежды, а их и на порог не пустили.

...И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог»...

Я школьником не понимал этой угрозы. Я вообще не понимал, что это угроза. «Суди его Бог» — для меня было междометием, что-то вроде «эх», «о-хо-хо», «увы» и т.п.

А теперь я понимаю, что это бунт. Не кровавый, тихий, но — бунт. Они уходят, оставляя сановника Божьему суду. Ничего более страшного не существует.

...И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами.

От почтения? Нет, в доме они, конечно, шапки бы сняли, но они уходят по улице... С непокрытыми головами идут по кладбищу. Они мысленно его похоронили.

За сто лет до этих некрасовских мужичков похороны, точнее, Страшный суд царям устроил сенатор Державин:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их...

Потом жестокою угрозу произнес поручик:

И вы не смаете всей вашей черной кровью...

За это его отправили в ссылку. А он на прощание огрызнулся:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей.
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так тогдашние поэты разговаривали с тогдашней Лубянкой.
Далеко уводят мысли, когда власть подарит каникулы.

ВОЙНА И ДЕВОЧКИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Вы уже знаете об этих неприятностях? Масхадов объявил нам перемирие, а Басаев объявил нам, что он жив. Не знаю, что хуже.

Согласитесь, нахальство ужасное. Объявлять перемирие России! — это же все равно что объявлять нам войну (потому что объявлять перемирие может только тот, кто ведет войну).

Считается, будто мир — хорошо. Хотя, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, — хорошо не для всех. Не для генералов; не для тех, кто пилит бюджет «восстановления»; не для сына героя Кадырова, который (сын) тоже герой, и не для его гвардии — героев-кадыровцев.

В общем: кому — война, а кому — мать родна.

На днях показали по вашим телеканалам, как дочь вашего друга и учителя Ксюша Собчак (которую в печати с излишней, на мой взгляд, вольностью называют профессиональной содержанкой)... короче, показали, как Ксюша и ваш Герой (в смысле вами награжденный) Рамзан Кадыров открывают в Грозном лучший в мире будущий аквапарк.

Открывают аквапарк и потом разъезжаются в роскошных джипах «хаммер» (100 тысяч долларов за штуку). Ну скажите: как бы они, герои, в мирное время могли заработать на такие тачки?

Рамзан работает государственным чиновником, что-то типа вице чего-то. Даже боюсь спрашивать, откуда у него такие деньги, чтобы на «хаммере» ездить и Ксюшу водить по самым дорогим ночным клубам. Может быть, он успел получить награду за Басаева? Может быть, он договорился с Басаевым, чтобы тот на время прикинулся мертвым, пока Рамзан получает десять

миллионов долларов награды? Неужели они решились вас обманывать?

Но даже если эти деньги (на «хаммеры» и клубы) добыты как-то иначе, то все равно ни один приличный способ не приходит в голову. Он же (Рамзан) Нобелевских премий не получал, песен (таких, чтобы стали мировыми хитами) не сочинял, нефтяных компаний у него нету... Но если бы даже он был честный богач, все равно роскошные кутежи в значных местах — в то время, когда его чеченский народ помирает с голоду и холоду в рваных палатках и полуразрушенных подвалах... В общем — кому война мать родна, мы видим. Все были там, на экранах ТВ, в будущем аквапарке.

А тут вдруг Масхадов предложил перемирие. Кто его просил? Почему перемирие, а не капитуляция? И сразу аналитики разоблачили: это, мол, Масхадов не потому, что хочет мира, а потому, что кто-то из ваших (то ли ФСБ, то ли герой Кадыров-мл.) взял в заложники несколько родных Масхадова.

Факт для Масхадова позорный: как ему не стыдно прерывать войну ради семейных интересов? А то, что наши (ваши) взяли заложников, — это еще в прошлом году генеральный прокурор Устинов предложил — значит, юридических проблем не будет.

Но самое плохое не то, по какой причине Масхадов устроил перемирие. Это ниже нашего достоинства — разбираться в мотивах бывшего советского полковника, объявленного в розыск.

Самое плохое, что он это сделал. Смог сделать.

Увы, ваши год за годом, день за днем повторяют: «О чем говорить с Масхадовым? — он же ничего не контролирует; ему же никто не подчиняется, ни один аул». А тут вся Чечня прекратила стрелять и взрывать. Та Чечня, которая ночная (масхадовская). И даже оживший Басаев подтвердил, что обязуется соблюдать перемирие, объявленное Масхадовым.

Теперь у нас остался один выход: чтобы доказать, будто Масхадов ничего не контролирует, взорвать чего-нибудь. Люди есть; эти, на «хаммерах», пусть сделают что-нибудь полезное, пока еще воды не налили. Ну а потом, конечно, купаться.

Уважаемый Владимир Владимирович, очень хочется дожить до того радостного дня, когда в чеченский аквапарк нальют воду. Интересно, кто там будет купаться? и с кем?

9 февраля 2005

№ 30

РАБЫ НА ОБОЧИНЕ

Уважаемый Владимир Владимирович! Когда вы только собираетесь на работу, нас уже сгоняют с дороги (хотя нам тоже на работу). Нас выстраивают в гигантские (километровые) очереди на Рублевском шоссе, на Кутузовском проспекте, на съездах с МКАД, на всех дорожках и улицах, которые вливаются в вашу (и немножко нашу) трассу. Повезет — простишь минут 20, а не повезет — и все 40.

Вы привыкли. Наверное, даже не замечаете. Но люди меняются. То есть люди вроде бы те же, но их настроение изменилось. Слышите, как мы гудим, когда вы мимо нас летите? Впрочем, ваш «мерседес», наверное, звуков не пропускает.

Года два назад мы уже подсчитывали убытки, помните? Чтобы вас пропустить, стоят 50 тысяч машин. В среднем по 30 минут утром и вечером. Это 50 тысяч часов. Получается 6 тысяч рабочих дней. Если 22 рабочих дня в месяц, выходит 270 месяцев. 270 наших месяцев за ваш день.

Те, у кого своя машина, обычно получают не меньше тысячи долларов в месяц. А многие жители Рублевки (у которых еще и водитель) — больше десяти. Выходит, минимум 270 тысяч долларов в день теряем мы в вашей пробке. Если за год вы 200 раз съездите на работу, это обойдется нам в 50 с лишним миллионов долларов. Только за потерянное время. А сколько сгорает бензина, а сколько моторов работает вхолостую...

Это я считал, пока вы первый срок отработывали. А теперь думаю: как же это я поддался веяниям времени? Почему соглашаюсь все мерить на деньги — и свободу, и жизнь? Вы заперли меня в пробке — значит, я не свободен. Этот час ежедневно

вычеркивается из моей жизни; она становится короче. Ради чего?

Свобода и жизнь — очень важные льготы. Мало кто согласится обменять их на деньги. Даже если бы нам предложили получать за час стояния в пробке 300 рублей — нет! Это не ското-часы и не собако-часы. Это человеко-часы. Это важно понимать.

На заднем сиденье ребенок; ему в школу. Если ребенок не получает зарплаты — он что, ничего не теряет? А здоровье? Мы вместе дышим ядом (в середине шестирядной километровой пробки воздуха нет, только выхлоп).

А что у него творится в голове и душе, когда он видит...

Уважаемый Владимир Владимирович, вы ежедневно культивируете (насаждаете) рабство. Ужасное, бессмысленное. Что приходит в голову ребенку, когда он добирается наконец до школы и проходит историю Египта?

При приближении фараона (египтяне считали его живым богом) следовало пасть ниц. Но ведь не на полчаса. И людей с улиц не выметали.

Следовало не только пасть ниц, но и глаз не подымать. Мол, «нечистый взгляд» может осквернить, оскорбить фараона. Возможно, египтяне верили этому объяснению.

Но настоящая причина могла быть иной. Что, если дело было не в нечистом, а в ненавидящем взгляде? Очень неприятно вдруг валиться ниц в пыль, в грязь — на колени! руки на землю! лбом в землю! Лица этих людей, распластавшихся в грязи, вряд ли выражали обожание и радость. Ну хоть у одного из ста. И фараон, поймав ненавидящий взгляд, мог огорчиться и задуматься: неужели не все меня любят? Лучше пусть никто не смотрит.

Если так, тогда «нечистый взгляд» — это липовое объяснение, приятное фараону, не подрывающее порядка. Ибо не подвергается сомнению всеобщее обожание. Они, ваше величество, падаль; они вас обожают, закрыв глаза, ибо боятся ослепнуть от вашего сияния.

Извините, Владимир Владимирович, отвлекусь от Египта. Помните пьесу Пушкина «Борис Годунов»? Там в самом начале Годунова уговаривают, чтобы он согласился стать царем. Устраивают ему всенародное избрание. И там, на площади, в толпе происходит очень важный разговор.

ОДИН ИЗ НАРОДА. ...Дошло до нас; скорее! на колени!
НАРОД. Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами! Будь наш
отец, наш царь!..

...ОДИН (тихо). Все плачут. Заплачем, брат, и мы.

ДРУГОЙ. Я силюсь, брат, да не могу.

ПЕРВЫЙ. Я также. Нет ли луку? Потрем глаза.

ВТОРОЙ. Нет, я слюней помажу. Что там еще?

ПЕРВЫЙ. Да кто их разберет!

«Да кто их разберет» — эта интонация очень знакома. Так говорят: «да пошли они все на...» И заметьте: хором «ура!», а между собой... гм.

Некоторые недоумевают: почему пьеса 50 лет была под запретом? И при Николае I, и при Александре II... Ведь о Романовых там ни одного дурного слова.

Может, дело не в том, что в пьесе есть, а в том, чего в ней нет? Нету там народной любви к властителю. Не важно, как его фамилия.

На трассе полно отличных машин, способных ехать со скоростью 200 километров в час, 250, а у особо богатых — и 300!

Но жаль, вы не видите, как десятки тысяч этих шедевров техники и мощи ползут со скоростью пешехода. 20 миллионов лошадиных сил, засунутых в пробку, уходят на перемещение людей со скоростью меньше, чем у неандертальца.

Тысячи людей из-за вас стоят (сидят) с мощностью в миллионы лошадиных сил.

Вы остановили всю страну, чтобы самому одному (с охраной) лететь. У вас скорость 200 километров в час. У нас — ради вас — ноль. Вы один, нас сотни тысяч. Вместе у нас с вами средняя скорость полтора сантиметра в час. Сантиметра! Как же мы догоним кого-то? Разве что Северную Корею. В направлении ликующего поедания травы.

Нет? Не полтора сантиметра? Ну пусть министры пересчитают. Недавно они обсчитались на несколько миллионов льготников, пусть исправятся. Только бы не закричали, будто некие провокаторы вывезли и поставили вдоль вашей трассы тысячи машин.

Понимаем, что вы нуждаетесь в безопасности. И чем быстрее едете, тем труднее попасть. А вертолет не годится из-за всяких штучек типа «земля—воздух».

Но по совести и при минимальном сочувствии к людям — решение простейшее: живите в Кремле, как Ленин, как Буш в Белом доме. А мы скинемся на горный воздух, на морской воздух — вам в баллонах будут доставлять.

Бывает, попадешь в пробку на Большом Каменном мосту — роскошь! Хоть и дышишь ядом, зато с видом на Кремль. Стоишь 10 минут, 20 — понимаешь, что за спиной стоит уже весь Ленинский проспект от Гагарина, а подо мной стоит вся набережная — насколько хватает глаз — вдоль Кремля, вдоль России (гостиницы), вдаль — к Яузским воротам, к Таганке...

И вот — наконец! Из Боровицких ворот вылетает что-то черное. Слава Богу, думаешь, разведчик понесся, сейчас вы с десятком джипов охраны... Нет! Трогаемся! Едем! Это значит, ради вот этой одной машины нас держали?! Кто в ней? Может быть, вы что-то забыли на диване? Телепрограмму? Телефон Буша? Важный указ?

...Как подумаешь утром о предстоящих мучениях — нет, поеду лучше на электричке. А по радио вдруг говорят, что вы в Белграде (Берлине, Брюсселе) — ага, значит, пробок не будет, поеду на машине.

Но ни хрена надежды не сбываются (в «Литературной газете» в таком месте написали бы «увы») — перекрыто, пробка.

Это ваша вертикаль, извиваясь, несется по резервной; все кусочки вашей вертикали — Фрадков, Зюрабов, Кудрин, Дума, Счетная палата... Стекла черные, лиц не видно, но список у вас, конечно, есть. Мы видим только их номера — ААА, ООО, ССС, видим их мигалки, слышим сирены, за каждым джип с охраной растопыривается на полторы полосы. Боятся, гады. Кого? Народа, конечно. Нас. Потому что нас много. И потому, что мы их не любим.

Там, в пробке, нет (почти нет) бедняков, стариков, инвалидов Великой Отечественной. В основном — благополучные. У них хорошая работа, хорошая зарплата — иначе бы их не было там, в «ауди» и «тойотах». Но есть чувство, объединяющее этих

благополучных в толпе иномарок с толпой стариков, вышедших на улицы от бедности, — ненависть к тупому насилию. Так и ждешь, что из передовой машины, которая, проверяя зачистку трассы, летит на километр впереди вашего кортежа, раздастся громовой голос из мегафона: «Руки на руль! Голову вниз!»

Нечистый взгляд?..

Если отбирать льготы — так у всех. Иначе несправедливо. Однако есть льготы (привилегии), с которыми никто не спорит. «Скорая» и пожарные едут на красный, и все считают это правильным — ведь речь идет о спасении чьей-то жизни. Но если врач и пожарный едут утром на работу — привилегий у них нет.

Вы едете 10 минут. Но ради этого 50 тысяч людей полчаса жгут в пробках бензин и нервы. Полчаса стоим, а потом еще час ползем (пробки рассасываются медленно). Не говорю об опоздавших на самолет, как-нибудь дождутся следующего рейса. Но где-то в пробке стоят «скорые», в которых, быть может, кто-то умирает от инфаркта, а где-то умирают, не дождавшись «скорой». А где-то в этой пробке орут роженицы... Вы каждый день обеспечиваете кому-то родовую травму; не задумывались?

А сотни гаишников? Они, вы думаете, рады? Перед тем как окончательно перекрыть, они должны полностью очистить трассу. И они машут палками, как вентиляторы: давай! давай! Идешь со скоростью 100 километров в час (хотя по правилам здесь 60), а гаишник машет: давай! давай! Идешь 120, 140 — душа радуется. Летим! Кто ж из нас не любит быстрой езды?!

Но радость, увы, минутная; скоро упираемся в хвост пробки, перекрыто... Стоишь, и с запозданием приходит в голову: ведь какие виражи! Ведь они предпочитают, чтобы мы разбились, лишь бы скорее убрались с трассы...

А если перекрыто за городом на узком шоссе, где разрешен один ряд, мы выстраиваем второй — по обочине, по канаве, а «лексусы» и «мерседесы» выстраивают третий — по встречной. И гудим, гудим.

Раньше стояли молча. Нервничали, но признавали ваше право. А теперь гудим. Все висит на волоске. Глядишь, скоро поедem. И если поедem, то не остановимся.

Это тот самый случай, когда ваша власть держится только на нашей покорности. Ни на чем больше. Гаишник — символ.

Силы у него нет. Если мы выйдем из повиновения, то даже танками не удастся перекрыть. И танков не хватит, и, главное, организовать не смогут. (Где их хранить? В каких дворах, на каких газонах?) Остановить можно стрельбой. Но очень сомнительно, чтобы решились стрелять — в 2005-м повторять 1905-й.

Что будет, когда передний ряд машин тронется (а за ними сразу двинутся следующие)? Что будет делать гаишник, когда на него поползут десятки машин? Если тронется один из нас — наверное, расшибут ему палкой стекло, а то и голову. Но если поедут несколько сразу... Если мы все вдруг выйдем из рабства и поедем...

Что будут делать эти, с палками? Лица их измучены. Наша ненависть, наша ярость обрушивается на них, и они орут в лицо озверевшим водителям (если стоишь близко к гаишнику, то слышно):

— Я на службе! Это — слуги народа! А я — подневольный!

«Слуги народа» — это он про вас. Он не решается произнести «президент», и мы его понимаем. Но ясно и то, что душою он с нами. Он не идейный ваш, а подневольный. Значит, наш.

...Письмо, к сожалению, получилось длинное, виноват. Но как подумаешь о длине пробок, как вспомнишь, сколько в них отстоял...

И вот, Владимир Владимирович, решаюсь сказать вам то, с чего начал. В вашей пробке звучат наши гудки. Будете проезжать мимо нас — послушайте. Всего год-два назад мы стояли молча. Но все чаще слышу (и сам жму на клаксон) рев сотен гудков. Это мат. Нечленораздельный, но громкий.

Слышно? Если слышно, то, наверное, вам объяснили, что мы вас приветствуем.

15 марта 2005

№ 31

ДУРАЦКАЯ РАБОТА

Уважаемый Владимир Владимирович! С 1 апреля! Хотя идея поздравлять человека с Днем дурака кажется сомнительной.

Конечно, был соблазн подшутить над вами. Даже шутку придумал в вашем стиле (помните, вы предложили французскому журналисту приехать в Москву, где ему «сделают обрезание так, чтобы потом ничего не выросло»).

До сих пор никто не понял: шутка это была или нет? Француз мог бы проверить, но не рискнул, не приехал.

Потом эта шутка (не ваша, а моя) показалась слишком грубой и даже неприличной... Решили не рисковать; кто знает, где кончается ваше чувство юмора?

Вообще в России 1 апреля шутят иногда очень зло, доводят людей до развода, до инфаркта. В сталинские времена достаточно было постучать в дверь и рявкнуть: «Откройте! Лубянка!»

Это, кстати, и сейчас произведет впечатление; можете проверить. Поглядите в глаза какому-нибудь губернатору (министру, политтехнологу и т.п.) и негромко скажите: «Ваши заграничные счета арестованы» — увидите, что будет.

Да, шутки, знаете ли, бывают жестокие.

В День дурака любого разрешается выставить дураком — многовековой демократичный обычай... И вот иду задумавшись по коридору редакции — решаю, как над вами подшутить. А задумался о русском языке: подшутить над вами — «под» или «над»? Кто сверху?

А навстречу — главный редактор. Увидел мою задумчивость, сразу все понял и говорит:

— Не надо над президентом первоапрельские шутки шутить. Ты подумай — его ж каждый день обманывают.

Признаюсь, так и ахнул: ведь правда. Эти, ваши, только и делают, что выставляют вас дураком, независимо от календарной даты:

— Ваше Величество! Реформа по отмене льгот совсем готова! Народ будет страшно доволен!

Нам эту радость показывают по телевизору — как они сидят и все это вам обещают. Владимир Владимирович, поверьте, даже самые простые люди понимают: вранье. И только удивляются на вас: мол, неужели он им верит?!

В том-то и беда, что вы им как бы верите. А почему верите? А потому, что они вас страшно боятся. До судорог. И вы видите их страх.

Вот вы и думаете: «Если они меня так боятся, то обманывать не посмеют».

А они так устроены, как все двоечники. Он двойку получил, но домой приходит с веселой мордой и папаше врет про пятерки.

Он знает, что за вранье (когда вскрыется) накажут гораздо больше, чем за двойку. Знает, что вскрыется обязательно. Знает, что к маленькой провинности добавляет большой грех.

...Врет про пятерку, потом врет, что потерял дневник, потом (дома) — что сгорела школа, а в школе — что умерла бабушка. Врет, что толпа на Ленинградском шоссе — это провокаторы Березовского. И в Киеве на майдане — провокаторы Березовского. Можете, Ваше Величество, спокойно поздравлять Януковича; и подводников сейчас сами спасем, ребята крепкие — вон как третьи сутки стучат «SOS», помощь иностранцев не нужна...

И вы поздравляете Януковича; говорите: «Сейчас спасем»... А потом... потом приходится, стиснув зубы, поздравлять Ющенко; и говорить: «Она утонула»; а уж что вам пришлось вынести в Видяеве, что выслушать от жен и матерей моряков «Курска»...

Чуть было не написал, что вам сочувствую, но удержался. Во-первых, мое сочувствие вы, чего доброго, примете за издевку. Во-вторых, только начинаю вам искренне сочувствовать, как в ту же секунду вспоминаю, что всех этих врунов, жуликов, оборотней расставили над нами именно вы; кого ж теперь винить?

Знаете, Владимир Владимирович, вот из-за того, что вы окружили себя обманщиками и твердо знаете, что они обманщики, — вышла ужасная вещь: вы теперь никому не верите. И боитесь людей. Вам кажется, будто все — такие. А раз так — какой смысл их менять, если «все такие»?

Не все, Владимир Владимирович. Даже наверху. Но они боятся правду говорить, потому что знают, что вы не верите.

А если тебе не верят — зачем правду говорить? Только неприятности наживешь. Лучше врать, как все.

И врут. Врут про 350 заложников в Беслане, как ввали в вашем предшественнику про 38 снайперов. Врут про армию, Чечню, льготы, лекарства, борьбу с бедностью, борьбу с беспризорностью, врут про готовность к Олимпиаде, к нападению террористов... Врут, что все долги по зарплате выплачены, что «одним полком за два часа» (а на деле — вся армия воюет одиннадцатый год).

Врут, что будет хорошо и полезно уничтожить педиатров; заменить их семейными врачами. Но уничтожить педиатров легко: вычеркнуть из сметы, из штатного расписания — вот их и нету. А вырастить семейных врачей — это надо лет 50. Но у министров-капиталистов (термин эпохи Временного правительства) семейные врачи уже есть. Министры в районных поликлиниках своих детей не лечат.

...И вот ваши двоечники все это выдумывают, а вы это озвучиваете, и выходит, что они день за днем, год за годом выставляют вас на посмешище. Другой бы... Ведь это вы обещаете нам с экранов удвоение ВВП, правовое государство, мир в Чечне, справедливый суд... Они вас обманывают, а вы — нас.

Ну и зачем в такой ситуации еще и мне вас обманывать? Может, я — единственный человек на свете (из тех, кто с вами общается), который вас ни разу не обманул.

1 апреля 2005

РУССКИЕ УХОДЯТ

Уважаемый Владимир Владимирович! Вы небось думаете, будто русских 144 миллиона? Черта с два!

Говорят, к 2050-му нас останется то ли половина, то ли треть (50 миллионов). Извините за резкость, Владимир Владимирович, но и это чепуха. Нас не останется. Эти миллионы будем совсем не мы. Это будут добыватели полезных ископаемых. И обслуга добывателей — официанты, таксисты, девочки. А белые, или желтые, или черные, раскосые, курносые — все равно.

...Пишу вам письма, и часто возникает чувство (почти уверенность), что вы меня не понимаете. А почему?

Пишу по-русски, и вы — русский. Но похоже, говорим на разных языках. Может ли такое быть?

Вот у вас собачка Кони, она русскоязычная («ко мне!», «сидеть!»), но разве у нее были проблемы объясниться с собачкой Буша? Носик понюхал хвостик — любовь до гроба. А мы с вами? Где взаимопонимание?

Вас (и вашего предшественника) упрекают в катастрофической убыли населения. Сокращаемся на миллион в год — это статистики утверждают; без всяких упреков; просто фиксируют положение.

Они же, статистики, сказав про убыль (умерло столько-то, уехало столько-то), в следующей графе утешают: вот прибыль — приехало, мол, столько-то таджиков, молдаван...

И нам объясняют, что это хорошо и прекрасно. Во-первых, население не так быстро убывает. Во-вторых, если б не они — кто бы копал канавы, чистил выгребные ямы...

Да, если цель России — копать канавы и бурить скважины, тогда можно безмятежно щелкать на счетах: умерло — родилось, уехало — въехало; и все это оно, среднего рода, не имеющее личности, среднеарифметическое, измеряемое в штуках.

Если наша миссия — нефть и газ, — тогда мы для мира просто скважина, как Кувейт. Цена барреля — вот и весь интерес.

Но Россия для мира — не для политиков и генералов (для них мы — водородная бомба), — для мира, о котором стоит говорить, Россия — это Чехов, Толстой, Достоевский. Их цена растет уже сто с лишним лет, никогда не падает.

Если хоть чуть задуматься... Уезжает врач, инженер, ученый, умирает старый писатель, старый учитель, старый музыкант, а въезжает дворник, носильщик, землекоп, продавец.

Это как водка, Владимир Владимирович (самая понятная русскому вещь). Если водка налита в стакан — она выдыхается. Дух из нее уходит; а по-ученому — спирт улетучивается. Но такого дурака нет, который выдохшуюся водку дольет водой — чтоб опять стакан стал полным. Полным-то он станет, только пить эту муть не станешь.

Прежде я писал вам о том, что можно подсчитать: льготы, взятки, пенсии, пробки, электрички... А ведь пора и о душе подумать.

Эти въехавшие никогда не станут русскими. И дети их — вряд ли.

За 10 лет население сократилось на 10 миллионов. И все, кто занимается демографией и миграционной политикой, объясняют нам (и вам), что поэтому нужны гастарбайтеры. Вся надежда, что они восполнят убыль населения. Тем более что Китай нависает... И нам не удержать обезлюдевший Дальний Восток, Сибирь...

Нам?

Те, кто нас заменяет, — это мы? Да, если мы родили и воспитали детей и внуков, то они — наша смена; в некотором смысле — мы.

Но те бедняги, кого мы наняли в дворники, — они разве мы?

Это они, что ли, пойдут на окраину Империи защищать наши земли, наши рубежи от китайцев? Защищать тех, кто презрительно называет их чурками, унижает, грабит, убивает ради забавы.

Идиотская мысль: восполнить убыль населения гастарбайтерами, дешевой рабочей силой.

Они необходимы экономике, нашей глупой, жлобской экономике. Но рассчитывать на них как на продолжателей русской миссии... Разве что их внуки — как при Екатерине внуки обрусевших немцев, итальянцев... Но тогда их детей надо с малолетства учить, талантливым открывать дорогу... Увы, такие планы — «игра в долгую». А ваша власть, уважаемый Владимир Владимирович, играет в короткую. В быстрые деньги.

Ваше правительство вложило в русский язык (в издание книг) меньше, чем Сорос, — это стыдно. Говорят, стабилизационный фонд из-за угрозы инфляции нельзя расходовать на зарплату. Но может быть, стоит поддержать русские школы и учителей в странах СНГ, где они при последнем издыхании?

Как только Армения, Литва и т.д. перестанут говорить по-русски — мы потеряем их навсегда. Кому нужны соседи, с которыми не поговоришь? Они превратятся для нас в покупателей и продавцов — то есть останутся лишь бухгалтерские отношения. А ведь до сих пор еще теплится бесценная эмоциональная связь.

У нас остался последний шанс — максимум лет пять, чтобы спасти запасы языка. Все русскоязычные (в России и за границей) — богатство, которое исчезнет навсегда. Нефть еще разведем, а этого — не будет.

Если Россия — заправка, тогда все равно, кто вставляет шланг, берет деньги, протирает стекло, протягивает руку за чаевыми.

А там, в Америках, наши дети уже не мы, они что-то промежуточное, а уж их дети (наши внуки) даже не говорят и не хотят говорить по-русски, а значит, совершенно не мы (совершенно немы).

А те, которые здесь, здешнее население — почти уже не мы.

Когда взяли Зимний, русские братцы-матросики загадили ванны и китайские вазы (хотя канализация работала), изорвали и сожгли книги. Они действовали, как крупные обезьяны. Очень смышленные. Оставили себе врачей, ибо болели. Инженеров — чтоб машины ездили. Священник? — лишний (Бога ведь нету, души нету), священников убили.

Это к власти пришли «условно русские». О них в романе Достоевского «Преступление и наказание» следователь Порфи-

рий Петрович предупреждал Раскольниковова, объясняя, что бежать тому некуда: «Куда ему (убийце) бежать?.. В глубину отечества убежит, что ли? Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужики наши, жить!»

Да, наш мужичок — тот еще иностранец.

В Благовещенске били и насильовали целый город — русские? По крови — не знаю. По душе... чужая душа — потемки. А целый город, который дался, чтобы его насильовали, и терпел, и не начал стрелять, — русский?

А столичные? В Москве шестеро студентов журфака (из шести мною опрошенных) не читали «Бориса Годунова». А если они не читали и «Преступление и наказание» — значит, все мои рассуждения мимо. Люди перестают говорить на этом русском языке. Слова остаются, а смыслы исчезают.

В Петербурге — в культурной столице Империи — подростки, для забавы убившие шестилетнюю таджичку (26 ножевых ранений), — русские? Они — что, верили, что спасают Россию? Их на порог не пустили бы Толстой, Достоевский, Чехов — те, кто олицетворяет, то есть являются лицом России.

...Есть лицо, а есть грязь из-под ногтей.

Наши горячие патриоты могли бы брать пример с израильских евреев. Те селятся на окраинах только ради идеи, хотя это невыгодно и опасно. А наши гуляют по столицам, поглядывая, кого избить, какое кладбище осквернить. И не слышать, чтоб хоть один ради идеи переселился на Дальний Восток сопротивляться китайскому нашествию.

У них по-своему устроены мозги. Даже этот текст они могут использовать как теоретическое обоснование своего зверства. Увы, делаешь топор для плотника, чтобы дом строил, а он оказывается в руке Раскольникова — русского, искренне мечтающего улучшить жизнь любимой Родины — топором по голове.

...Стать русским может ребенок любой национальности, если ему отроду читают Пушкина («Каштанку», «Конька-Горбунка»)* и колыбельную поют по-русски.

* Проверка бдительности удалась. Двое-трое гневных читателей прислали письма: мол, Минкин — идиот, не знает, что «Каштанку» Тургенев сочинил.

Но и русский по крови малыш — не станет русским, если отроду перед ним голубой экран с Симпсонами и Маппет-шоу (если шоу склоняется).

Увы, это мало кого волнует. Жизнь в вашу эпоху, Владимир Владимирович, так устроена, что Пушкин не приносит дохода... престижа.

Дети нашей многонациональной страны стремительно осваивают компьютер, мобильник, курс валют, крутящийся момент, октановое число — это прибыль, престиж, успех, цепь на шее, перстни.

У нас теперь язык легкий и понятный: дай, беги, хочу. Это как мур-мур и мяу-мяу — все от пупка и ниже. А выше? Если у человека нет в голове «Бориса Годунова» и «Гамлета» — он как компьютер без Word'a — арифмометр, калькулятор, порно-журнал.

Исчезает язык общения. Остается язык потребления. А если так — то удобнее английский: легче покупать, легче понять инструкцию.

Уход русской культуры в небытие стремителен. Она исчезает гораздо быстрее, чем сокращается население. Какой там Пушкин! — мальчики и девочки (русские по паспорту) не знают, куда впадает Волга. Ваше правительство уничтожает образование. Воспротивиться этому могло бы общественное мнение. Но его нет или оно бессильно.

Ждать, пока созреет общественное мнение, некогда. (При таком развитии событий оно не созреет никогда.) А от толпы нечего ждать добра. Да и черт с ней, с толпой, ее не убедишь. Власть (вы, Владимир Владимирович) должна немедленно все ресурсы и ум нации бросить на спасение. Как все силы бросают врачи, чтобы остановить фонтан крови; а маникюр, перхоть — это когда-нибудь потом.

Не уверен, что вы меня понимаете.

Это трагическая ситуация — поезд летит к пропасти. И это трагическое непонимание — машинист спит.

«Поголовье», «популяция» — все это говорит о том, что мы почему-то согласны, чтобы нас считали на шутики. Популяция — так можно и о мышах.

А если по душам? Извините, что снова повторю: если считать по Достоевскому и Пушкину — то сколько нас? Десять миллионов? Или пять? Или всего-то сотня тысяч?

Иностранец называется по государству. Во Франции — француз, в Испании — испанец. А наш человек называется не по стране, а по языку — русский.

И вот знание этого языка (остатки языка) сведено к умению читать этикетку, решать кроссворд.

Кто же это — русский человек?

Если считать по крови (как Гитлер евреев), то человек, чьи дедушки и бабушки русские, — русский.

А если его дедушки-бабушки еще детьми оказались во Франции, папа-мама родились в Париже; и вот он — русский по крови, но не знающий ни слова по-русски, думающий по-французски, не читавший Достоевского даже в переводе, банковский клерк — кто он? По крови — русский на сто процентов, а по нашему — ноль.

Верю, что вы не расист, Владимир Владимирович. Но хотелось бы знать: Левитан-художник и Левитан-диктор («От Советского Информбюро») — они для вас евреи или русские? Спрашиваю только для того, чтобы помочь уяснить проблему.

Сам язык подсказывает: русский — это не кто, а какой. Какой ты — то есть что у тебя в душе, в голове.

Пушкин (эфиоп, который наше всё) — ошибался. Помните его знаменитый «Памятник»:

...И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Финн уже не назовет, как вы понимаете. У финнов от русского языка остались лишь «водка», «наташа», «сколько». О тунгусах и калмыках точных сведений нет; все зависит от родителей и учителей; но радужных надежд питать не приходится.

Когда ваши министры и советники говорят «мы въехали в рынок» — они даже не понимают, какой яркий образ возникает. Рынок — это «хаммер», «лексус», «порше». Попробуйте въехать в них на «Жигуле» или «Оке» — что от вас останется?

Рынок, Владимир Владимирович, как это свойственно новому русскому, вылетел на встречную и въехал в нас. Нас теперь надо выпиливать из смятой в лепешку консервной банки, надо «скорую помощь». Успеет? Или, качая головами, врачи скажут: «Травма, несовместимая с жизнью».

Коров, лошадей считали по головам. Поголовье — это о скотине. Даже крепостных крестьян (рабов) считали по душам. Даже мертвых. И до сих пор сохранился атавизм — старорежимное «на душу населения». Но всё, что подсчитывают «на душу», относится к поголовью: продолжительность жизни, килограммы хлеба, литры водки, квадратные метры. А где душа?

Считаем свой уровень по ВВП, но Пушкин туда не входит.

Людам по телевизору ежедневно объясняют, кто сегодня наше всё (в новостях — вы, в кино — бригада). А в промежутках на экране шевелятся и улыбаются благоухающие тела, белозубые, без перхоти, запаха, жира, «где надо — гладко, где надо — шерсть» (Бродский). Купи это! — и станешь таким (такой), как на экране. Нам хотят придать товарный вид.

Пока ребенок едет по улицам русской столицы, в его глаза вбиваются тысячи плакатов «Купи-купи-купи! это-это-это!». А если б вы, Владимир Владимирович, не дай Бог, спустились в метро — все станции, все вагоны заклеены: «Съешь! Выпей! Покури!» В душу ребенка закладывают, а лучше сказать — запихивают и трамбуют...

Кто-нибудь слышал от ребенка: «Купи мне книжку?»

А в буржуйской Швейцарии, где, как нам внушают, все думают только о деньгах, — в электричках на стенах вагонов цитаты из лучших романов лучших писателей. Летишь по рельсам из Женевы в Цюрих; хочешь — глядишь в окно на виноградники и озера, хочешь — читаешь цитаты над окнами.

Писатели разные. Надписей сотни. Но общее — одно: все цитаты умные, добрые, человечные; и ничего про деньги, никаких «купи!», «выпей!», «оттянись!».

Вся Россия (читающая) внимала Достоевскому. А что думают купцы первой гильдии — никого не интересовало. Купцы жертвовали на искусство, на приюты, на больницы (в Москве — Боткинская, Морозовская...), но они не учили нацию, как жить,

чему верить, что такое хорошо, что такое плохо. А кому Россия внимает сейчас?

В XIX веке были и несметно богатые люди, и знаменитые эстрадные певички. Но в голову не приходило брать у них интервью: что едят, с кем спят, где купаются? А у нас и эфир, и газеты ежедневно забиты интервью с богачами и певичками. Для думающих нет места. Это, мол, никому не интересно. А кто решил, что это никому не интересно?

А потом выясняется (в армии), что призывники не умеют читать. Потому что дураки? Или потому что грамотные не нужны — поэтому и не платим зарплату учителям.

Богачи умеют деньги зарабатывать — и отлично. Но указывать путь — нет. За эти годы мы убедились, что они не могут вести страну. Их интерес только деньги, не люди.

Если считать нас в потребителях, то мы сокращаемся на миллион в год.

А если считать нас в читателях — тогда на сколько? Если считать читающих этикетки — нас все еще много. А сколько людей читают серьезные книги?

Не знаю, читали ли вы, Владимир Владимирович, знаменитую книгу Брэдбери «451° по Фаренгейту»?

В ней государство преследует читателей, казнит без суда. Государство сжигает книги. Стены квартир — сплошные телеэкраны, а там — или сериалы, или погони и убийства в прямом эфире. Все одурачены и агрессивны. Мыслящих остались единицы, власть ищет их, чтобы убить.

Это изображен не фашизм и не Россия. Это не диссидент написал. Это описана Америка, США. Благополучный Брэдбери в демократической богатой стране 53 года назад предвидел такое будущее.

Он ошибся. Оказалось, что сжигать книги не надо. И казнить за чтение не надо. Оказалось, что телевизора с «Аншлагом» и «Домом-2» достаточно, чтобы люди перестали читать, перестали быть людьми.

Доброта, совесть, честь — эти понятия уходят в прошлое. Эти понятия, как ни странно, основаны не на свободе, а на запретах: не делай зла, не лги...

Мы уничтожили запреты. Мол, все должно расти естественно. Сила, грубость, деньги, эрекция — все это очень естествен-

но. А в результате получаются животные, но не в смысле собаки (у них есть любовь, ритуалы, преданность), а животные в смысле опарыш.

Бедные богатые! Они покупают себе виллы, яхты, великих футболистов. Миллиардер может купить Репина, Рембрандта, Ренуара и спрятать от людей и любоваться в одиночку. Может купить дворец и закрыть его от людей. Но никакой мультимиллиардер не может купить и спрятать от нас «Войну и мир», «Капитанскую дочку». Они не могут купить себе великих писателей. Даже если бы захотели — не смогли б.

А мы владеем ими бесплатно. Но только пока мы — русские. Утратив язык, не сможем купить себе русскую литературу ни за какие деньги.

Все вокруг разговаривают по-русски, и кажется, будто все в порядке — вот он наш родной язык, вроде бы все владеем.

Когда Колумб приплыл в Америку, он довольно просто нашел общий язык с аборигенами: ням-ням, буль-буль, чмок-чмок — есть, пить, дай, убью — это язык на уровне жестов, на уровне опарыша. Но когда испанцам вздумалось поговорить с новыми друзьями о душе, о Боге... — ничего не вышло, пришлось стрелять.

Как считать русских? По курносым носам? По русым кудрям? Нам очень повезло с эфиопом (который наше всё), невозможно обвинить нас в расизме. Дело не в форме носа, а в устройстве души. Великая русская поэзия — Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, Цветаева, Манделштам, Пастернак, Бродский, Высоцкий — фашисты сделали бы из них мыло. Беллинсгаузен (не выговоришь) — русский путешественник, прославил нас — открыл Антарктиду. Екатерина Великая — стопроцентная немка. Айвазовский — кумир и чемпион аукционов — Айвазян.

Татары, армяне, евреи, родившиеся в Москве, не знающие, увы, родového языка; для них русский — родной и единственный.

А обирающие старух менты-рэкетеры, у которых весь словарь — два существительных и один глагол — три слова и все непечатные, — они русские?

...Кто ж мог предположить, что нас ждет участь малых народов Севера? Сколько помню, советская интеллигенция выражала холодное сочувствие по их поводу: мол, что ж поделаешь, да, исчезают, вымирают...

Чукчи, якуты, эвенки и др., и пр. — с богатейшим языком, древним укладом, потрясающими сказками, невероятно миролюбивые, беззлобные; с шаманами, которым в подметки не годятся африканские колдуны, — где все это? Огненная вода убила людей, добыча нефти уничтожила тундру, дети в интернатах, сифилис, старость в 35 лет.

Казалось, русских эта участь не может и коснуться. Никто и не думал об угрозе главному народу СССР. Но все это произошло и с нами: огненная вода, добыча нефти... Миллионы беспризорников означают только одно: государству и обществу дети не нужны. А то, что государство делает со стариками, ясно говорит: старики тоже не нужны. Кто же будет петь «баюшки-баю»? и кому?

...Легко назвать печальные пророчества «вечным стариковским ворчанием». А вдруг оно действительно вечное? Ведь это ворчание всегда (во все века) ворчал о любви, о добре, о совети — может, оно и спасало? А не будь такого ворчания — что бы было? Людоедство.

Эх, Владимир Владимирович! Не мне бы об этом говорить. Лучше бы эту больную тему затронул какой-нибудь Иванов. Получилось бы умнее, деликатнее, приличнее. Ивановых у вас много — но, похоже, все они заняты чем-то другим.

4 апреля 2005

P.S. Дополнительными иллюстрациями служили надписи со стен швейцарской электрички.

«Можно быть атеистом, отлично понимаю. Но быть довольным, что ты атеист, — вот этого я не понимаю».

Шарль Фердинанд Рамю

«Без памяти нет понимания. Мы смогли бы стать людьми. Но не помним, как были детьми».

Макс Фриш

«Упадок общества начинается, когда человек спрашивает себя: «Что будет?» И не спрашивает себя: «Что могу сделать?»

Дени де Ружемон

«Поэт закрыт, потому что полон. Буржуа закрыт, потому что пуст».

Шарль Фердинанд Рамю

Таких надписей там тысячи! Из французских, немецких, русских великих писателей.

СОСАТЬ ПУСТЫШКУ*

Чем полезна фальшивая оппозиция

Говорят, будто у нас нет оппозиции. А зачем она нужна? Смотря кому. Людям оппозиция нужна, если она берет власть и делает жизнь лучше. Или вынуждает действующую власть делать жизнь лучше.

А бывает, что оппозиция нужна только себе. У такой, как и у чиновников, главное — свои шкурные интересы: офисы, должности, лимузины, банкеты. Такая оппозиция у нас есть.

И такие депутаты у нас есть, и министры, и губернаторы, и генералы, и гаишники... У нас всё есть, государство укомплектовано: президент, правительство, армия, милиция, прокуратура, парламент, суды, оппозиция.

Почему же очень многие люди чувствуют себя как в лесу? Случись чего — никто не спасет.

Самое главное — защищать интересы людей и интересы страны. Подчеркнем: страны, а не государства. Если государство не соблюдает интересов людей и страны, пусть в стране будет другое государство.

Родина и государство — не одно. Наша Родина выдержала много государств. Империю Романовых, военный коммунизм Ленина, концлагерь Сталина, хаос Ельцина... Родина — постоянна, а государство и власть — временны. Интересы власти и Родины не всегда совпадают. То, что хорошо для власти (воровство, война, коррупция), плохо для Родины.

И вот конгресс оппозиции. В числе участников лидеры СПС, «Яблоко», партия Хакамады, партия Глазьева, КПРФ, правозащитники... Главный организатор — Комитет-2008.

* Не письмо. Включено в книгу для понимания письма № 33.

Название комитета говорит о том, что в 2008 году они хотят взять власть. То есть отнять ее у теперешних.

А как это сделать? Силой? Кишка тонка, умирать на баррикадах никто не хочет. Ведь у власти есть армия, МВД, КГБ, Альфа, Бета, Гамма и т.д.

Если оппозиция не готова сражаться, у нее остается один способ взять власть — выиграть выборы. Но чтобы выиграть у Кремля и жулья из ЦИКи — надо, чтобы за оппозицию проголосовало миллионов пятьдесят (половина избирателей). В десять раз больше, чем теперь.

Обжудить 50 миллионов очень трудно. Они могут не согласиться. Если сильно обжудивать, они могут взорваться, как в Грузии, как на Украине. Но пойдут ли люди голосовать за оппозицию? Смотря за какую. Смотря за кого.

Если во главе будут Хакамада, Немцов и прочие лидеры правых — оппозицию ждет неминуемый катастрофический провал.

Возьмите подшивку «Коммерсанта», почитайте «светскую хронику», — эти люди каждый вечер на пьянках. То открытие магазина (бутика) бриллиантов, то открытие салона супердорогих автомобилей (от трехсот тысяч долларов и выше). Что наши демократы делают там? Клеймят буржуев позором? Нет, целуются, общаются, делятся радостями...

Когда они читают? Что они читают? Что у них в голове? Скажите, что в душе человека, который постоянно пьет и гуляет с Ксюшами, Тайванчиками и собачками Конеген (и что очень важно — на чужие деньги)? Вот оппозиционера под утро везут спать, а он смотрит через тонированное стекло лимузина на первых прохожих и с грустью думает о судьбе народа. Эта компания несколько лет бесится с жиру, а теперь хочет, чтобы бедные учителя, врачи и т.д. за них проголосовали. Чтобы что? Чтобы пожизненно остаться с устрицами и шампанским? Чтобы там, на вечеринках, было больше хороших людей? Кто их кормит и за что? Что в голове у человека, который за вечер прожирает больше, чем академик зарабатывает за полгода?

Можно не гадать. Мы точно знаем, что они думают (хотя им кажется, что они это умело скрывают). Вот предвыборная листовка СПС. Сверху фотокарточки трех лидеров: Кириенко, Немцов, Хакамада. Далее — воззвание:

ОБРАЩЕНИЕ СОЮЗА ПРАВЫХ СИЛ К ТЕМ, КТО ХОЧЕТ ЖИТЬ ЛУЧШЕ!

Не читайте это, если вы за последние десять лет не приобрели ни холодильник, ни видеомаягнитофон, ни стиральную машину, ни автомобиль, ни телевизор.

Не читайте это, если вас не пускали за границу, когда вы захотели отдохнуть на зарубежном курорте.

Не читайте это, если вам нравилось стоять в очередях за мойвой, а съедобные продукты доставать по благу.

Мы обращаемся к тем, кому жить стало лучше. Кто стал собственником своей квартиры. Кто стал без боязни говорить всё, что ему хочется. Кто не намерен терять свою свободу, свою собственность, свою безопасность.

Голосуйте за Союз правых сил!

Французская королева Мария-Антуанетта прославилась фразой: «Если у людей нет хлеба — пусть едят пирожные». Народ отрубил ей голову.

У сочинителей воззвания плохо даже с элементарной логикой. «Не читайте это, если...» — задача абсурдная. Ее нельзя выполнить, ибо, не прочитав, невозможно узнать, надо ли было тебе читать.

Но быть может, это такая технология, юмор, способ заставить прочесть, раскачать сознание, задурить голову. Однако человеческая суть лидеров СПС ясна. Они обращаются не к людям, а к их карману. Разум, душа, талант — не интересуют. Только деньги, курорты, жратва. Если вы не купили автомобиль — им с вами говорить не о чем.

Но если вы все это уже купили — зачем они вам?

«Не читайте это, если не купили видеомаягнитофон!» А если у меня нет денег или я покупаю книги — то я им не нужен.

Они зовут к себе не избирателей, а покупателей. Фашисты ли, вор, садист, — их не интересует. Купил? — проходи!

Только в самом конце политического воззвания (похожего на каталог рождественской распродажи) для приличия упомянуты некоторые идеи (две из которых важные, но шкурные): свобода, собственность, безопасность. Но, глядя на фотокарточки Кириенко, Немцова, Хакамады, хочется сказать:

— Это не вам мы обязаны свободой.

— Это не вы дали нам собственность.

— Нет ни малейшей надежды, что вы станете защищать нашу безопасность.

Союз правых сил участвовал в парламентских выборах 1999 года под лозунгом «ПУТИНА — В ПРЕЗИДЕНТЫ! СПС — В ДУМУ!».

И вот опять собираются те, кто привык возглавлять процесс. В 1999-м — Путина в президенты, в 2008-м — Путина из президентов.

Если не понимали, что делают, — значит, дураки. Зачем нам дураки?

Если понимали, но делали — значит, циники. Разве нам мало циников?

Лидер правых Чубайс тогда же прославился фразой: «В Чечне возрождается русская армия! А кто думает иначе — предатель!» Так говорить может только негодяй. Если он верит в то, что говорит, — значит, глупый негодяй. Если не верит, но хочет угодить власти, — циничный негодяй, одобряющий смерть людей ради своей выгоды.

Это не демократы. Это хищники. Определяют людей на вес: вырезка, грудинка... Рыжкова считают перспективным демократическим лидером. Но он был порученцем Черномырдина, возглавлял в Думе фракцию «Наш дом — Россия». Если смолodu был так гибок, если в возрасте максимализма был так покладист и удобен, что ему доверили возглавлять партию власти, если дирижировал голосованием за все, в том числе за залоговые аукционы...

В том же Комитете-2008 Е. Киселев. Успешно работал на НТВ у Гусинского, на ТВ-6 у Березовского, на ТВС у Абрамовича, Дерипаски, Примакова. Всюду отстаивал свободу слова; демократ, должно быть. Но трудно забыть, как три года подряд на свободном НТВ (до всяких репрессий) он уговаривал нас вернуть монархию, целовал в фалду всех троюродных внучатых племянников императора, брал подобострастные интервью у мадам, которая уверяла, что ее сынок — «законни наследник московский царство»*.

* А потом окончательно погубил «Московские новости».

Один из главных организаторов конгресса — Сатаров. Зна-ток коррупции. Он изучал ее в должности советника президен-та Ельцина под бдительным надзором честного Коржакова. Сатаров появлялся на телеэкране и рассказывал, как президент работает с документами и какое у него крепкое рукопожатие (может, краснел, но под гримом было незаметно). Однажды, когда Ельцин был еле жив, Сатаров заявил: «Он в прекрасной интеллектуальной и психологической форме. Когда я говорю про его великолепную интеллектуальную форму, я действительно искренен. Нет, интеллектуальная форма у него мощная, конечно». (Через неделю на инаугурации президент с трудом прочел по телесуфлеру тридцать слов клятвы. Выучить не смог.) Сатаров, конечно, хороший. Но разве кто-то сумел отменить поговорку «единожды соврал — кто тебе поверит?».

Глазьев — министр у Гайдара, потом — с генералом Лебедем, потом — с коммунистом Зюгановым, потом — с нацистом Рогозиным, а теперь — опять с демократами. Пошел по второму кругу?

Спроси такого: зачем идешь в Думу, в Кремль, в правительство? Ответ у всех один: «Чтобы там было больше хороших людей». Точно так стыдливые советские карьеристы объясняли товарищам, зачем вступают в КПСС.

Перед нами все та же команда. В 1996-м они сделали Ельцину второй срок. В 2000-м сделали Путина. И то, что потом он сделал их, — ничего не меняет. Они всё те же. Просто возможностей у них стало меньше.

Партию власти создать легко. Это тысячу раз доказано. Березовский создал «Единство» (теперь «Единая Россия») за два месяца. Для такого суррогата нужны лишь власть и деньги. Никаких идей. От участников требуется только цинизм, но это не идея, а мертвость души. И все получилось. И думские выборы выиграла, и президента нового на трон возвели.

Но тогда действовали из Кремля, а не из лондонской гостиницы. К услугам были все средства государственной информации. Губернаторы стояли по стойке «смирно» и делали что велят, и какой-нибудь Титов звонил сам, чтобы узнать, как себя вести.

А в 2003-м тот же Березовский пытался создать партию «Либеральная Россия». Не сумел. Он (организатор) был тот же и

даже стал еще опытнее; деньги были, и большие; а власти не было. И ничего не вышло, кроме позора. А в 2004-м ничего, кроме позорного позора, не вышло и из проекта «Рыбкин — кандидат в президенты».

Показали раз по ТВ съезд «Либеральной России» — безрадостные, серые, прячут глаза. И это — новая партия? Партия будущего? Молодая партия должна состоять из энтузиастов с горящими глазами. Фонтаном — идеи, вера, энергия, пусть фанатизм; и счастье на лицах: мы вместе! мы победим! мы поведем Россию! А эти — безликие, тусклые... С ними ясно. Непонятно другое: Березовский — он что, верит в них? Верит им, людям без лица? Если у человека нет лица — на него нельзя положиться, ибо ему нечего терять.

Наши политические гении, как только лишаются власти, превращаются в ничто. Деньги и цинизм — на этом можно создать хунту, шайку убийц, но не оппозицию.

Создатели проекта «Путин — президент» теперь создают проект «Оппозиция». Кончится, конечно, позором.

И больше ничего? Увы, еще очень много чего.

Существование фальшивой оппозиции делает невозможным появление настоящей. Поле занято. Смотрит какой-нибудь гуманный спонсор, искренне желающий добра стране: кому дать денег на борьбу за лучшее будущее? Они тут как тут: Немцов, Глазьев, Хакамада и пр., и пр. Для борьбы за лучшее будущее им нужны офисы, машины с водителями, телеэфир, газетные площади, билеты в Давос на экономический форум, билеты в Лондон на политический форум (заодно детей проведать, квартиру проветрить).

Тратятся огромные деньги — плакаты, ролики, концерты, банкеты... А деньги-то наши. Чужие здесь не ходят. Чужих (иностранных) денег в нашей политике нет. Дураков в мире очень много, и даже есть богатые дураки. Но ни один из западных богатых дураков не глуп настолько, чтобы вложить хоть цент в банкротов.

Смотрит бедный народ: за кого проголосовать ради светлого будущего? Вот она, оппозиция. Она даст вам собственность, свободу, безопасность. Была на заре приватизации такая реклама: «Мы заработали деньги для себя. Мы заработаем их и для

вас!» Как звали благодетелей? «Тибет»? «Олби»? «МММ»? Обворованный народ даже выбрал Мавроди в Думу. Хорошая была школа для избирателей.

Фальшивая оппозиция как фальшивое лекарство. Человек верит, тратит деньги, время уходит, здоровье ухудшается, и вот смерть, и родственники на кладбище говорят: «Медицине верить нельзя». Нет, медицина хорошая, если настоящая. Лекарства хорошие, если настоящие. Но как их найти, когда все заполнили подделки и суррогаты?

Вот оппозиция, которая предлагает нам себя: «Выберите нас, сделайте властью, и...»

Они маячат на экранах, в газетах, на конгрессах. Все оппозиционное поле забито сорняком. Никаких шансов вырасти хлебу насущному. Честный по природе скромн, не умеет толкаться, тусоваться, добывать гранты, пилить бюджеты.

Спонсоры не понимают, что сделать из рыбки (воблы) президента — можно, если имеешь все: ТВ, ЦИКу и другие рычаги. А сделать из вяленой воблы оппозиционера, то есть бойца, — нельзя.

Фальшивая оппозиция не вызывает беспокойства у власти. С ней легко «работать» (пример — Жириновский). Кроме того, фальшивые, как правило, — воры, замаранные, гнилые.

Власть благосклонно позволяет существование фальшивой оппозиции. Ибо фальшивая ничем не грозит.

Пустышка — гениальная вещь. Сунул ее младенцу в рот, и тишина. Сосет, чмокает, доволен. Но эта лафа не беспредельна. Когда дойдет настоящий голод — пустышку выплюнет и начнет орать так...

Теперь СПС и «Яблока» нет в Думе. Им горько, а нам полезно. Это избавляет нас от пустых иллюзий. Они «как бы были», и, надеясь на них, мы не делали ничего. А раньше, пока их не было, мы ходили на стотысячные митинги.

Правые партии в Думе были частью власти. Она им платила, обслуживала по высшему классу, изредка удостаивала рукопожатия. А они советовали, готовили пакеты законов.

Реальная оппозиция — это не критика. Критика есть и в прессе. Но пресса, критикуя (даже очень резко), не претендует на власть. Пресса говорит власти: так делать нехорошо.

Оппозиция говорит иное: уйдите; отдайте руль нам — мы умеем, знаем, спасем.

Можно ли сегодня в России свергать (спихивать) высшую власть, не рискуя жизнью или хоть благополучием? Нет. Есть ли оппозиция, готовая рисковать если не жизнью, то хоть благополучием? Нет. Значит, нет оппозиции.

Власть боится не критики, а претендента, за которым идет народ. За Рыбкиным, Хакамадой, Немцовым, Гайдаром, Рыжковым, Киселевым... — ни-ког-да.

Вести за собой людей может только моральный авторитет, а не моральные уроды, жирные циники обоего пола. Увлечь они не могут. Поэтому думают, как одурачить. А машина для одурачивания — телевизор. И машина эта — у Кремля. А без машины они не могут. Пешком не ходят.

Эта оппозиция — мираж. Но туда, к этому миружу, невольно тянутся умные недовольные. (Как тянутся глупые недовольные — к ЛДПР, к «Родине».) И напрасно настоящий оппозиционер будет говорить: «Это я». Кто его услышит? Деньги вложены в мираж. Мираж толкает речи в оплаченном эфире, выступает на оплаченном митинге.

А настоящий в рубище, с дюжиной верных, стоит у метро, дрожит от холода, в руках самодельный плакатик. Его даже не распнут. Его просто не заметят. Ибо давно не видят людей, а только телеэкран.

В настоящий момент никто не защищает наши интересы. Интересы страны и людей. Случай с Украиной показал это слишком ясно.

Наша оппозиция поддерживала Ющенко, а значит, защищала интересы США.

Наша власть поддерживала Януковича, а значит, билась за интересы (деньги) политтехнологов и олигархов.

А где интересы России?

Разве с восторгом толкать Украину в НАТО — значит, соблюдать интересы России? Разве навязывать Украине уголовного (который по природе беспринципен, то есть продаст при первой возможности) — значит, соблюдать наши интересы? Прос... проиграли Грузию, проиграли Аджарию, Абхазию, Украину. Кто следующий? Армения или Молдавия?

Власть отдала американцам наши военные базы на Кубе и во Вьетнаме. Власть допустила американские базы в Среднюю Азию и Закавказье. И Россия ничего не получила взамен. Власть простила Ираку многомиллиардные долги; а нас спросили? Власть отняла льготы, несмотря на сто миллионов протестующих граждан. Нет, власть не защищает интересы людей и страны.

А оппозиция... Слишком много там во главе людей, которые азартно строили именно эту власть, помогали ей изо всех сил.

Когда взорвались одновременно два самолета, всем было ясно, что это теракт. Но власть пыталась выдать это за техническую неисправность. И Хакамада публично заявила: **«Любой бардак у нас тут же представляют терроризмом. Разбились очень старые самолеты и с минимальным количеством пассажиров»** («Коммерсантъ», 26.08.2004). Погибло, напомним, 89 человек. С точки зрения выборов — 0,0001% — ничтожная величина.

А перед этим она и Глазьев участвовали в президентских выборах в роли «демократического кандидата», хотя всем было ясно, что никаких шансов ни у кого, кроме Путина, нет. И значит, все остальные «кандидаты» (включая охранника Ж.) работают исключительно на повышение явки. То есть помогают Кремлю. По-русски это называется «подмахивать».

...В моей заметке «Прощание с правыми» говорилось, как Гайдар представил в правительство России толстый доклад о наилучшем способе взимать табачные пошлины. А я показал (и доказал), что этот доклад — буквальный перевод документа «Бритиш Американ Тобакко» (British American Tobacco). Значит, гайдаровский институт, который до сих пор дает экономические советы Кремлю и пишет разделы в послания президента, действовал в интересах иностранной корпорации.

И что? Ничего.

Власть должна была назначить расследование. Прокуратура должна была возбудить уголовное дело. Ничего не произошло, потому что они там все свои.

Общество должно было возмутиться. Пресса должна была размазать предателя. Ничего не произошло. Гайдар продолжал, мило улыбаясь, сидеть в президиумах между немцовыми и хакамадами.

Общество молчит. Но это молчание не стоит принимать за равнодушие. Мол, скушали, не в первый раз.

Судя по лицам людей в метро, это не молчание равнодушия. Это молчание ненависти.

В Комитете-2008 есть очень хорошие, добрые, честные, умные люди. Но они добровольно срастаются с политическими трупами. Гангрена. Надо вежливо, но твердо ампутировать. Если Комитет-2008 не поймет этого сейчас, то ему это объяснят результаты выборов. Будет поздно.

10 декабря 2004

P.S. Иллюстрировать «Пустышку» должен был коллаж художника Андрея Будаева. Он вставил лица известных лидеров оппозиции в знаменитую картину Рубенса «Вакханалия». Получилось очень смешно.

Политически работа, конечно, крайне незрелая. Поскольку: а) включены маргиналы, б) забыт Каспаров, в) имеется Чубайс, которого трудно считать оппозиционером.

Но в редакции возникли опасения не политические. Вдруг Чубайс обидится? Тогда Чубайса урезали почти наполовину — остался один глаз, большая часть носа и еще кое-какие детали, свойственные манере разнузданного Рубенса.

Потом забеспокоились, что Чубайс узнает свой глаз и все-таки обидится, и постепенно от него не осталось почти ничего.

Потом стали тревожиться: какотреагирует Хакамада, поскольку голую женскую грудь на картинке сосет какой-то мелкий бес. Не подаст ли она в суд?

Я боролся изо всех сил, объясняя, что нет на свете такого идиота (идиотки), чтобы подать в суд на то, что его (ее) физиономию вставили в картину великого Рубенса. Да и как должен выглядеть иск?

Зная, как строго все регламентировано в Европе, я позвонил главному редактору очень солидной французской газеты:

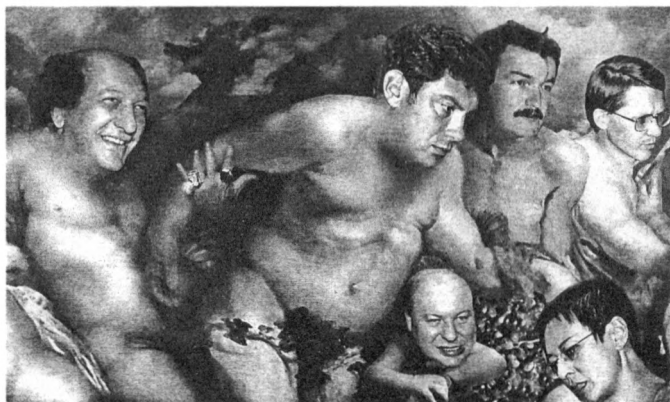
— Может ли подать в суд женщина-политик, если будет напечатана картинка, где ее лицо приделано к голому телу?

— Тело ее?

— Нет, тело Рубенса.

— Никаких проблем. Если б ты видел, что мы делаем с Шираком, с Бушем...

Но никакие аргументы уже не помогли. От Хакамады осталась голова, от Чубайса — ухо, от Новодворской — брюхо (и то не ее, а проклятого Рубенса). И только художник да некоторые сотрудники «МК» знали, чьи это детали.

№ 33

ХЛЕБНЕМ ДЛЯ ЯСНОСТИ

Уважаемый Владимир Владимирович! Терпение кончилось. Прошу вас вернуть нас в Средневековье. Вы спасете Россию от коррупции. Исчезнут миллиардные взятки, которые теперь заложены в цены на хлеб, бензин, жилье... Все станет вдвое дешевле. Это ж лучше, чем удваивать никому не нужный ВВП (состоящий из мигалок, наручников, «калашниковых» и прочих несъедобных предметов).

Есть ситуации, которые невозможно разрешить цивилизованными методами, законными способами. Ни судом, ни голосованием — никак.

Скажем, решил суд, что убийцы Холодова невиновны, но мы же не верим суду. Или — проголосует Дума считать министров честными; и — что? Мы же не поверим в честность министров. Да и в честность депутатов, которые так голосуют.

А как сделать, чтобы тебе поверили?

Раньше можно было доказать свою правоту на дуэли. Согласитесь, мало кто решится рисковать жизнью ради своего вранья. Если человек подставляет лоб под пулю, то уж, наверное, за правду.

«Суд Божий» в Средние века решал дело по «указанию свыше». Указание проявлялось в том, что правый человек выходил невредимым из разных испытаний — опускание руки в кипяток, бросание в воду в мешке (отсюда «выйти сухим из воды») — или выходил победителем в поединке.

В последнее время, кроме писем к вам, я напечатал несколько заметок про оппозицию («Сосать пустышку»; «Где пробу ставить?»; «Чьи деньги, Зин?»). Там затронуты Хакамада, Рыж-

ков, Каспаров, Немцов, Глазьев и пр. А в ответ — поток оскорблений. Мол, по заказу Кремля написано.

Выходит, они решили, что это вы мне их заказали. (Извините за три местоимения подряд.)

Что же получается?! Ваши вам говорят, будто вас мне те заказали, а те — что вы мне их*.

Вот как вы, политики, одинаково думаете.

А я думаю иначе. Если вы гневаетесь на меня за мои заметки, то я верю, что вы это искренне, а не потому, что вас науськал Немцов. А когда Немцов злится и жалуется на меня в прокуратуру или в Большое жюри Союза журналистов — я верю, что это он сам, а не по вашему приказу.

А насчет заказов, продажности и пр. — это все клевета. Я понимаю, что всем вам так удобнее. Все вы не верите, будто можете кому-то не нравиться. Вы считаете себя умными, замечательными (а некоторые упитанные живчики даже называют себя камикадзми — то есть героями, отдающими жизнь за Родину; хотя Родину они имеют даром, то есть ничего не отдавая взамен).

И некоторые читатели достали. Пока они читают то, что им нравится, они считают журналиста честным. Но стоит им прочесть то, с чем они не согласны, они строчат в редакцию оскорбительные письма. Да, Владимир Владимирович, среди читателей, увы, тоже попадают дураки.

Доконал меня один разговор после выхода «Сосать пустышку».

Мой друг (главный редактор очень приличной газеты) говорит: «Ты зачем мочишь Рыжкова? Ты же понимаешь, кто это делает». И рассказывает, что на Алтай приезжал какой-то хмырь из вашей администрации и предлагал бешеные деньги, чтобы тамошняя пресса мочила молодого Рыжкова, но 130 алтайских журналистов возмутились, взбунтовались. Рассказал и добавил: «А ты...» И замолк.

И вроде бы выходит, что алтайские отказались, а я согласился.

Это тяжелое оскорбление.

* Извинившись за три для забавы, сконструировал фразу, где местоимений девять.

Да я бы тоже взбунтовался, если б меня заставляли или подкупали. Но к тем, кто называет себя оппозицией, я критически отношусь сам, а не по заказу. И миллионы людей, которым не нравятся Гайдар, Немцов, Хакамада, Кох и прочее СПС, испытывают эти чувства бесплатно и по доброй воле.

Говорят: «Не трогай Рыжкова!» — «Почему?» — «Потому что его мочит Кремль». Вот до чего дошла кремлевская репутация. Если ваши кого-то мочат, общество начинает этого типа считать чуть ли не святым.

Последний аргумент демократов: «Не трогай Рыжкова! Он там самый честный!»

Но слово «честный» не знает степеней. Можно сказать «самый трусливый», «самый храбрый». А «самый честный» — нельзя.

Или честный, или нет. Это как с девственностью. Или — или. Не скажешь о девушке: «Она там самая девственная». Но если речь о публичном доме, то это значит, что она такая же проститутка, просто у нее меньше стаж, меньше клиентов и меньше болезней.

И вот моя просьба: давайте восстановим средневековый «Божий суд» на новом этапе. Как Ленин учил — по спирали, на новом витке. Старая идея с новыми технологиями — вы себе даже не представляете, какой будет эффект!

В КГБ давно изобретена сыворотка правды. Зальешь в человека стакан — он выложит все как на духу. Это изобретение снимает все проблемы.

Пригласите меня к себе в Кремль или на Лубянку. Заодно пусть придут генпрокурор, шеф ФСБ, начальник ЦИКи*, министр обороны и еще кто хотите (Сурков, Павловский, Немцов, Хакамада, руководители телеканалов и любимые ваши телевизионные разоблачатели врагов).

Сядем, нальем по стакану сыворотки правды. И начнем говорить искренне. Некоторые — впервые за долгие годы.

Для вас и ваших министров будет крайне важно убедиться, что наше недовольство — натуральное, не покупное. Помните,

* Когда Вешняков подал на меня в суд, то я не только доказал в суде, что выборы у нас нечестные, но и что ЦИК женского рода (Центральная избирательная комиссия). Если уж ЧК — она, то вешняковская мельница счастья...

Кудрин объяснял вам, что это провокаторы вывели на улицы толпы протестующих против монетизации (по его словам, «жалкие два процента»). Такое объяснение уничтожает смысл протеста и глубоко оскорбительно для людей. Думаю, тысячи согласились бы хлебнуть лубянской сыворотки, чтоб доказать вам, что протестуют они по собственной воле. (Кстати, скажите, пожалуйста, Кудрину при случае, что «жалкие два процента» — это два с половиной миллиона человек. Встреться он с ними лицом к лицу...)

Буду рад видеть Грызлова, Миронова, Фрадкова... Только чур — никто не должен знать зачем. Иначе они тут же все слягут в ЦКБ.

Всем по стакану (или по уколу, если эта штука вводится шприцем) и — вперед!

Давайте, Владимир Владимирович, узнаем наконец правду о дефолте, о продаже оружия врагу, о ценах на лекарства, о смерти Масхадова, о том, как организуют некоторые военные операции и телепередачи... Много узнаем.

Вам не предлагаю. Должен же кто-то остаться над схваткой*. Вы будете арбитром. (Но если решитесь глотнуть — я буду последним, кто станет вас отговаривать.)

Все поклянемся страшной клятвой, что если услышим государственную тайну, то пусть того, кто выдаст ее врагу, покарает беспощадная рука товарищей. (Насчет беспощадности товарищей, надеюсь, не сомневаетесь.)

О женщинах, о сексуальной ориентации обещаю не спрашивать (хотя сам ответить готов). Спрашивать буду только о делах службы: «за что взял?» и «сколько?». (Хотите — выйду, когда они будут отвечать.)

Обещаю без вашего согласия ничего не печатать. Достаточно будет, что вы много узнаете о своих друзьях. Они вам раскроют душу, и вы полюбите их еще больше. Нет? Ну хоть узнаете, что мне никто вас не заказывал. Тоже нет?

А почему, Владимир Владимирович? Вы разве не хотите знать правду? Неужели вам самому неинтересно, как оно все на самом деле.

* Я-то предлагал. Но главный редактор прочел, хмыкнул и сказал: «Ему не наливай». Ладно, говорю, и вписал «над схваткой».

...Вы, Владимир Владимирович, можете войти в историю как ВПК — Великий Победитель Коррупции. Райскую жизнь построим в три оставшиеся года. И срок продлим (если сами глотнете). А в будущем — хорошо бы всех поить, кто идет во власть (от замминистров и выше; всех, кому положены авто с мигалками, дачи...). Вопрос один: «Зачем идешь?»

Самое смешное — вы можете это сделать. И даже по закону (Дума проголосует за все, что вам угодно). Самое печальное — что, как бы это повежливее сказать, вы не хотите войти в историю.

Впрочем, может, вы и правы. Может, и не стоит вам знать правду. Меньше знаешь — лучше спишь.

Тогда обращаюсь с этим предложением ко всем, кто думает, что я его ругаю по заказу. Давайте сядем — при свидетелях, под телекамеры, — пьем сыворотку правды из одной бутылки... Тоже не хотите? Ну, тогда, господа, засуньте свой язык в жо-
(*Окончание в следующем номере.*)

7 апреля 2005

P.S. Верстальщик по моей просьбе подогнал это «жо-» в правый край строки. Формально выглядело так, будто окончание не уместилось. Но всем было ясно, что это забава и на-смешка.

№ 33, часть II
ХЛЕБНЕМ ДЛЯ ЯСНОСТИ

пу!

*(Окончание. Начало см. в «МК» от 7.04.2005.)**

9 апреля 2005

* Надеюсь, эта публикация попадет в Книгу Гиннеса. Самый короткий текст за всю историю цивилизации. Две буквы и один знак препинания (заголовок, естественно, не в счет).

№ 34

ВСЕ ТАМ БУДЕМ

Уважаемый Владимир Владимирович! Вас не было на похоронах папы римского. Наши телеканалы не дали трансляцию из Рима. Это случайное совпадение?

Папа умер, не оставив ничего, никакого имущества.

...Наши руководители — и светские, и духовные — несметно богаты; обеспечили, похоже, не только детей, но и праправнуков. И счастливы?

Мы видим их в храме на Рождество и Пасху — значит, они христиане. Значит, много раз слышали вопрос Иисуса: «Что пользы тебе, если приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь?» Что могут ответить они на вопрос, зачем им так много денег?

Может, эта разница между личным богатством наших и личной бедностью папы как-то повлияла на отношение к его похоронам. Уж слишком разные личности.

...В Рим прибыло 200 королей и президентов. Церемонию транслировали все крупнейшие мировые телеканалы. А из наших — никто.

Наши разные каналы приняли одинаковое (единственно верное) решение. Это верность чему: идее или начальству? (Говорят, они все делают по указанию Кремля.)

Официально объясняли так: зачем показывать? — у нас страна православная, у нас мало католиков.

Американцев у нас еще меньше. Однако 11 сентября телеканалы круглосуточно гнали прямой эфир из Нью-Йорка. Бесконечно повторяли кадры: самолеты врезаются в небоскребы. Лучшие комментаторы трудились без сна и отдыха.

Солидарность с США? Тогда почему нет солидарности с миром? Ведь в Риме была мировая скорбь, а не ватиканская.

Из Нью-Йорка транслировали торжество зла, ненависти, ужаса, смерти. Транслировать из Рима торжество любви, добра, смирения, печали — сочли ненужным.

Те из нас, кто доживет до каких-нибудь торжественных государственных похорон (дай Бог всем долгой жизни), увидят разницу. Никакие усилия власти, никакие разнарядки и автобусы не помогут. Пример уже есть. Наш Беслан собрал в Риме 150-тысячную демонстрацию. А в Москве — сто тысяч. Там, в Риме, люди пришли сами. У нас большинство приехало на автобусах — по указанию начальства; постояли минут сорок. Такой народ? Но таким его неустанно делает телевизор.

Нам (и нашим детям) было бы полезно увидеть, как провожают духовного пастыря. Но нам (и нашим детям) каждый день сообщают о миллиардерах — у кого сколько денег, у кого сколько яхт, дворцов... А о духовных лидерах — ничего.

...Уважаемый Владимир Владимирович, что с того, что вы не католик? На похороны папы прибыли президенты Ирана, Сирии, Израиля — президенты фундаментального ислама и ортодоксального иудаизма. Религии эти считаются враждебными христианству.

Лидеры Сирии и Израиля (находящихся в состоянии войны) пожали друг другу руки. А потом объяснили своим возмущенным гражданам, что это было необходимо сделать в знак уважения к событию.

А христианская Россия... Ведь мы не воюем с Ватиканом, с Италией. Вы, Владимир Владимирович, встречались с папой очень дружески, кажется, даже приглашали его в гости.

Но в уважении к умершему мы отказали. Послали Фрадкова — технического премьера и Гундяева — технического митрополита. Уважить скорбящих христиан мы отправили тех, кто не пользуется уважением даже дома.

К папе в Ватикан ездило великое множество наших (кто попало) — кланялись, фотографировались, а дома вешали фотографию на видное место, гордились, хвастались. Фальшь всего этого выявилась теперь — мертвый не нужен. Они даже не понимают, как уронили себя в глазах тех, кому больше всего мечтают нравиться.

И напрасно думать, что мир не заметил отсутствия России. Напрасно думать, что он не понял и не оценил оскорбительно формального присутствия.

А как было бы хорошо, если бы вы извинились за покушение на папу (в которого стреляли по приказу КГБ). Он-то извинился за казни и преследования — за многое, в чем повинна католическая церковь.

Мелкие личные чувства помешали проводить в последний путь. И те же чувства годами не пускали Иоанна Павла к нам.

Папу не пустили в Россию страх и зависть. Православная церковь объясняла это заботой о пастве (о наших душах).

Говорили: папа — католик, поляк, враг СССР.

Католик? Неужели православные массами перекинулись бы в католичество, стоило только папе приземлиться в Шереметьево? Этот страх говорит о том, что думают наши иерархи о православных и о себе. Людей считают предателями, а себя слабыми, не имеющими сил конкурировать.

Поляк? Но поляки не причинили нам и сотой доли тех бедствий, что Германия. Однако именно с Германией у вас на удивление сердечная дружба.

Враг СССР? Тем более стоило сказать «спасибо». Не прикончи враги коммунистическую систему — не было бы никакого «президента Путина». И ваши товарищи, даже самые идейные, сохранившие в душе идеалы КПСС — КГБ, должны понимать, что своим высоким положением и несметным богатством они обязаны краху системы.

И наша церковь могла бы сказать «спасибо». Ибо при советской власти никто не давал ей торговать водкой и табаком, да еще и беспощинно.

Зависть. Нынешние властители (светские и духовные) понимают, что их в последний путь так провожать не будут. Не съедутся 200 королей и президентов, не прилетят миллионы скорбящих. Не станут люди по десять—пятнадцать часов стоять в очереди. Очередей таких не будет.

А народ — умеет провожать того, кого любил. Похороны Высоцкого помните? Вопреки запрету властей, вопреки тому, что Москва была «закрыта на Олимпиаду» (выгнали всех бомжей, лимиту, отменили «колбасные» электрички), — бесконечная очередь ползла от Кремля до Таганки.

11 апреля 2005

№ 35

КОЗЫРНАЯ ШЕСТЕРКА

Уважаемый Владимир Владимирович! Это письмо — благая весть. Так и хочется повторить слова архангела: «Радуйся, Благодатная!» Выход из опасного тупика найден. Даже надеюсь получить в награду орден «За заслуги перед Отечеством».

Речь о выборах-2008, о том, кто станет Президентом России. Вопрос роковой.

Вся Россия, весь цивилизованный мир беспокоится. И вам все чаще приходится отвечать.

В Германии вас прямо спросили: «Собираетесь ли вы избираться на третий срок?» Вы ответили:

— Я не буду менять Основной закон. По Конституции нельзя избираться три раза подряд. Однако избираться в третий раз не подряд российская Конституция никому не запрещает.

Вы вроде бы говорите о выборах-2012. Но до этого еще надо дожить. А для всех важен только 2008 год.

Если вообразить страну, где власть действует по совести и справедливости, то обратиться к президенту (не дожидаясь выборов) следовало бы так:

— Уважаемый Владимир Владимирович! Кто возглавит страну, если с вами, не дай Бог, что-то вдруг случится? Фрадков? Мы не вмешиваемся в ваше право назначать премьера. Но быть вашим премьером, шофером, охранником — это одно. А быть Президентом России — другое. (Помните, как охранник Ельцина рулил страной? Что хорошего?)

Познакомьте нас с наследником, чтобы мы успели его узнать (Ким Ир Сен сорок лет приучал корейцев к Ким Чен Иру). Пусть наследник покажет свой ум, честность, завоюет сердца,

а не выскочит как чертик из табакерки или козырная шестерка из рукава. Нам бы не хотелось, чтобы повторилась ваша история. Вас назначили шефом ФСБ, потом премьер-министром — все так быстро, что потребовалась удачно случившаяся война в Дагестане и другие ужасы, которые завоевали вам любовь народа.

Случись с вами что-то — Фрадкову не удержаться; грохнут. Ведь кроме вашего покровительства, у него никакой опоры — ни в высшем обществе, ни в силовых, ни в народе.

Уважаемый Владимир Владимирович! Пока вы король — все они (министры, администраторы, губернаторы, депутаты) ваши дети, принцы. Все ведут себя так, будто вы им отец родной (артисты!). Ваше имя-отчество «Владимир Владимирович» они произносят особенным голосом, звучит как «ваше величество».

Но как только вы уйдете, их общность разрушится. Один станет царем, а остальные...

Беда остальных не в том, что они останутся принцами. Беда в том, что они не останутся. Вообще ничего от них не останется. И они это знают.

Смотрите, как все было хорошо, когда готовилась операция «Наследник-2000». Все вы были вместе: Рушайло, Степашин, Березовский, Аксененко... И вы там были не первый. Ельцин перебирал, прикидывал, приближал, отшвыривал... Господи, кого он только не возносил: Шумейко (уголовное дело), Лобов (уголовное дело), Лебедь (покойник), Немцов (постоянно сажают его партнера Климентьева), Аяцков (уголовное дело), Аксененко (уголовное дело, покойник).

А как только стали вы — все остальные под судом, в бегах, в тюрьме, в опале. Самый покорный — в счетной палатке (это место царского трона-то!).

Скажем, сделаете вы наследником генерального прокурора. Сейчас у него ни к кому из вашего окружения претензий нет. Но стань он президентом... Вы думаете, он забудет, как совещаясь (кого посадить, кого объявить в розыск, у кого отнять бизнес и кому отдать), ему говорили: а ты, Вова, пока за сигаретами сбегай.

Он, наверное, изо всех сил пытался внести свой вклад в стратегию, но только открывал рот, как его опять с досадой обры-

вали: слушай, не мешай, лучше пока позвони, чтоб пива принесли.

Уважаемый Владимир Владимирович! Он же всех уничтожит. Всех, кто посылал его за пивом; всех, кто при этом присутствовал; всех, кто при этом усмехался; всех, кто ему потом (за дверью) тихо сочувствовал; и всех, кто о нем знает правду, — то есть бывших своих хозяев*.

Это ужасно, но это так; закон джунглей. Вы и сами это знаете. А пишу вам об этом только потому, что вас, как всякого человека, посещают, быть может, сомнения и надежды: «А вдруг в моем случае все иначе? Вдруг мои действительно меня любят?» Не обольщайтесь, Владимир Владимирович, не надо. Ваш внутренний голос не ошибается.

Помните, в декабре на огромной пресс-конференции вас спросили о президентских выборах 2008 года. Вы ответили:

— Это серьезный рубеж для страны. Нужно будет сделать все для того, чтобы должным, демократическим образом организовать выборы Президента Российской Федерации. Я, конечно, думаю о том, как мне построить личную жизнь, собственную жизнь за рубежом 2008 года.

Дважды повторенное слово «рубеж» — слово из Великой Отечественной войны. В этом ряду «фронт», «ни шагу назад», «бои в окружении». Вы в окружении, Владимир Владимирович; это ясно из ваших слов. Это **ваше** окружение, но от этого не легче. Вы беспокоитесь о том, как «должным образом организовать» оборону, беспокоитесь о собственной жизни (это очень откровенно).

И из всех ответов ясно: больше всего вам мешает Конституция.

Вы не хотите ее нарушить. Это хорошо. Но ваше окружение постоянно вас на это толкает. Предлагают продлить срок хотя бы на один год. (Если это сделать, президентский срок станет пятилетним. И это будет **первый** такой срок, что даст право избираться вторично. Все эти фокусы сто раз опробованы губернаторами, лукашенками, туркменбашами.) Предлагают сделать вас премьером, пока кто-то побудет президентом. А потом яко-

* Через год Устинова внезапно убрали без объяснения причин. Убрали с такой скоростью, что ясно было — обезвредили.

бы вас попросят обратно... В школе у нас на такие просьбы отвечали: «На, понюхай и положи!»

Не отчаивайтесь. Выход есть!

Вот мой подарок.

В 2008 году точно в срок назначаем выборы президента.

Точно в соответствии с Конституцией вас в списке кандидатов нет.

Точно и честно считаем голоса — и обнаруживаем (ах, какая неожиданность!), что явка была недостаточна. На выборах президента надо, чтобы проголосовали 50 процентов избирателей плюс один. А придет от силы 40%. (Жухать не придется. Явки-то никогда не бывает, ее всегда натягивают*. В кои-то веки честный подсчет голосов будет в пользу власти.)

Далее назначаются следующие выборы. Но по закону прежние кандидаты не имеют права на участие в них.

Зато могут стать кандидатами те, кто не участвовал. В том числе вы!

Получится, что вы и не подряд, и в то же время между вами-вторым и вами-третьим никто не вклинится. ...Помните, Ельцину делали операцию на сердце? Перед наркозом он подписал указ о передаче полномочий Черномырдину. После такой операции обычно человек сутки в беспомощности. Один из врачей мне рассказывал: через два часа они зашли поглядеть, как дыхание, как сердце, а он (Ельцин) глаза открыл, руку тянет и страшным голосом мычит: «У-у-у-ка-а-аз!» Врач говорил: они чуть не померли от ужаса; поднесли бумагу, он чего-то накорябал (вернул свои полномочия) и отключился, успокоился; знал, с кем дело имеет.

...Конституционный суд и ЦИКа у вас в кармане. Процедуру соблюдем на зависть мировому сообществу. А в 2012 году — просто автоматом. Это же будет всего лишь «второй подряд». И в точности по Конституции. И в полном соответствии с чаяниями народа. Он же никого, кроме вас, не хочет.

Уважаемый Владимир Владимирович, предлагаю все это в заботе о Родине. Ясно, что если вы решите уйти — выборы-2008

* Через год по воле Кремля Дума убрала графу «против всех». От этого явка станет ниже еще процентов на десять.

выиграет ваш преемник, то есть ваш назначенец. Но до сих пор все ваши назначения были провальны, даже перечислять советно, ну какой Зурабов — министр здравоохранения...

В ужас приходишь при мысли о том, какую сволочь вы можете двинуть в президенты (исходя из очень разумных внутрикремлевских соображений).

А то, что после второго срока у вас сразу начнется четвертый — ничего. В Англии после 12-го этажа идет 14-й. Это очень умно. Никому не нужна чертова дюжина.

14 апреля 2005

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

Уважаемый Владимир Владимирович! Как беспощадна жизнь! Вот вы готовились, репетировали послание; на презентацию съехалась вся власть; но прошло два дня — и всё забыто, все заняты другим...

А может, и лучше, что забыли. Меньше будут укорять: мол, опять обещал и опять не выполнил.

Хорошо, что вы читали послание. То есть хорошо, что при этом вы глядели в бумажку и редко — в зал.

Эти люди (министры, депутаты, муфтии, митрополиты, прокуроры), когда с нами — хмурятся, когда с вами — сияют, кивают, излучают восторг от ваших слов, полное согласие с вашими мыслями, бурное желание бежать исполнять (лежать, сажать). Вы привыкли к такой их мимике.

Попросите у телеканалов запись — ужаснетесь превращению. Холодные, скучающие лица, выражающие циничное неверие. Они, похоже, расслабились, забыли о необходимости всегда быть в маске.

Они вам иногда хлопали, но даже в эти мгновения лица некоторых оставались мертвыми. Они видели, что вы их не видите. А что мы видим их (в прямом эфире) — они забыли.

Забыли, потому что нас (граждан) там, в Кремле, абсолютно нет — ни в палатах, ни в головах.

Телекамеры не раз показывали первые ряды (где самая головка), и оторопь брала — насколько одинаковые лица.

Это коллективное невольное признание — что если есть у вашей «команды» что-то общее, то лишь лицемерие, жадность, пустота.

Пару раз они оживлялись — это когда про отмену налога на наследство и про амнистию капиталов. Но, уважаемый Владимир Владимирович, зайдите с лукошком комбикорма в любой свинарник — вы увидите: оживление будет куда сильнее. И если переводить «хрю-хрю», то, безусловно, получится «браво».

Иногда видишь депутата — настоящая свинья в ермолке. А ведь раньше мне казалось, что это выражение Гоголя хоть и смешное, но бессмысленное. Как это может быть, чтобы свинья и в ермолке? Увы, еще как может.

Все они потом глубокомысленно и восхищенно комментировали ваше послание, выражали всякие надежды и добавляли, что вы, мол, выразили то, о чем они давно мечтали, но выразить не могли. Но мы же знаем, что лучше один раз увидеть (лица), чем сто раз услышать слова.

Вас, конечно, учили определять по мимике и позе: заинтересован ли вербуемый? верит ли? В первых рядах, похоже, не было ни одного.

Вы зачили послание и улетели в жаркие страны. Египет, Израиль, пирамиды, Гроб Господень; и хорошо, что вас временно нет с нами. Хотя, боюсь, и там, на Святой земле, вас замучают вопросами.

Вчера суд должен был огласить приговор Ходорковскому—Лебедеву. Собралась толпа (журналисты, адвокаты, люди в штатском), а на дверях прикреплена бумажка: «Оглашение приговора переносится на 16 мая». И никаких объяснений.

А когда тебе не дают объяснений, пытаешься понять сам.

На первый взгляд — издевательство. Суд завершился 11 апреля, и обвиняемые уже просидели две недели в ожидании приговора.

Слух распускают: мол, судья заболела. Чем же она больна, что не в силах произнести несколько фраз? Чем же она больна, что люди еще три недели должны сидеть, не зная своей судьбы?

Какая внезапная, но очень вовремя случившаяся болезнь.

Вы в послании в понедельник говорили о свободе, демократии, законности; о том, как сделать, чтобы общество перестало считать судебную систему коррумпированной; о том, что необходимо прекратить террор налоговых органов (по мне луч-

ше бы прекратить террор всех органов). А в среду — бац! — десять лет лишения свободы*.

Как бы это выглядело? Да еще когда вы в гостях, в Израиле, где прячутся партнеры Ходорковского. Представляете, какие вопросы звучали бы там, на пресс-конференции?

А ведь визит в Израиль — первый в истории наших государств. Правильно, что его решили не омрачать.

А потом — Первомай, шашлыки и гулянье. Ну и зачем его омрачать?

А потом — 60-летие Победы. Уж этот праздник омрачать точно не стоит. Съедутся Буши, Шираки, зачем давать им повод для неприятных разговоров?

И ладно бы — важные гости. Но неизвестно, одобряют ли наши ветераны расправу с Ходорковским? Может, одобряют, а может, уже и нет.

Когда арестовали Ходорковского — очень одобряли. Верили, что это поворот политики лицом к народу. Но за два года убедились, что это не политика, а совсем другие счеты. Ибо посадили только ЮКОС, а не десять — двадцать крупных олигархов.

А главное, денежки уничтоженного ЮКОСа не достались людям. Власть заявила: «Государство вернуло себе свою собственность». Люди решили, что жить станет лучше. А вместо прибавки у них льготы отняли. Всё вместе ощутилось как большой обман.

Уважаемый Владимир Владимирович, когда вы произносили послание о свободе и демократии, вы, наверное, даже не думали, что в среду — приговор. А потом кто-то спохватился: не стыкуется!

Ведь если после ваших слов о свободе суд вlepит **лишение свободы** — приговор окажется главнее послания. Приговор окажется настоящим посланием. А послание превратится в декорацию, обветшавшую в два дня (как в страшных сказках).

А так — погуляем 1 мая, погуляем 9 мая — нагуляемся, про послание никто и не вспомнит...

Оптимисты связывают перенос оглашения с «переписыванием приговора в духе послания». Мол, уже готовый приговор срочно смягчают, чтоб соответствовал.

* Дали восемь.

Но почему-то кажется, будто эта пауза — внезапная, очень неестественная, будто кто-то зажал себе рот и нос, — взята, чтобы развеялся дух послания.

Не знаю, как это повежливее сказать, но ведь бывают случаи, когда чувствуешь, что необходимо задержать дыхание, проветрить помещение.

28 апреля 2005

№ 37

ВЕЛИКАЯ ФАНЕРА

Уважаемый Владимир Владимирович! Извините за грубый вопрос: что мы получили от минувшего праздника? Ради чего готовились несколько месяцев? Ради чего потратили сотни миллионов долларов?

Праздник — всегда расходы. Но взамен — радость, счастье, светлые воспоминания. А у нас?

На хорошее дело денег не жалко. Никто ж не считает, во что обошелся полет Гагарина. Вся страна ликовала! Мир восхищался! Враги задержались в панике. А теперь?

Сколько мы возбудили злобы! Никогда не было столько криков о зверствах Советской Армии. Прибалты твердят об оккупации, требуют репараций; братская Украина уравнивает бандеровцев с ветеранами Великой Отечественной, друг Буш осуждает... Это — реакция на наши действия. Все это тлеет, а мы, получается, раздули.

Мы хотели, чтобы нам низко поклонились. А нас стали оскорблять. Мы хотели всемирной благодарности, но мир не уверен, что сегодняшние мы — это победители Гитлера. (Можно потребовать всемирной благодарности и за победу над Наполеоном. Ничего, что мы потом расстреляли всех дворян, но это же мы разгромили мучителя Европы.)

Миру известно положение наших ветеранов. И мир относится к России лучше, чем она — к своим спасителям.

Мы старались-старались, а в результате наш престиж упал. Такое все чаще случается с вашей вертикалью.

...Бесчисленные патрули с автоматами, блокпосты на въезде в город, бесконечные проверки документов, в метро ежеми-

нутные радиопризывы к бдительности, лица хмурые, глаза ищут диверсантов... Владимир Владимирович, это май 2005-го или октябрь 1941-го? У нас Победа или «враг у ворот»?

В 1941-м комендантский час вводился на ночь. Вы ввели на три дня. Люди не могли попасть домой, не могли попасть на работу, в гости, задерживались машины «скорой»... Звучал военный аргумент: мы исполняем приказ. И военные упреки: «Вы что, не понимаете, что происходит?..» Прежде по большим праздникам закрывали на вход несколько центральных станций метро. Но — чтоб избежать давки. Теперь — закрыли весь город в страхе перед терактом.

Поздним вечером 9 мая телеканал «Россия» повторил парад грузовиков со стариками.

— Папа, смотри! На Красной площади солнце! А у нас — ночь!

— Опомнись, это утром было. Мы запись смотрим.

— Нет, папа! Видишь, написано: «прямой эфир»!

Уважаемый Владимир Владимирович, на экране действительно висела такая надпись (видать, с утра осталась). Но до какой же степени наивен девятилетний человек. Как же вам легко морочить людям головы. Парень совсем не дурак; он тысячи раз имел возможность убедиться, что вечер в Москве и в Перхушкове наступает одновременно. Но появилась на экране волшебная надпись «прямой эфир» — и он поверил, что у вас в Кремле утро. Он верит, что телевизор показывает правду. И по результатам выборов похоже, что не он один.

Дети смотрели на экран с любопытством, а мы, взрослые, со стыдом.

Грузовики были фальшивые (фанерный муляж), а ветераны — настоящие. И фальшивка почему-то позорила стариков. Она превратила их в участников шоу, в артистов.

Лучше бы отреставрировали три грузовика тех времен либо нарядили артистов (или омовцев) ветеранами.

Владимир Владимирович, скажите, а для кого их катали? Это для них было сделано? В заботе о ветеранском здоровье и счастье их притащили, заставили вскарабкаться в кузов и прокатили мимо трибуны? Да еще небось несколько раз репетировали; обучали махать букетиками гвоздик. Для них? Или — для

вас и кто там еще был? Буш, Берлускони, Шредер, Ширак — откровенно скучали, вертелись, вежливо улыбались (лишь японский премьер вел себя идеально). Для ваших временных западных друзей эта вереница грузовиков была слишком длинной, скучной; ветер холодный, скорей бы за стол.

Владимир Владимирович, а может, лучше было бы посадить стариков на трибуну, а вы — президенты и канцлеры — прошли бы мимо, приветствуя их и крича «ура!»?

Ветераны-то настоящие, и ордена у них настоящие. А далеко не каждый президент — настоящий. Хрен его знает, какими методами его выбрали. (Не обижайтесь, но в вашей группе сидел и Туркменбаши, выборам которого мы не верим, и Ющенко, выборам которого вы не верите. Или уже верите?)

А вплотную к вам (слева, ближе к сердцу) сидел Буш. Ветераны, выходит, приветствовали и Буша. А хотели ли они это делать? Ведь он нам загадил всю малину. Перед парадом залетел в Ригу, где нас называют оккупантами, а после парада улетел в Грузию, где нас называют оккупантами. И этого типа приветствовать? Он нас унижает, а мы перед ним катаем своих стариков.

А кто решил, что надо сто грузовиков, а не десять, не три? Похоже, стариков набрали столько, чтобы дать побольше заработать фирме, которая сделала фанерный грим. Обделать один «ЗИЛ» под «ЗИС» (хотя вышло, говорят, похоже на немецкий) — тысяча долларов, а сто «ЗИЛов» — 100 тысяч долларов. Чувствуете разницу?

«В пламенную орбиту Второй мировой было вовлечено 61 государство... Огненный смерч пронесся не только над Европой, достиг Аляски, границ Египта и Австралии... Мы будем помнить о войне, которая взывает к нашему разуму. Она заставляет глубже осознать, на краю какой необратимой пропасти стоял тогда мир, какими чудовищными последствиями могли обернуться насилие и расовая нетерпимость».

Это ваша речь, Владимир Владимирович. Вы ее зачитали на параде.

Вы уж простите, но война не взывает к разуму. И что значит «могли»? По-вашему, чудовищные последствия не наступили? Все, что случилось тогда, — не чудовищно?

Кто писал вам речь? Кто придумал «пламенную орбиту Второй мировой»? «Орбита» — безмятежный и вечный путь вокруг центра. Война не летала. «Пламенный» — обычно означает возвышенный и самоотверженный. Это слишком красиво для мясорубки, которая перемолола 50 миллионов.

Кто сочинил «необратимую пропасть»? Пропасть, уважаемый Владимир Владимирович, бывает бездонная, мрачная... А обратимых и необратимых не бывает. Это автор ваших речей спутал Великую Отечественную с безвозвратным кредитом.

Зачем торжественный голос, подделываясь под Левитана, сказал про 26 420 000 погибших? Решили показать, будто ваша вертикаль к празднику подсчитала наконец жертвы?

Но вы же знаете, что это ложь. Никто не уточнял число. Да и невозможно уточнить; во всех лесах на запад от Москвы, на всех полях до Польши — непохороненные солдатские кости. Их посчитали или вычеркнули?

Чаще говорят о 27 миллионах. Некоторые говорят — 30, некоторые — 35. Но сказать «26 420 000» — значит, сделать вид, будто неточность отныне меряется не миллионами, а тысячами.

Эта лукавая цифра — такой же муляж, как грузовики.

...Наступило 10 мая — и что? Всё растаяло, как мираж. Как глупые лазерные картинки на дворцах и храмах, которые кому-то принесли барыш, а нам — удивление: неужели это убожество и есть то великолепие, которое нам обещали?

Праздник миновал, пришло похмелье. Тем более тяжелое, чем больше мы нанюхались телеэфира.

Кого ни спросишь — у всех чувство унижения: не пускали гулять по городу, часами держали у барьеров, в пробках, чтобы вам с Бушем было удобно и безопасно.

А сами-то вы довольны? Сами-то вы неужели уверены, что стоило так подстилать свой народ, свою столицу под ножи типов, которых пришлось еще и уговаривать, и платить, чтобы «оказали честь»?

Не похоже, что они оказали честь моей семье. Мой дед, Александр Минкин, погиб под Моздоком осенью 1942-го, похоронен на высоте Малгобек в братской могиле. Брат моей бабушки ушел добровольцем в ополчение, погиб в августе 1941-го;

неизвестно, похоронен ли. Две прабабки и прадед и много родни расстреляны фашистами. Не знаю, посчитали их или вычеркнули.

Владимир Владимирович! А кто вам все это выдумывает? (Спрашиваю с горечью.) Вдруг он дурак? Понимаете? Если он дурак, то его выдумки (речи, парады, плакаты, другие затеи) выставляют нас всех дураками.

Ваш дурак, может быть, придумывает всё это (фанерные грузовики, красивые фразы и пр.) из лучших побуждений. То есть даже не получает откат с той фабрики, которая делала всю эту праздничную фанеру. Ну и что? И бескорыстный дурак опаснее врага.

А вы? Неужели вы считаете эти затеи прекрасными, добрыми, мудрыми? Или вы понимаете, что они дрянь, но надеетесь, что мы тупые, не разберемся.

Или вы понимаете, что они дрянь, но вам наплевать, что мы думаем.

Или вы вообще ни о чем не думаете; у вас других забот по горло.

Жаль. Праздники придуманы для радости. Чтобы помириться, забыть обиды, простить. Праздник должен объединять людей.

Раньше День Победы нас всех объединял. А теперь... Люди раскололись из-за Сталина — гений или злодей? ставить памятники или нет? Раскололись даже старики. Ветеранам труда — которые ковали Победу в тылу, голодали, надрывались — дали пенсию в разы меньше, чем ветеранам войны. Вдовам погибших героев дали копейки. Люди оскорблены. А соседи... О прибалтах не говорю. В Польше отменены концерты Большого театра. Публика бойкотирует, сдает билеты. Это не власть им приказала. Это наш праздник довел поляков почти до безумия. (До вас поляку не докричатся, вот он и вымещает свой гнев на артистах.) А на Украине Тимошенко решила приравнять бандеровцев к ветеранам Великой Отечественной. Она умеет красиво говорить: «Мы примирились с Германией! Примирились с другими врагами! Осталось примириться со своими!»

Со своими? Это по какому признаку они «свои»? По крови? — то есть по-фашистски? А если эти свои вешали своих — тогда как быть?

Мы примирились с Германией. Но мы не примирились с фашистской Германией. Мы ее уничтожили на радость всему миру, включая немцев. Примирились ли они с Гитлером? Надеюсь, далеко не все.

Надо же было ухитриться так устроить праздник, чтобы и свое общество расколоть, и соседей ожесточить. (5 лет назад вам удалось добиться того же приемкой сталинского гимна. Видать, изобретатели торжеств все те же.)

Если вы это понимаете, то зачем делаете? Неужели чтобы поиздеваться, чтобы показать свою власть? Этого же не может быть. А если не понимаете... Если так и остались игрушкой в руках технологов...

Владимир Владимирович, вы позвали Запад на праздник в Россию, а показали Северную Корею. У вас на трибуне в группе вождей был Туркменбаши — у него такие штуки получаются лучше, масштабнее. У него ветераны хошь поедут, хошь пойдут, хошь понесут грузовики (под лозунгом «Экономь бензин!»).

На параде вы говорили о скорби. Но трудно было заметить скорбь. День Победы превратили в карнавал строгого режима. Карнавал — потому что ряженые, и маски, и музыка — сплошная фанера.

...В конце парада — как венец муляжа и вершина фанеры — эстрадный мужик (в кафтане) под оркестр заорал любимую народом песню:

...Это праздник с сединою на висках.
Это радость со слезами на глазах.

Слез ни на глазах, ни в голосе у него не было. Он не пел песню, он ее насиловал; красный, напрягшийся, надувшийся — он ничего не чувствовал, кроме... ну, типа, брачный крик марала... В финальном куплете он дополнительно — вне музыки и текста — ревел отдельные слова так, что телевизор трясся: «Прррраздник!», «Пааабеда!» От его бычьего рева нам, взрослым, становилось совестно; дети оглядывались на нас, не зная, как реагировать. Но по лицам ваших друзей — а показывали то певца и оркестр, то вашу трибуну, — по лицам западных гостей было видно, что им интересно. Они же никогда не были в Северной Корее.

Прощаясь, должен вас поблагодарить за чистосердечное признание. На следующий день после праздника вы сказали, что в молодости плохо учились и пили много пива.

Мне относительно всех Президентов России не раз приходили в голову подобные подозрения, но я их гнал от себя. А тут вдруг вы подтвердили мои догадки, спасибо.

Не знаю, хорошо ли вы сделали с точки зрения воспитания молодежи; детей-то учат, будто вы всегда были хороший. А кто пьет много пива, бывает очень нехороший.

И еще интонация ваша смутила: похоже, вы не каетесь, что плохо учились и много пили, а похваляетесь. М-да...

Теперь вы, выходит, доучиваетесь на практике. На нас.

На параде вы сказали: «Будем вовеки чтить всех, кто тогда отдал свою жизнь, воевал, кто самоотверженно трудился в тылу! Будем скорбеть о погибших. И по долгу спасенных — отвечать им нашей великой человеческой благодарностью!»

Владимир Владимирович, стоит ли называть то, что мы делаем с ветеранами, «великой человеческой благодарностью»? Вообще величаться своей благодарностью неприлично. А уж когда она называется «отъем льгот»...

Отцу моей жены, инвалиду Великой Отечественной (он прошел всю войну в пехоте, четырежды ранен, вернулся хромым) накануне праздника вручили медаль в честь 60-летия Победы и «ценный подарок».

Ценным подарком на этот раз оказалась шоколадка «Аленка». Не могу вам точно сказать, сохранил он ее или внуки съели.

Если бы старик решил вам к Дню Победы послать подарок — раскошелится бы на пол-литра, не меньше.

13 мая 2005

ДОРОГА СТАЛИНА

Владимир Владимирович, помните фамилию судьи, который вынес приговор Бухарину? Нет? А Зиновьеву?..

Не огорчайтесь, никто не помнит. Но если спросить: кто уничтожил Бухарина, Зиновьева и т.д. — каждый, не задумываясь, ответит: Сталин.

Фамилия судьи Колесниковой (Мещанский суд г. Москвы) скоро забудется. А вас будут помнить долго. Некоторые даже внукам будут о вас рассказывать. Радует ли вас это?

Всё дело в человеке, всё дело в его душе (если она есть). Одному скажи, что похож на Сталина, — ужаснется. Другой — преисполнится гордости.

Вы едете дорогой Сталина. Каждый день на работу, с работы. Арбат, Рублевка — здесь каждый камень Ленина знает и Сталина помнит; плохая аура. Эти ваши предшественники имели диковатые понятия о суде и вообще о справедливости. Ленин писал Дзержинскому записочки, сколько расстрелять без суда. А Сталин наладил судебную систему.

Однажды я держал в руках пожелтевший документ из архива ЦК КПСС. Длинный список врагов народа. На полях карандашом виза Сталина: «Судить и приговорить к высшей мере».

Владимир Владимирович, вы юрист по образованию; задумайтесь над этой гениальной формулировкой. Товарищ Сталин приказывает начать судебный процесс после того, как вынес приговор. Вы, надеюсь, таких следов не оставите. А может, и оставите; чувство юмора у вас иногда берет верх над приличиями.

Вы считаете себя наследником Дзержинского и Андропова. Желая вам угодить, даже памятники восстанавливаются (как Каменный Гость — сами приходят).

В Москве и в провинции появляются статуи, бюсты, мемориальные доски. И такое возникает романтическое впечатление, будто вы — сын Андропова и внук Дзержинского (духовный, естественно).

Но, Владимир Владимирович, тут в прекрасной родословной жуткий пробел. Это как человек сказал бы, что у него есть папа и — неандерталец. А кто между? Где дедушки-прадедушки?

Андропов вовсе не сын Дзержинского. Он сын Берию, внук Ежова. Он — дитя (или выкормыш) тех, кто устроил Большой террор. Эти дедушки угробили десятки миллионов невинных. Этот террор был грандиозный, парадный, с песнями по радио (ТВ еще не было).

Ягоду, Ежова, Берию нельзя вычеркнуть. Вы же православный, поглядите, как подробно перечисляются в Евангелии все предки Иисуса. Значит, важен был каждый (от Адама).

...Вы унаследовали народ, созданный селекционерами.

Красный террор, Гражданская война, эмиграция, коллективизация, лагеря, Великая Отечественная, опять лагеря — уничтожали, естественно, самых честных и храбрых. Лицемеру, лжецу, дезертиру, трусу, цинику выжить было куда легче. Став подавляющим большинством, такие начинают сами подавлять. И плодиться.

Если смелых много, то смелость — норма, а трусость — позор. Но если трусов много, то трусость — норма. А смелый — вредный, опасный выродок.

Трусые, лицемеры и циники — удобны. Они никогда не покушаются на власть. Жаль, что работают очень плохо и воруют очень много. Вот и думай, с кем иметь дело.

Владимир Владимирович! Если б вы знали, как вас защищают читатели нашей переписки! Таких, конечно, немного, процентов десять, но все равно приятно.

Они меня ругают за все. И за содержание писем, и за тон. Некоторых возмущает, что я вообще осмеливаюсь вам писать. А другие гневаются (бывает, и матом), что своими письмами я

отнимаю у вас время, а то бы вы успели сделать еще больше хорошего (наивные; думают, будто вы читаете медленно).

Но есть и такие (увы, большинство), которые вас ругают. И это только начало. Скоро все шишки на вас посыплются (такая уж должность). Вы заметили, кого обвиняют в развязывании Чеченской войны? Не Шахрая, не Рыбкина, не Грачёва-Коржакова и др. и пр. — их имена уже забыты (не верите? — спросите у молодежи, когда будете где-нибудь целовать выпускниц).

Чеченская война — это Ельцин. Репрессии — Сталин. Красный террор — Ленин, Дзержинский. История стирает исполнителей. Остаются только вожди.

Пока они у власти — они кое-как могут контролировать свои портреты, замазывать оспины и родимые пятна. Но потом...

Генералиссимус не смог помешать солдату Великой Отечественной Булату Окуджаве так вспоминать арбатскую юность:

...В Дорогомилово из тьмы Кремля,
Усы прокуренные шевеля,
Мой соплеменник пролетает мимо.
Он маленький, немый и рябой;
И выглядит растерянным и пьющим.
Но суть его — пространство и разбой
В кровавой драке прошлого с грядущим.

...Приговор зачитан. Преступников везут под конвоем. Можно, казалось бы, вздохнуть с облегчением, однако...

Эх, Владимир Владимирович, не только у вас, но и у кое-кого повыше беспощадное чувство юмора*. И вас везут под конвоем. И вас содержат за стеной с колючей проволокой и охраной. И вы не решаете, когда и с кем есть, спать, гулять (ясно же, что не по своей воле вы праздновали собственный день рождения с Януковичем). У зэка даже есть преимущество. Он может позволить себе говорить правду. А вы?

И вы перед судом. Каждый день. Уже шестой год. Но судьи ваши (мы) свободны сами решать. Нам никто не позвонит, не прикажет «оправдать!». Думаете ли вы об этом?

3 июня 2005

* У Бога страшное чувство юмора. Вот пример: те, кто ненавидит кавказцев, обожают Сталина.

СЫТЫЙ ГОЛОДНОГО НЕ РАЗУМЕЕТ

Владимир Владимирович, говорят, что мои письма вызывают жуткую обиду у вашего окружения. А что я такого сказал?

Что доверять им нельзя — так это правда: разве мало они вас (и нас) обманывали? Что жадные — так это очевидно. Что безжалостные... а кого они пожалели?

Нет, Владимир Владимирович, никакой напраслины мы на ваших не возводим. Наоборот: мы только и думаем, как сказать помягче то, что мы думаем. Это, поверьте, нелегко. Иное дело — наши читатели. Они не стеснены законом о печати и пишут в редакцию прямо (по-русски), называют вещи своими именами. Читаешь — даже завидно: какой язык! какая свобода! А мы ходим по струнке.

К примеру, в письме «Козырная шестерка» об одном из ваших всего-то и было сказано: «Ну какой Зурабов — министр здравоохранения?» Даже не написано, что плохой; мягче не придумаешь.

И вот мы о них — нежно, а они — злятся и вам на нас жалуются. А ведь не только жадные и коварные, но еще и умом не блещут. Хотите убедиться?

Недавно «МК» опубликовал большое интервью Зурабова. Он и его пресс-служба сами редактировали текст перед публикацией, вылизывали как могли.

Интервью начинается восхвалением монетизации: «По проезду на пригородном железнодорожном транспорте вообще нет ни одного замечания».

«Нет замечания по проезду» — такой у них русский язык. И это бы ладно: чиновник — какой спрос? Но что значит «ни од-

ного замечания»? От кого — от вас или от нас? Вы на электричках не ездите — от вас и замечаний нет. А люди... Но что такое «люди» для министров? — это ж только надпись на военном грузовике.

Зурабов хвалит себя за аптечную монетизацию: «Потребление лекарств выросло в несколько раз. Нам впервые удалось составить нормальный реестр людей, имеющих право на социальную поддержку. В первоначальный список вошло 14,4 миллиона человек. Через четыре месяца он вырос всего на 200 тысяч. Отсюда можно сделать вывод: список **качественный**».

Отсюда, Владимир Владимирович, можно сделать и другой вывод: «всего» 200 тысяч человек четыре месяца не получали обещанных необходимых лекарств. Если бы одним из этих двухсот тысяч были вы — посмотрел бы я на то мокрое место, что осталось бы от Зурабова. (Список он хвалил в апреле. А в июне правительство под председательством Фрадкова признало, что достоверного и полного списка льготников нет до сих пор.)

А вот как Зурабов объясняет протесты, выхлестнувшие на улицу: «Подавляющая часть протестующих — это рядовые российские пенсионеры, которые в большинстве регионов пользовались одной, но очень важной для них льготой: бесплатным проездом в общественном транспорте. Ее отмена без соответствующих компенсаций и вызвала протесты. Теперь установлено, что сумма субсидий на транспортное обслуживание должна быть не меньше, чем цена проездного билета».

Владимир Владимирович, как вам нравится это «теперь»? Если льготу «отменили без компенсаций» — на что рассчитывали? На рабское молчание?

Зурабов признает отдельные ошибки: одним дали меньше, чем надо, другим — не дали совсем... Но разве кому-нибудь дали больше, чем положено? Так «ошибались» советские касирши — всегда в свою пользу.

Все интервью Зурабова — очень откровенное саморазоблачение власти. Подчеркну: невольное разоблачение. Он не понимает, что говорит. Вот его финальные жалобы: «Недавно я решил разобраться, какого рода льготами я обладаю как федеральный министр. Единственное, что у меня есть, — служебный автомобиль».

А охрана? А федеральный номер и мигалка, позволяющие лететь по резервной, когда простой народ (люди) стоит в пробке?

Зурабов продолжает: «У меня зарплата выросла то ли в два с половиной, то ли в три раза. Я не знаю точного размера своей зарплаты. Кроме того, зарплата чиновника складывается из его оклада и всевозможных доплат и надбавок. Поэтому понять, какая у меня зарплата, довольно сложно. А времени вникать в это у меня нет».

Владимир Владимирович, как вы думаете: если министр не знает своей зарплаты — что это означает? Похоже, он считает ее ничтожной. Он на нее не живет. Иначе бы знал*.

Среди читателей «МК» есть малообеспеченные. Пенсионеры, ветераны, инвалиды, люди с нищенской зарплатой (уборщицы, учителя, санитарки). Для них и сто рублей — существенная сумма. Вы согласны? (А если сто рублей «не деньги» — зачем вы гордо сообщали по ТВ, что кому-то прибавлено сто рублей к пенсии, к стипендии?)

Каково беднякам читать, что министр не замечает в своем семейном бюджете четырех тысяч долларов (110 тысяч рублей в месяц)? Типичный случай.

(Помните, глава Госкомимущества Кох получил несусветный, похожий на взятку, гонорар за ненаписанную книгу? Его друг, знаменитый реформатор**, защищая Коха по телевизору, с досадой сказал: «Из-за каких-то несчастных ста тысяч долларов!..» Понятно, что для некоторых сто тысяч долларов — малая часть заурядной взятки, мелочь. Но для большинства это — недостижимое богатство.)

Владимир Владимирович, может, запретите им давать интервью? Ведь позорят всю вертикаль. Неужели после такого интервью хоть один читатель переменял свое отношение к министру в лучшую сторону?

Вдобавок добровольные признания министра уничтожают вашу национальную кремлевскую идею. Помните, прежде чем

* Догадка оправдалась. Через полгода появились официальные данные о доходах министров. Доход Зурабова — 120 тысяч долларов в месяц. И это только легальный, а сколько еще — мы не знаем.

** Первоначально вместо четырех слов «его друг, знаменитый реформатор» — было одно слово «Чубайс».

отнимать льготы у людей, высшим чиновникам повысили зарплату в несколько раз?

Идея была замечательная: мол, если министры станут получать достойную зарплату, они перестанут брать взятки. Зарплата их изменилась, но в их поведении не изменилось ничего. Ничего в нашу пользу.

Идея плохая? — так мы думать не решаемся, зная, что она одобрена вами. Значит, мало прибавили.

Может, назначить им 40 тысяч долларов в месяц, а не может — четыреста. Ради идеи стоит попробовать.

Вообще идея платить человеку за то, что он будет честным, — это супер. Но, боюсь, порог ихней честности труднодостижим. Чем наглее вор — тем больше придется платить за его честность. Причем платить сразу (на практике), а потом ждать, окажется ли права теория.

Есть, правда, другой путь: назначать честных людей. Но с ними хлопотно. Да и рискованное это дело — кадровую политику менять.

Помня о вашем высоком положении, не рискую напоминать старый анекдот: если у заведения падает престиж, то надо менять не занавески, а девочек.

Не удивляйтесь, Владимир Владимирович, что письмо пожелтело. Оно было написано в апреле. Не решился отправить! Мы же с вами оба понимаем, что нехорошо делать вид, будто один жадный министр (и даже десять) что-то решает. Все дело в том, кто их назначает (почему и зачем). Прямо говоря: вы-то сами — такой же, как они? Или можно надеяться?

10 июня 2005

№ 40

СВОИ ОПАСНЕЕ ВРАГА

Владимир Владимирович, это письмо вас не обрадует. Не стал бы вас лишний раз огорчать, но дело важное, а вы, может быть, об этом не знаете.

Матери Беслана (дети которых погибли) беспокоятся за жизнь террориста Кулаева. Единственный пойманный бандит утверждает, что заложники в школе погибли из-за действий федеральных сил, и подробно рассказывает, как именно это происходило.

Председатель Комитета матерей Беслана заявила, что они готовы просить о смягчении приговора Кулаеву, лишь бы он говорил в суде правду. Она сказала: «Мы не можем совсем освободить его от наказания, потому что он должен отвечать по закону. Но мы готовы его простить ради того, чтобы все узнали, что произошло на самом деле».

А еще она сказала: «Мы боимся, что его убьют, потому что его показания очень сильно отличаются от официальной версии. Мы боимся вдруг услышать, что у Кулаева инфаркт, что он скоропостижно от чего-то умер. Мы просим, чтобы следствие и суд гарантировали нам, что с Кулаевым ничего не случится до конца процесса».

Владимир Владимирович, в это трудно поверить, но это факт. Кажется, впервые матери погибших детей готовы простить террориста. Добавлю: кавказские матери.

Это еще можно было бы списать на чувства родителей, которые не могут прийти в себя от горя. Но матерями Беслана движут в этой ситуации не эмоции, а разум. Они не возлюбили врага христианской любовью. Они воспринимают его как важ-

ный источник информации, то есть по-деловому. Они хотят его сблечь как вещественное доказательство, как улику. Они и без Кулаева знают, как все было на самом деле. Но им важно, чтобы это было доказано в суде.

Что тут огорчительного? Всего лишь то, что эти осетинки больше верят чеченскому террористу, чем всей судебной системе России. Больше того, они боятся, что эта система устранил опасного свидетеля.

Что же нужно было сделать с судебной и прочими системами, чтобы простые женщины не верили им и считали опаснее врага?

Еще раз извините, если огорчил. Из всех сил думаю, чтобы вас порадовать. Как придумаю — сразу напишу.

15 июня 2005

№ 41

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Владимир Владимирович, поздравляю с получением письма от пятидесяти деятелей. Они одобряют приговор Ходорковскому и осуждают тех, кому приговор и суд показались несправедливыми.

Во вторник «письмо 50-ти» появилось в «Известиях», но вы, наверное, читали его до публикации, а может, и редактировали. Если это так, то выходит, что вы сами себе написали письмо. Так спокойнее, без неприятных сюрпризов.

Заголовок «письма 50-ти» длинный и подробный: **«Обращение деятелей культуры, науки, представителей общественности в связи с приговором, вынесенным бывшим руководителям НК «ЮКОС»»**.

В заголовке не хватает малости: обращение к кому? Если к народу, то тираж «Известий» маловат, лучше бы в «МК», а еще лучше — в «СПИД-инфо».

А если это обращение к той небольшой просвещенной части общества, которая читает «Известия», то сделано оно из рук вон плохо.

Обращение набрано несуразным шрифтом и обведено специальной рамкой — читателям должна броситься в глаза чужеродность текста. А для невнимательных сверху напечатано **«На правах рекламы»**.

Владимир Владимирович, к рекламе люди относятся с недоверием. Мы привыкли, что нам все время хотят что-то впарить. Многие ненавидят рекламу, мечтают, чтобы она вообще сгинула. Печатать текст под рубрикой «На правах рекламы» — значит вызывать к нему недоверие. Вдобавок возникает воп-

рос: кто платил за эту рекламу? Неужели подписанты скинулись?

И кто написал*? Мы же понимаем, что фигуристки и артистки это не сочиняли, а лишь подписали (может, даже не заметили подлостей, спрятанных в обтекаемые фразы). Забыли, что клеймо остается на всю жизнь.

Пятнадцать артистов (в том числе балета), пять спортсменов, модельер... и ни одного писателя, всего двое ученых. Почему внушать нам правильные мысли назначены фигуристки, гимнастки, танцовщицы?

Зачем к ним добавлены председатели обществ православных, инвалидов, молодежи, деловых женщин, пенсионеров и бог знает кого еще? Спортсменов и артистов мы хотя бы знаем в лицо, а кто эти функционеры?

В советское время такие письма были в большом ходу. Видимо, слишком долгий был перерыв, навыки утратились.

И уж точно в прежние времена не решилась бы газета так демонстративно отстраняться: мол, публикуем за деньги и к содержанию не имеем отношения.

Недавно «Известия» стали собственностью «Газпрома». И многие считали, что теперь эта газета полностью подконтрольна Кремлю. Но одно дело купить название (здание, акции), а другое — людей.

Люди — в отличие от деятелей — не любят, когда их покупают. Люди не любят, когда их продают.

30 июня 2005

* Один из подписавших объяснил в прямом радиозфире, что ему звонили из Администрации Президента, просили подписать и, как он считает, там и текст сочинили.

№ 42

КОШКИНЫ МЫШКИ

Владимир Владимирович, поверьте на слово: мышей не ем, а жена их боится до ужаса (при встрече визжит).

Тем не менее наша кошка (мы ее не выбрали, нам ее подкинули) приносит то дохлую, то живую — угощает от чистого сердца.

Она — кошка. Мурлычет — заслушаешься. Но она — хищник (с этим ничего не поделаешь).

Я к тому, что чистое сердце...

На Рублево-Успенском шоссе (на вашей трассе) в апреле, к 60-летию Победы, появился новый плакат — огромный рекламный баннер. На плакате — знаменитая фотография: теплушка, дверь сдвинута, в проеме сгрудились солдаты-победители (помните финальные кадры «Белорусского вокзала?»). Наверху надпись: «МЫ ИЗ БЕРЛИНА», а внизу слоган — «ДОРОЖЕ ДЕНЕГ».

Речь не о том, что какие-то гады для рекламы своего продукта используют святые чувства. Давайте вообразим, будто технолог-рекламщик хотел искренне прославить Победу и победителей. Допустим, он искренне старался привлечь наши сердца, а не кошечки. (Хотя если привлек сердце человека, то кошечка он раскрывает сам; помните Буратино?)

И вот этот технолог нашел фотографию, которая у всех нормальных людей вызывает горячий сердечный отклик, и хотел написать на ней «САМОЕ СВЯТОЕ». Но ему надо было передать эту мысль с максимальной силой — и вместо «самое святое» он написал «ДОРОЖЕ ДЕНЕГ».

Может, в своем кругу этот технолог считается гением, но...

Владимир Владимирович, надеюсь, вы поймете меня и согласитесь: для заказчиков этого плаката бог — деньги. И когда они от чистого сердца хотят сказать, что нечто выше Бога, у них получается «дороже денег».

Они хотели к нашим сердцам отмычку подобрать, а раскрыли свое. Принесли мышку.

Часто думаю о вас, Владимир Владимирович. Многие (и таких все больше) считают, что вами руководят мстительность, жадность, жестокость. Но большинство (миллионы) продолжает верить, будто вами руководит любовь к народу (не шучу). Казалось бы: небо и земля. А как задумаешься — какая разница?

Допустим, вы от чистого сердца отменяете выборы губернаторов, отменяете льготы, референдум... Допустим, что вы при этом чувствуете в себе любовь к народу. Но для людей это мышки. Люди приходят в ужас (некоторые даже взвизгивают).

...Ради справедливости пытаешься иногда встать на другую сторону, на кошкину. Может, когда жена визжит при виде подаренной мышки, наша кошка считает, будто это аплодисменты, переходящие в овацию. Она прыгает на колени, мурлычет свое послание — слушать так приятно...

Мы ее не выбирали, нам ее подкинули. Но раз прижилась — теперь пожизненно. Она стала нахалкой — требует еды, грязными лапами лезет на кровать; плодит котят, всех надо пристроить в хорошие руки; она небось думает, будто мы у нее на службе.

На улице их еще много, мы их подкармливаем, они очень ласковые. Вообще кошки, которые мечтают стать домашними, очень ласковые. Наша к ним выходит, то да се (очень дружелюбно), но если кто-то из дворовых сунется к двери: мол, твой срок закончился, теперь моя очередь, — у-у-у! шипит, плюется, бьет лапой (когтями), а потом — к нам, мур-мур, лапки мяконецкие (коготков будто и нету). Утром просыпаешься — очередная мышка.

Включаешь радио — и еще одна. Включаешь телевизор — еще десяток.

Все от чистого сердца.

Хотелось бы знать, Владимир Владимирович, что вы об этом думаете.

1 августа 2005

№ 43

ПО УШИ В ВОЛНЕ

Владимир Владимирович, соскучились? Не бойтесь, я о вас не забыл. Просто давно обещал вас порадовать (нельзя же все время огорчать), но никак не мог найти — чем. А тут 1 сентября, дети-школа, годовщина Беслана, и вспомнилось, как однажды в темный и морозный зимний вечер...

Но сперва хочу спросить: как ваши нервы? Успокоились ли вы? Надеюсь, да — ведь с первого июня (со Дня защиты детей) прошло уже три с лишним месяца. А в тот день (1 июня) всех поразил министр внутренних дел. Черт ли его дернул или он сам придумал вас огорчить (за что?!), но речь его была беспощадна. Как серпом по вертикали.

— Россия переживает сейчас, — заявил министр Нургалиев, — третью после Гражданской и Великой Отечественной войн волну беспризорности. По самым приблизительным подсчетам, в стране более 700 тысяч детей-сирот, 2 миллиона неграмотных подростков, более 6 миллионов детей находятся в социально неблагоприятных условиях — не получают необходимого воспитания и образования. Около 4 миллионов подростков употребляют наркотики. 2 миллиона ежегодно подвергаются различным видам насилия...

Все это, конечно, правда (и не вся), но министр, прежде чем говорить правду, должен был бы подумать о вас.

Помните, Владимир Владимирович, вы 14 января 2002-го приказали «принять незамедлительные меры по решению проблем детской беспризорности». Спустя три с половиной года заявление министра означает, что слова ваши (президентские) — пустой звук.

«Третья волна!» — и как это милицейский генерал придумал такое изящное выражение? Но выходит, Первая мировая война не дала волны. И Отечественная война 1812 года тоже. Потери были огромные, но сироты не оказались на улице.

А нынешняя «волна» — это что, цунами? Где-то земля треснула? Или — результат политики?

Взгляните: благотворное руководство, предотвращен распад страны, налажен порядок, построены вертикаль и губернаторы, побеждены три олигарха (двое бежали), льготы монетизированы — все это на благо народа, правда?

Во всяком случае, ТВ говорит, что все это ради государства. Это что ж такое? Власть из всех сил старается, а люди продолжают умирать, а беспризорников все больше. Скажем, за то время, пока побеждали Ходорковского, беспризорников стало на миллион больше. Это же странно.

Растут цены на нефть и число беспризорников. Хотелось бы понять, как это связано?

Во времена ваших предшественников (Ленина, Сталина) людей губили ради идеи, бескорыстно. А теперь?..

Простите, сбился. Забыл, что обещал порадовать. Начинаю.

Вам будет приятно узнать, как хорошо работает ваша охрана. Вы пролетаете по Рублево-Успенскому шоссе и даже не подзреваете... — там вся природа (лес, полянки) насыщены заботой о вас.

Вам с вершины вертикали не видны мелочи быта... Однажды в темный и морозный зимний вечер ребенок захотел писать. Где-то в районе Барвихи он сказал, что ему невтерпеж. Я остановился на обочине, мальчик шагнул в кусты... Дети, Владимир Владимирович, пишут быстро; некоторые взрослые даже завидуют. Но он еще и не начал (зима, много одежек), как притормозила рядом машина, осветила фарами; из лесу, из-за кустов вышли какие-то мужики — кто их знает, дровосеки, что ли...

Какой-нибудь иностранец подумал бы, что полиция хотела нам помочь: мало ли, что у людей может случиться в дороге. Нет. Подъехавшие ничего не спросили, участия не проявили — просто зафиксировали машину: марку, номер. Они беспокоились не за нас, а за вас.

Они охраняют вас даже там, где вас нет. А нас не охраняют даже там, где мы есть.

На ближайшем посту ГАИ нас тормознули, долго проверяли документы, а потом:

— Зачем останавливались?

Я смущенно объяснил. Последовал новый вопрос:

— А в штаны он не умеет?

Даже жалко офицеров иногда. Сами-то они, наверное, умеют и хотели бы нас научить.

...Как вы понимаете — мой сын не беспризорник. Но за ним государство присмотрело; примерно шесть-семь вооруженных людей...

А где-нибудь на шоссе Энтузиастов несколько мужиков могли бы даже покакать, и никакие машины не подъезжали бы, и некие люди в форме ГАИ не интересовались бы, что там осталось на обочине — не заминировали ли?

Обидно. Обидно за вас. Мне кажется, что за минувшие годы мой сын стал меньше вас любить. Осенью 2000-го (вы всего полгода были президентом) — если нас останавливали, чтобы пропустить ваш кортеж, — сын хватал российский флажок и тащил меня из машины — махать (он видел по телевизору, как вам махали миллионы в Северной Корее, и хотел, чтобы и дома вам было хорошо). А теперь махать он совсем не хочет.

Да теперь не очень-то и получится. Недавно на Рублевке загнали меня в какой-то карман... Чтобы вас пропустить, нас стгоняют с трассы в любые проулки. Ждал, ждал — захотелось поглядеть, далеко ли огни вашей кавалькады? Не успел вылезти — окрик:

— Вернись в машину!

Это, конечно, оскорбительно и противно. Ты не в армии, не в тюрьме, а тебе не только ехать не дают, но даже из машины выйти запрещают.

Но благодаря этому случаю я догадался, зачем древние египтяне и прочие подданные деспотов падали ниц при приближении владыки. Это не от восхищения. Это совсем другое. Когда все лежат ниц, тогда охрана видит спины, зады, затылки — и любой, кто попытается встать, будет сразу виден, и его легко застрелить (мало ли зачем он встает; что у него на уме?).

А представьте — демократическая толпа, все толкаются, идут куда хотят, машут руками — поди отгадай, кто выстрелит. Жертвами этого демократического хаоса пали братья Кеннеди, папа римский, президент Рейган (двое последних выжили, но это же случай).

Пока все мы закрыты в машинах, пока все мы одинаковые, охране очень удобно.

После Беслана охрану поставили у каждой школы. Еще сотни тысяч умных и сильных мужчин выдернуты из производства, посажены на стулья у входа. (А если они хилые и глупые — то какая ж из них охрана?)

Охрана у каждой школы, но стало ли нам спокойнее за детей по сравнению с теми временами, когда не было охраны?

Помните, совсем недавно, всего несколько лет назад, чеченцы были, арабы были, даже международные террористические организации были, а терактов в России не было. Чем-то мы их приманили.

Во всех школах поспешно поставлены решетки на окнах. Защищают ли они от террористов? (В Беслане, к слову, спаслись только те, кто смог выпрыгнуть в окно. Были бы решетки — не выпрыгнули бы.) Защитить тела детей решетками на окнах невозможно. А души детские, конечно, уродуются. Они сидят за решетками. Это значит, что либо они арестанты, либо мир за окном жестокий, смертельно опасный.

Всем родителям велено купить «памятку» за 20 рублей. Там написано, как прятаться, как себя вести ребенку, если он попал в заложники (если вы своим дочкам купили, то, наверное, читали). Как входить в лифт, в подъезд, как оглядываться на улице. То ли это инструкция нелегалу, то ли партизану на оккупированной территории.

Если бы «памятка» помогала — это было бы счастье. И недорого. Но ведь не поможет. Мы платим еще один, абсолютно бессмысленный налог за безопасность, но не получаем ее. Опасность создали непродуманные действия власти, бездарность силовиков. Вы бы и платили. А платим мы. 17 миллионов школьников по 20 рублей = 340 миллионов; кто-то опять заработал, изображая заботу о безопасности наших детей.

И никто не спросил: а что происходит с детьми, если в дверях школы мужик в камуфляже, на окнах решетки, а в обязательную программу включен учебник, где подробно описаны три способа ползать? «Необходимо лечь плотно на землю, подтянуть правую (левую) ногу и одновременно вытянуть левую (правую) руку как можно дальше вперед. Затем, отталкиваясь согнутой ногой, передвинуть тело вперед и подтянуть другую ногу, вытянув другую руку как можно дальше вперед, продолжая таким образом непрерывное движение. При этом нельзя поднимать голову (продолжая наблюдение) и подставлять под обстрел **тазобедренную часть тела**». Вот так и получаются толстые тупые учебники, если тратить 22 буквы там, где достаточно четырех или трех (зад).

Собрали с нас (с родителей) по 250 рублей «на театр». Это старый добрый советский культпоход. Школа заказывает в театре сотню-другую билетов, и дети с учителями едут на автобусе...

Приносит деньги обратно. Что случилось — артисты заболели? театр сгорел? Нет, надо, чтобы каждый экскурсионный автобус с детьми сопровождала машина ГАИ. А гаишников свободных нет; все стерегут вашу трассу.

Ежедневный автобус, который детей в школу (сельскую) и из школы возит, сопровождать не надо, а экскурсионный надо — такой теперь закон! — объясняет мне третьеклассник.

Вот, значит, какие результаты борьбы с чеченским сепаратизмом. В столице России в воскресный день дети в театр не могут пойти. Вы ж не предвидели таких последствий.

Если бы вы были ребенок — тогда все это было бы детской неожиданностью; неприятно, но — какой спрос? Но вы же не ребенок. Вы же разведчик, вас учили анализировать и делать выводы, прогнозы.

...Погибших детей Беслана можно списать на международный терроризм. А сотни тысяч погибающих беспризорников — на кого? Помните свою встречу с женщинами (в канун 8 Марта 2002-го). Вы им сказали, что «сегодня страна переживает третью волну беспризорности после Гражданской и Второй мировой войн».

«Третья волна!» — где-то мы недавно слышали это изящное выражение? Ах да! — от милиционера. Это что же — министр берет вашу старую речь и выступает, как со своей?

Нургалиев добавил: «Средний возраст начала употребления наркотиков снизился с 17 до 11 лет». Средний возраст — 11! Но если есть 15-летние начинающие, то, значит, есть и 7-летние. Похоже, Владимир Владимирович, это произошло с тех пор, как вы создали для Черкесова и 40 тысяч его подчиненных гигантскую кормушку — министерство по наркотикам. Какой неожиданный результат.

Какая долгая волна, Владимир Владимирович. И не спадает. Нефть за это время подорожала почти вчетверо. Может, это и отвлекает.

На Рублевке, на Кутузовском, на Новом Арбате, на Большом Каменном мосту, на Кремлевской набережной, на Ленинском проспекте вы ежедневно создаете огромные пробки.

В пробках есть и дети, их везут в школу, детский сад. Малыши не умеют долго терпеть. Мучения ребенка, дикая нерво-трепка для отца или матери, а куда деваться?

...Может, где-то это иначе. Но у нас ребенок, родившись, попадает в пробку, состоящую из плохо отрегулированных взрослых. Моторы ревут, извергают клубы агрессии, злобы, глупости, жадности... Грудной тарашит глаза: что это за мир?

А к девяти годам — где это сияние глаз, где улыбка, излучающая чистую радость? Он уже циник, обманщик, лодырь. И плохие взрослые продолжают калечить этого, каждый день вынуждая его врать изощреннее. А хорошие взрослые гордятся собой: «Ах, я так люблю маленьких!» И рожают еще, как богатый водитель, разбив машину, обзаводится новой.

14 сентября 2005

№ 44

БЫЛО НАШЕ — СТАЛО ВАШЕ Сказка ложь, да в ней намек! — добрым молодцам урок

Владимир Владимирович, ходите ли вы в Библиотеку Ленина? Если нет, то, может быть, вам будет интересно...

Опаздываю как-то раз в театр (Москва, вечер, пробки страшные) — думаю: брошу-ка машину, доеду на метро. Сворачиваю к Библиотеке Ленина — вдоль ее фасада на Воздвиженке огромная парковка, авось хоть одно место найдется.

Вижу — мест полно, но — шлагбаум, а раньше не было. Чертыхнулся (или, может, матернулся, не помню), значит, и эта теперь платная. Но капризничать некогда, придется платить. Уперся в шлагбаум, а он не открывается. Парковщик подходит:

— Пропуск есть?

— Какой пропуск?

— Служебный.

— А это что — думская парковка? (Там, Владимир Владимирович, Дума недалеко.)

— Нет. Это теперь парковка Управления делами президента.

Ни фиги себе! Я задумался: тьфу, так вас и разэтак (в данном случае ругался я не на вас, а на темные силы). И тут заметил, что в сердцах плюнул на асфальт стоянки Управления делами.

Оказывается, и я плююсь, когда задумываюсь о своем, точнее, о том, что было нашим — стало вашим.

Ладно, думаю, в театр как-нибудь в другой раз. Пошел в библиотеку.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Это библиотека?

— Да.

— Все еще библиотека?

— А с вами все в порядке, молодой человек? (Там очень пожилые люди работают, Владимир Владимирович, я для них еще молод.)

— Нет, вы все-таки ответьте.

— Ну да, библиотека.

Эх, думаю, была не была. Вошел в читальный зал, собрался с духом и, ужасно нарушая столетние порядки, крикнул:

— Внимание! Сотрудники Управления делами Президента, срочно на выход!

Верите ли, Владимир Владимирович, никто не шелохнулся. Это ж не Лазурный берег, не пляж, не ресторан. Головы читатели, конечно, подняли, но никто не вскочил. Да и по лицам сразу было видно, что к вашим они никак не относятся; глаза другие.

Владимир Владимирович, Управление вашими делами (далее УД), как вы знаете, мультимиллиардер. Даже непонятно, почему вас нету в списке «Форбса». Уверен, вы бы потеснили Абрамовича; напрасно он занимает первую строчку.

Вы ответите, что все это — ваше временно. Мол, покуда вы президент... Но и мы все тут временно. И любой олигарх — временный владелец своих богатств. С собой ничего не возьмешь. И не только на тот свет, но даже и в камеру.

Глядишь на суету ваших наследников, и — никаких иллюзий. Возможно, когда-нибудь все это перестанет быть вашим, но нашим не станет никогда.

Вам принадлежат санатории, гостиницы, роскошные здания за границей — короче, все, что раньше принадлежало ЦК КПСС и Совету министров СССР. В самых лучших местах Родины расположены дачи, где ваши чиновники живут за 100 долларов в месяц, а с бизнесменов за точно такую же берут по 5 и более тысяч. Вот, значит, какова рыночная цена. И значит, ваши платят меньше 2%, что особенно им приятно в дни реформы ЖКХ.

Это ваше УД очень жадное. То кинотеатр на площади Маяковского захватит, то еще чего-нибудь. Расползается по карте Москвы, как пятно по промокашке. Шагу не ступишь.

А вдруг они — оборотни?! Насчет некоторых нет сомнений. Но ведь мы это узнаем, только если их арестуют. Кого арестуют — тот и оборотень. Но он же им был до ареста, как мы догадывались.

Называется оно Управление **вашими** делами, а получается — **нашими**. Дворцы, ладно, пусть будут ваши, нам все равно не по карману их содержать. Но леса, луга, реки, улицы, площади...

Не подумайте, Владимир Владимирович, что я преувеличиваю. Вам небось кажется, что захватываются только леса и реки. Но ваш управляющий (Кожин) в интервью «Известиям» был ужасно откровенен: «Наша позиция однозначная: все, что прилегает к Кремлю, — зона наших интересов. В первую очередь это Александровский сад, Васильевский спуск, с другой стороны — дом Пашкова и другие...»

Жуть, правда? И ведь о многом мы не знаем; процесс идет шито-крыто. Начинается земля, как известно, от Кремля (писал поэт). А где кончается?

Все больше захватывают ваши. Все больше зданий, чиновников, объектов и территорий нуждается в охране. Значит, все больше охранников. И значит, они все хуже.

Это как с футболом. В сборной 11 игроков, и это лучшие. А если бы их стало 11 тысяч, то ясно, что в среднем они стали бы гораздо хуже.

А нравственность охраны? ее боевой дух? Охранять дворцы, а потом ночевать в каморке — что они думают? Любят ли вас защитники ваших территорий? Чувствуют ли они себя защитниками Родины?

На стоянке возле Библиотеки Ленина машины ставили кто хотел, было б место свободное. Теперь — только ваши слуги. Слуг все больше — нас все меньше. Если нас совсем не станет, то откуда брать охранников? Из Китая?

Но если нас не станет — тогда вроде и охрана не нужна. Если нас нет — от кого охранять?

Какая-то нехорошая сказка стала былью.

Помните хорошие сказки? Глупый, злой король; глупые, злые, жадные министры; тупая, жадная стража; покорный, замученный народ... А потом что-то случается — бац! — и рушит-

ся все это, все, что вытягивалось по струнке, все, что вытягивали, натягивали, вертикалили.

И сразу — солнце, радость, свобода, а от дракона даже чешуи не осталось.

Сказка ложь, да в ней намек! — добрым молодцам урок. Так кончается сказка Пушкина «Золотой петушок». Ужасная сказка, где...

И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.

Три вещи занимают иногда воображение:

1. Добрым молодцам урок. А недобрым? Не урок? Или им не впрок?

2. Почему в темя, а не туда, куда полагается клевать петушку?

3. Где была охрана? Столбняк на нее напал, что ли? Или — если кара приходит сверху — они бессильны?

26 сентября 2005

№ 45

МИННОЕ ПОЛЕ

Владимир Владимирович, вы, сидя в Кремле, без малого три часа говорили «халва-халва-халва»*. У многих, наверное, во рту стало сладко.

Народ очень удобный. У Кашпировского перед телевизором раскачивались: считали, что лечатся. Теперь перед вами сидят — думают, что богатеют.

Впечатление вы произвели отличное: крепкий, умеющий запоминать много цифр, — нет сомнений, вас хватит еще на три-четыре срока.

Несмотря на обилие конкретных процентов и чисел (в основном рублевых), ваши ответы звучат уклончиво.

Вас спросили: останетесь ли вы на третий срок? Вы ответили:

— Я свою задачу в этом смысле вижу не в том, чтобы вечно сидеть в Кремле и чтобы, знаете, на экранах телевизоров и по первой, и по второй, и по третьей программам все время показывали одну и ту же физиономию... Я свою задачу вижу в том, чтобы создать условия для развития страны на длительную перспективу, с тем чтобы к руководству страной пришли молодые, грамотные, эффективные управленцы. Поэтому никаких резких изменений в законодательство, прежде всего в Конституцию Российской Федерации, вносить считаю нецелесообразным. Ну а что касается меня лично, то, как военные люди говорят, я свое место в строю найду.

* Когда вышло это письмо, никому не надо было объяснять, что имеется в виду «прямой эфир президента с народом» по двум государственным телеканалам.

Владимир Владимирович, вас спросили про 2008 год. А вы отвечаете насчет «вечно». Не ясно, сколько лет вы собираетесь «создавать условия для развития на длительную перспективу».

Вы вроде бы обещаете не вносить резких изменений в Конституцию. Похоже, что нерезкие будут. Кто определит степень резкости?

«Свое место в строю найду», — говорите вы. Еще не нашли? Или не хотите раньше времени раскрывать карты? После успешного руководства Россией надо идти на повышение, возглавить что-то более мощное. «Газпром»?

Если вы не остаетесь на третий срок — кто ваш преемник? Если он есть — хорошо бы нам узнать его сейчас, присмотреться к нему за оставшиеся два года. Если такого нет — значит, за шесть лет президентства около вас так и не появилось достойного...

Вас спросили про Чечню. Вы ответили, что возлагаете надежды на предстоящие там выборы. О том, что там продолжается война, что ежедневно гибнут наши солдаты и офицеры, — ни слова. За последние годы там было много выборов. Что толку?

Вас спросили о беспризорниках. Вы сказали:

— У нас существует программа решения этого вопроса, будут выделяться соответствующие средства и ресурсы, в том числе на укрепление приемных семей, хотя здесь у меня очень много вопросов и по укреплению института по усыновлению, укреплению детских домов. Все это планируется, и мы, конечно, это будем делать.

Что «это» вы будете делать? «Укрепление детских домов» — очень выгодно для чиновников. На каждого сироту государство выделяет много денег. Чем больше сирот — тем больше можно украсть. Поэтому воры изо всех сил препятствуют усыновлению.

Укрепление детских домов исключает «укрепление приемных семей».

Вся страна гудела из-за гибели в Америке двух усыновленных детей из России. Усыновление иностранцами российских детей практически остановлено. Там погибли двое из ста тысяч. У нас гибнет чуть ли не каждый десятый сирота. Тысячекратная разница вас не смущает?

Вы не сказали, где Басаев. Вы не сказали, почему не уволены те, кто уже десять лет (считая с Буденновска) не может поймать Басаева. Неужели из миллиона задавших вопрос никто об этом не спросил?

Неужели вас не спросили: считаете ли вы, что в России нет людей умнее и честнее, чем нынешние министры? А если такие есть — почему они не министры?

Вы сидите в Кремле. Люди стоят на площади. Толпы людей с непокрытыми головами (спасибо, что не в декабре, как в прошлые разы). Зачем они стоят часами? Зачем стоят десятки людей, хотя известно, что вопрос разрешат задать кому-то одному?

Для вас люди — как минное поле. Или вам показывают его в стереотрубу (Первый и «Россия»), а ее легко направить в приятную сторону. Или — впереди саперы с металлоискателями — всех прозванивают, просвечивают, ощупывают и обнюхивают (собаками).

Иногда ваша замученная охраной жизнь даже вызывает сочувствие. Бесконечная езда по границам, встречи с канцлерами и президентами — такая скука, а тут еще народ. Но...

У короля много забот, но самая тяжкая из них — это обязанность всех выслушивать и всем отвечать. Это, Владимир Владимирович, говорил Дон Кихот Санчо Пансе (чтобы тот не очень стремился к высоким должностям).

Дон Кихот, который мечтал только о справедливости, только о том, чтобы защитить всех несчастных, говорил о «тяжкой обязанности». Ему в голову не приходило, что всю эту заботу можно изображать в эфире.

29 сентября 2005

№ 46

НЕ ДАЙ СЕБЕ ЗАСОХНУТЬ

Владимир Владимирович, никому не показывайте это письмо. Если идея вам понравится, лучше пусть все считают, что вы это сами придумали. Скажите это как бы от себя; можно — на заседании правительства, можно — на встрече с какой-нибудь нашей молодежью.

Вынос Ленина из Мавзолея — дело нужное. Но сложное. Говорят, он «живее всех живых» — значит, бог. Но — языческий. Он совершил столько преступлений, что никак не может быть причислен к лику святых. Поведение его — предательство, ложь, беспощадность (обычно сожалел, что мало расстреляли) — типично для языческого бога.

Он лежит в Мавзолее желтый, злой, как сатана (последний раз я видел Ленина в 1988-м, вряд ли с тех пор он подобрел). Злоба эта прет сквозь бронированные стекла. Они, по расчетам, должны атомную бомбу выдержать, а вот злобу мумии не выдерживают. Поневоле поверишь, что ничего у нас не получается из-за этого ужаса.

Убрать придется. Но сделать это надо с великими почестями, с траурной музыкой, делегациями, с дипкорпусом... Хорошо бы процессия во главе с вами, неся ящик с мумией на руках, медленно двинулась к Ленинградскому вокзалу; и туда его — в Ленинград. Будет очень красиво. А главное — торжественно. То есть никого не оскорбляя. Не превращая ленинцев во врагов, а мумию — в посмертную мученицу.

А Мавзолей? Это — и могила, и памятник истории, и памятник архитектуры. Если вынести тело — останется пустой склеп. Ломать? Ни в коем случае!

Вот решение всех проблем. Мумию убираем и хороним, а на ее место кладем замечательную восковую персону — точную копию теперешнего Ильича.

Для верующих восковой будет даже лучше — не портится, не надо каждый год закрывать Мавзолей на ремонт мумии; прекратятся разговоры, что там, мол, уже живого места нет — все штопано-перештопано.

Это будет очень духовно. Ведь и в церкви молятся иконам и статуям — изображениям.

Для полного счастья можно туда посадить (лежа не уместятся) всех генсеков. И под этим соусом поместить в Мавзолей не только Сталина (воскового), но и Андропова (из самого лучшего воска). От туристов не будет отбоя.

Эта идея — совершенно в вашем стиле. В стиле старого гимна с новыми словами. Старого знамени — без серпа и молота. В стиле орлов, звезд и крестов на башнях Кремля. Короче, и нашим и вашим, щит и меч — атака и оборона в одном флаконе.

И пора подумать, куда будем класть Президентов России. Рано или поздно, но придется. Лучше, Владимир Владимирович, решите сами и сейчас. Потому что потомки не всегда уважают. Вон фараоны — при жизни строили себе усыпальницы и были правы.

Неужели Хеопсу отгрохали бы такую пирамиду после смерти? Нет, нашлись бы более важные дела (плотины, таун-хаусы...). А если б и начали — сколько бы мумия ждала? Нет, Хеопс прав, что внимательно и любовно относился к своей будущей памяти (в смысле к памяти о себе). И мы его помним.

Не хочу вас огорчать, но и пирамида — не гарантия. Новые фараоны выкидывают старых, соскребают надписи (в этом смысле с Мавзолеем было как в Древнем Египте). Воры потрошат не только могилы, но даже церкви.

От потомков спасения нет, могут и бассейн выкопать. Поэтому место подыскивайте скромное, чтобы никто не позарился.

*7 октября 2005**

* Больше всего в Кремле обиделись на то, что этот текст был опубликован в день рождения Владимира Владимировича, а это была чистая случайность.

№ 47

МОЛЧАНИЕ — ЗНАК?*

Владимир Владимирович, на этой неделе забили перуанского студента в Воронеже, рубили топором издателя «МК в Белгороде» и сожгли тираж, убили адвоката в Москве, вдобавок — война в Нальчике...

Зная, что у вас можно найти ответы на все вопросы, перечитал полную стенограмму вашего сентябрьского виртуального общения с отборным народом. За три часа — ни слова о безопасности. Вы ответили на 60 вопросов и поясняли не раз, что выбрали такие, которые чаще всего повторяются, больше всего волнуют народ.

Безопасность в эти шестьдесят — не вошла. Не интересно? Не волнует?

Возьмите любой социологический опрос — безопасность в первой тройке. Выходит, социологи опрашивают один народ, а вам звонит другой?

Владимир Владимирович, случаи, упомянутые в начале письма, — не бытовуха, не хулиганка. Это — политика.

Любого из этих фактов достаточно, чтобы к нации обратился гарант Конституции (там в самом начале сказано о высших ценностях, о человеческой жизни).

Вы молчите.

Некоторые считают, будто вы ничего не знаете, будто до вас не может дозвониться генеральный прокурор.

Другие думают, что вам нечего сказать.

* Первоначально заголовком служила русская пословица «МОЛЧИ — ЗА УМНОГО СОЙДЕШЬ».

А мне кажется, что эти события вам просто не интересны. Мы вам не интересны, правда, Владимир Владимирович?

Впрочем, и вы нам интересны, только пока вы — президент, то есть решаете, как жить людям, сколько рублей им прибавить, сколько отнять. А раньше (до того, как вас назначили) мы вас не знали, никаких достижений, никаких открытий за вами не числилось. Но надо хотя бы честно работать. Не закрывать глаза на реальность. Даже если это страшная реальность.

Вам здорово повезло — вы успели пообщаться с народом до этих событий. Опоздай ваши политтехнологи с этим спектаклем на две недели — что вы сегодня бы говорили? Опять проценты-стабильность-забота-уверенность-в-завтрашнем-дне?

Ваш главный политехник сказал, что «осень без терактов — политическая победа Путина». Если отсутствие терактов — ваша личная победа, то война в Нальчике — ваше личное поражение.

Общаясь «в прямом эфире» с народом в декабре 2004-го, вы ни слова не сказали о Беслане — о событии, перевернувшем страну и политическую систему. Общаясь с народом в сентябре 2005-го (практически в годовщину Беслана), вы опять ни слова об этом не сказали.

Вы никогда не признаете поражений. Но мы их видим. И слышим ваше молчание.

14 октября 2005

СТРАНА-МАЛИНА

Владимир Владимирович, ворует? Или правильнее сказать — «воруют»?

Помните, великого историка Карамзина двести лет назад попросили одним словом описать происходящее в России. Он не задумался: «Воруют».

Про кого же он так грубо сказал? Про карманников? домушников? Вряд ли. Во-первых, карманники и домушники орудут во всех странах, тут Россия ничем не отличается.

Во-вторых, карманники не делают историю. Карамзина же спросили про нашу историю и политику. И значит, его «воруют» относилось к кому-то повыше. Что касается формы глагола, то Карамзин себя и свой круг четко отделил. Есть **они**, которые воруют, и есть **мы**, которые не воруют. Вот эта граница, похоже, стерлась.

На днях взяточников арестовали, по телевизору показали. Это кончик вашей вертикали нечаянно высунулся — маленький, но очень возбужденный. Ему в ресторан принесли миллион, и не успел он его пересчитать, как навалились другие кончики и отняли. Он хотел стать миллионером, а к Галкину не пошел играть, потому что там — рублями и надо угадать, где Пушкин с Державиным встречался. Он пошел в ресторан, и ему без вопросов принесли... — это я пытаюсь вас развлечь остроумием, м-да... ну да ладно, не стану отбивать хлеб и сырки у профессионалов.

Арест взяточников вызвал у граждан чувство глубокого удовлетворения. А когда оно выветрилось, мы кое-что осознали. Мы теперь знаем размер.

Замначальника управления получил взятку в миллион долларов. Но иерархию и субординацию никто не отменял, правда?

Если глядеть вверх по вертикали, то выше находятся начальник управления, начальник департамента, директор агентства, заместитель министра, министр, вице-премьер, премьер... Параллельно вздымается вертикаль мэров, губернаторов, полпредов...

Если на уровне замначупра — миллион, то на уровне министров/губернаторов уж никак не меньше ста миллионов.

Понимаю, что вы ничего с этим поделывать не можете, нельзя же всех арестовать. (А поскольку милиция тоже коррумпированна, то лучше сказать: не могут же все они сами себя арестовать.)

Владимир Владимирович, предлагаю гуманный способ: прикажите отменить зарплату чиновникам. Вы ее недавно повысили во много раз, а лучше мы жить не стали. Давайте попробуем ее отменить.

Пусть чиновники платят государству зарплату за то, что занимают должность.

Зарплата у такого 500 долларов, а берет миллион. Значит, потеря зарплаты на его благосостоянии не отразится. Он не заметит этой потери. (Недавно Зурабов в интервью «МК» на вопрос: «Какая у вас зарплата?» — ответил: «Не знаю». Он хотел выглядеть бескорыстным, а получилось — признался, что живет не на зарплату, иначе бы знал.)

Отучить брать взятки нельзя, но было бы справедливо перестать еще и платить за грабеж. Посмотрим, кто уволится, и скажем: вот был честный.

Но не уволятся. Они скажут, что работают «не ради зарплаты, а ради народа». 50 процентов этого высказывания — правда.

Владимир Владимирович, извините, но, может быть, стоит объяснить, почему мы говорим «воруют». Чиновник получил взятку от бизнесмена. Нам-то что? Они же у нас ничего не украли.

Увы. Бизнесмен откупался. С него требовали пять миллионов долларов, чтобы избавить от необходимости заплатить пятьдесят миллионов долларов — налоги в бюджет.

Выходит, они сговорились между собой за пять, а у нас украли пятьдесят.

Если бизнесмен дал взятку, чтобы и дальше торговать фальшивой водкой, то они (делец с чиновником) украли у нас и деньги, и жизнь (у тех, кто помрет).

Плевать на алкашей? Но если взятками оплачивается право продавать фальшивые лекарства, то у нас воруют и деньги, и жизнь. И не у алкоголиков, а у всех подряд, включая детей.

Утверждают, будто уровень жизни растет. При этом население сокращается на миллион в год, а число особняков растет на десять тысяч в год.

Похоже на закон Ломоносова: если что-то где-то убавляется, то в другом месте столько же прибавляется.

Если в Норильске убавляется десять тысяч человек, а в Жуковке прибавляется десять особняков, то Жуковка и есть то самое другое место. Ненужные умерли. Благополучие оставшихся растет.

...Народ ненавидит воров. Народ понимает, что значительная часть особняков — украдена, хотя всем ясно, что чиновники-взяточники не воруют кирпичи.

Хуже другое. Воры ненавидят народ.

Вор знает, что он преступник. Но вор — тоже человек, он хочет считать себя хорошим, умным, порядочным. Считать себя негодяем психически тяжело, а вора душевные терзания несвойственны.

Чтобы воровать и уважать себя, есть один способ: считать обворованных быдлом. Мол, эти уроды, нищие, лохи — не умеют зарабатывать, гнут спину за гроши — так им и надо; таких обдирать сам Бог велел.

Если человек сдирает шкуру с кролика, то он видит перед собою только мех, а не живое существо. Если испытываешь жалость к кролику — шкуру не сдерешь, ходи без шапки.

Чиновники-воры презирают серую массу, потому что невозможно обворовывать тех, кого уважаешь. А если презираешь — тогда легко.

И конечно, они боятся: их заборы, колючая проволока, охрана на вышках и в джипах — это огромный и очень дорогой

страх. Сотни миллионов, если не миллиарды, долларов они тратят на свою защиту. От кого?

От заказного убийства, от снайпера ничто не спасает. Значит — от нас.

Как вы думаете, чем это кончится?

28 октября 2005

КАК МЕРТВОМУ ПРИПАРКИ

Владимир Владимирович, как же я себя ругаю, что не отправил вам это письмо до вашей поездки в Японию (занят был, собака опять рожала — вы с Кони меня поймете, — личное возобладало над общественным).

А идея была такая: убедить вас отправиться в Японию не по воздуху, а по земле — где поездом, где машиной, а там, где бездорожье (его у нас много), — на лошадке (у вас дареных жеребцов целая конюшня).

Конечно, получилось бы медленнее (Чехов на Сахалин два месяца ехал), но польза была бы громадная. Вы бы проехали через все отечество. Его обычно вам раз в год показывают по телевизору во время так называемого моста с народом в прямом эфире. Для этого отборных граждан огораживают на площади милицией и барьерами, и вы видите лишь несколько лиц и торсов (по пояс). А что у них под ногами? В каком состоянии асфальт?

Если б вы поехали по земле — все города на вашем пути благоустроились бы как по волшебству. Местные власти заасфальтировали бы главную улицу, отремонтировали бы школу и больницу, починили бы канализацию, провели бы газ и воду. Настало бы всеобщее счастье.

Губернаторы говорят, будто нет денег. Но у всех арестованных губернаторов обнаружили огромные счета. Неужели у неарестованных в кармане пусто? Так не бывает. Еще Санчо Панса объяснял Дон Кихоту: «Ежели у губернатора и нет денег, то всегда найдется кто-нибудь, кто охотно даст ему в долг». Это Сервантес написал в 1605 году. Выходит, с губернаторской точки зрения, у нас начало XVII века, феодализм.

Владимир Владимирович, оставайтесь президентом хоть 50 лет — но одно условие: ежегодный перенос столицы. 50 городов преобразятся! Заткнете за пояс и Петра, и Екатерину. А тысячи чиновников, переезжая вслед за вами, будут оставлять гражданам потрясающие особняки и квартиры.

Пишу вам через газету, потому что так лучше доходит (быстрее, чем по почте). Но возникает необходимость давать заголовки, что в частном письме не принято. В данном случае это, как вы видите, русская пословица. Она выражает нашу с вами общую печаль.

Вы не раз удивлялись, почему от ваших слов ничего не меняется. Летом мы видели по телевизору вас и Грефа: вы велели ему удержать инфляцию в пределах 10 процентов, он обещал; прошло три месяца и — увы... А три года назад вы велели разобраться с беспризорниками. Расстрелять их не решились, усыновить не захотели — вот все и осталось как было.

И читатели тоже постоянно удивляются: почему, мол, мои заметки не действуют на власть? Но лекарство же не может действовать на труп (об этом пословица и говорит).

Заметки — средство морального воздействия. Оно может сработать, если у адресата есть совесть. А у правительства ее нет. Потому что, как известно, у организаций бюджет есть, а совести нет.

Надежда только на людей. А людей назначаете вы.

Возвышается тот, кто сумел угодить. Согласны? Сумел Шекспир угодить публике — вот его и ставят сотни лет. Сумел Пеле угодить болельщикам — носили на руках.

У нас (в России, в XXI веке) возвысились те, кто сумел угодить вам.

Ясно, что Сергей Иванов не стратег, не полководец, ясно, что армия технически и морально в ужасном состоянии (самолеты падают, лодки тонут, солдаты вешаются, лейтенанты стреляются), но он продолжает быть министром обороны, повышен в вице-премьеры, рассматривается как основной ваш наследник — значит, сумел вам угодить.

Грызлов, Сечин, Миллер, Медведев, Фрадков ничем не прославились, ни одного мужественного самоотверженного поступка, ни одного достижения, никакой пользы стране — нам не за что их любить и уважать. Но вы их возвысили — значит, они сумели вам угодить.

Извините за длинное вступление — перехожу к цели письма.

Если они сумели вам так хорошо угодить, что вы ставите их на ключевые посты, прощаете самые ужасные провалы, то, выходит, эти провалы (губительные для Родины и людей) в ваших глазах значат меньше, чем их угождение.

К примеру, прокуратура бросила все силы на уничтожение одной компании, и вам, видимо, это так нравится, что все остальное прокуратуре прощается.

Что же для вас важно? Чем человеку угождают — то он и есть. Обжоре угождают едой, гордецу — лестью... Перефразируя поговорку: скажи, за что возвышаешь, и я скажу, кто ты.

Екатерине II были угодны рослые кавалергарды с большим прибором. И в результате возвысились Орловы, Потемкин... А будь она, извините, другой ориентации — история пошла бы иначе. Ни Орлова-Чесменского, ни Потемкина-Таврического, — не было бы военных побед и роста территории, зато расцвело бы производство кружев и батиста.

...Что вам нравится в них? Чем они вам угождают? Это не частные и не праздные вопросы, ибо ваша личность накладывает отпечаток на всю нашу жизнь. Даже ваши интимные пристрастия. Вот, например, вы любите кататься на горных лыжах, и это чрезвычайно дорогое удовольствие захватило всю правящую верхушку: аппарат, Думу, правительство, губернаторов. Губернаторы строят подъемники, шикарные отели и спуски. Дума принимает закон о двухнедельных январских каникулах, хотя народу они нужнее летом для огорода и для простого отдыха (лес, рыбалка).

Январские каникулы создали жуткую яму в экономике. Но горные лыжи, значит, важнее.

Это — на виду, это не скрывается. Хотя когда в конце января на экранах ТВ перед глазами народа появляются спустившиеся с Альп, дочерна загорелые министры и депутаты, это не добавляет уважения к властям.

Владимир Владимирович, ответьте честно (я никому не скажу) — разве вы сами уважали назначенцев своего предшественника: его бездарного министра обороны, погубившего тысячи солдат, его тупых охранников, которых он сделал всемогущими? А за что он их возвысил? Только за бесконечную лесть. Больше ж они ничего не умели (личное обогащение, понятно, не в счет — это они все умеют).

Вы ж, наверное, как и все, ужасались, глядя, что они творят: раздача промышленных гигантов, стрельба из танков в Москве, война на Кавказе, дефолт...

Президент тогда окружил себя таким убожеством (жадным, наглым и глупым), что за 9 лет его власти не раз с ужасом думалось: случись с ним что — какой урод будет нами править?

Но у того хоть были оправдания: старость, инфаркты, пьянство. А вы молодой, здоровый, специально обученный разбираться в людях. Неужели и вы любите рабство и раболепие? Людям очень хотелось бы убедиться, что это не так.

25 ноября 2005

№ 50

АМПУТАЦИЯ СОВЕСТИ

Сергей ИВАНОВ, вице-премьер, министр обороны России: «Я последние несколько дней находился далеко от российской территории*, высоко в горах, и о том, что произошло в Челябинске, не слышал**. Думаю, что ничего очень серьезного там нет».

Товарищ Верховный главнокомандующий, произошла ужасная ошибка! Ходорковский — в штрафном изоляторе, а солдату отрезали ноги и половые органы.

А ведь проступки несоизмеримы. Один не угодил сержанту, а другой — президенту (вам). Там, где определяют меру наказания, ничего не перепутали?

И последствия, похоже, отличаются. Сержанту грозит первый срок, а вам третий.

И не слушайте, если вам скажут, что эти события не связаны. Еще как! Это два конца одной палки, поставленной вертикально. Один конец (нижний) — сержантский, а другой (верхний) — президентский.

...Вернемся к двум наказанным. Один отошел от швейной машинки, другой — не привел девок. Впрочем, если вам не докладывали, придется пояснить. Бывший миллиардер в первый

* Надо бы вдуматься в его речь. «Далеко от российской территории» — не от Родины, не от России, не «за границей». Почему он использует слово «территория», когда говорит о нашей стране?

** Ужасная глупость (с медицинской точки зрения — диагноз); министр обороны признался, что вдали от России теряет связь. И при этом он еще «думает».

раз проштрафился, на десять минут отойдя от сломавшейся швейной машинки.

Против строгих правил глупо возражать, строгость нужна. Но как подумаешь — сколько внимательных глаз оплачиваем мы своими налогами. Телекамеры, надеюсь, фиксировали плохое поведение зэка для последующих доказательств его вины в Страсбурге.

Это неплохо. Внимательный надзор нужен, очень нужен.

Но вот распределение надзора не кажется справедливым и разумным. Зэку заметили десятиминутную отлучку. Если она, отлучка, чему-то и повредила, то лишь плану пошива мешков. На полмешка меньше получила наша родина. Но видимо, требовалось зафиксировать хоть какое-то нарушение, чтобы лишить зэка свидания с женой. В их глазах этот внезапный запрет выглядит, несомненно, садистской жестокостью. Но у них хотя бы есть дети. И надежда на свободу через несколько лет.

А солдата били и мучили целую ночь. А потом он несколько дней хромал и падал. И никто не замечал (потому что все внимание приковано к зэкам). У этого солдата никогда не будет детей. И надежды, что ноги вырастут, тоже нет.

Насилия и убийства происходят в армии. Не в Чечне и не в одном полку, а во всей армии и постоянно. Значит, не какого-то полковника, а Верховного главнокомандующего и министра обороны надо наказывать.

(Если газета допускает грубую ошибку, то извиняется не журналист, а главный редактор. И наказывают всю редакцию, а не отдел.)

Вот если бы вы как Верховный главнокомандующий начали лично писать похоронки и извиняться перед родителями и жертвой (если она осталась жива).

Это будет, увы, ежедневная ваша обязанность. В результате: или очерствеете окончательно, или проймет, и вы сделаете хоть что-то, чтобы остановить беспредел.

...Одних мочат в казарме, других — в зоне. Свободы и братства нет, но равенство, похоже, есть. Это равенство называется «закон — тайга, медведь — хозяин».

Когда такое равенство входит к королю (Карлу I, Людовику XVI, Николаю II), то обычно в виде палача.

Жестокость — в армии (к своим), в милиции (к задержанным). Но ведь это одна жестокость. Все силовики — ваши.

Нет сомнений: можно найти отца, который хочет, чтобы сын стал милиционером. Но если спросить иначе...

Хотят ли отцы, чтобы их дети стали милиционерами, чтобы бороться с преступностью, защищать покой граждан?

Идут ли в МВД юноши, чтобы бороться с преступностью, защищать покой граждан?

Если нет, если они идут туда с другой целью — значит, у нас нет милиции. Нет защиты. Если да — покажите хоть одного из десяти. А если он один из десяти, то система его выкинет, и скорее всего без яиц.

Про строгое наказание за недопошив мешков министр внутренних дел ничего не сказал. Должно быть, не знает.

Про трагедию солдата министр обороны сказал, что ничего об этом не слышал. И уверен, что ничего серьезного там не произошло.

Остаться без ног и прочего — ничего серьезного. Это ж не его сын. Заяви такое в подобной ситуации министр обороны западной страны — считай, покойник (политический).

А мы вынуждены спрашивать: товарищ Иванов, а когда вы высоко в горах — у вас связи нет? И сколько дней вы были за облаками? Ведь солдата истязали в ночь на Новый год... Прощел почти месяц.

Мои старшие сыновья отслужили в армии. Один из них — на Дальнем Востоке. Периодически его за строптивость сажали в карцер. Термометра на стенах не было, а лед — был. Сын объяснял нам, вернувшись, что в карцере надо стоять на каблучках. Если поставишь ноги на подошву — отморозишь. О том, чтобы сесть или лечь, речь не шла.

Товарищ Верховный главнокомандующий, буду стараться, чтобы младший не попал в армию. Но и чтобы он стал стеречь эков — тоже не хочу, от поступления в милицию постараюсь отговорить. Чтобы сберег и честь, и ноги, и душу.

27 января 2006

УБИЙСТВЕННЫЙ НАРОД

Владимир Владимирович, это письмо вам, но не про вас. Надо же иногда и о народе подумать. Чуть было не написал «о вашем народе», а потом спохватился — он же наш (общий), в том смысле, что мы с вами его составная часть.

И солдат, которого искалечили, — его составная часть. И те, кто калечил, — тоже.

Недавно ехал по Тверской в вашу сторону (от Маяковки к центру; центр жизни и центр Москвы временно географически совпадают в Кремле). Перед площадью Пушкина остановился на красный.

Огромный поток машин двумя рукавами двинулся от кинотеатра «Россия» через Тверскую на Большую Бронную и на бульвар.

В это время «скорая помощь» пыталась пересечь площадь Пушкина по Тверской от центра. Она включила все свои мигалки, включила сирену на полную мощность. Слышно было хорошо, хотя между нами поперек Тверской двигались десять рядов, сотни машин.

И никто не сделал даже попытки пропустить «скорую».

В потоке не было начальственных мигалок, не было нелегальных мигрантов, американцев, думаю, тоже не было. Поперек Тверской ехал русский народ. Лучшая его часть. (Средняя — в метро, в автобусах, а худшая — нищая — на свалках, вокзалах, на папертях.)

Эти, которые ехали, не пропуская «скорую», — у них есть хорошая работа или у девушек богатые спонсоры. Они — в машинах, они благополучные, снаружи минус 20, а внутри — плюс 20. И в общем, они в комфорте. Хотя и в пробке.

Если ты в пробке, то есть смысл пропустить того, кто едет поперек. Ничего не потеряешь. Пропустишь, а через пять секунд догонишь свою пробку. Пять секунд, а зато возникнет приятное чувство, что ты — хороший человек.

«Скорые» по Москве почти всегда едут молча (меня раза три возили на «скорой» — всегда тихо, без сирен, без мигалок; мне казалось, что это правильно; хоть везли в больницу, но я же не умирал). На Западе «скорые» всегда воют — едут ли они за больным или с больным. Там всегда уступают им дорогу. Там водитель «скорой» не думает, включать или не включать сирену, не берет на себя ответственность, не решает, надо ли спешить. Он несется как сумасшедший, зная, что все его пропустят.

У нас «скорая» завывает, только если в ней умирающий. Его жизнь иногда зависит не от минут — от секунд.

И вот — Москва, богатый сверкающий город, вечер (никто не опаздывает на работу, едут ужинать), «скорая» воет, никто не пропускает; а этот там, в фургоне, пусть сдохнет.

Лучшая часть народа обычно недовольна другими частями: от них тесно и воняет, от них грязь; противно смотреть, какую дрянь они носят, какую дрянь они пьют.

Лучшая часть предпочла, чтобы человек умер, лишь бы не потерять пять секунд.

И виноват не один какой-то подонок. Подумайте, Владимир Владимирович: вот негодяй, который едет перед тобой, не пропустил «скорую». Что же мешает тебе притормозить? Ведь если ты остановишься, все, кто за тобой, автоматически остановятся. Зачем ты помчался догонять негодяя? Объяснить ему, что «скорую» надо пропускать?

Приедут домой, сядут ужинать, включат телевизор, увидят новости про искалеченного солдата и (с набитым ртом) возмутятся: «Какие же подонки! Какая жестокость!» Лучшая часть ужинает, смотрит ТВ, возмущается жестокостью, искренне не помня, что полчаса назад не пропустила «скорую», считая свои пять секунд важнее чужой жизни.

История челябинского солдата взорвалась как бомба. Знаем, какие органы ему ампутировали, знаем, кто истязал, кто арестован. Но этот парень — один из сотен (а может, из тысяч),

с которыми произошло примерно то же. Но общество не взрывалось.

Не знало?

За неделю до этого взрыва, который накрыл даже министра обороны (не волнуйтесь, Владимир Владимирович, он вывернется, выживет; ваши друзья не тонут), в «Известиях» была целая полоса об истязаниях. Цитирую показания воспитательницы детского дома:

— Когда милиция поймала и вернула в детдом Васю К. и Валеру А. (имена изменены), бегунков заставили раздеться до трусов, сесть на корточки и вытянуть руки вперед. Под зад им подставляли спицу.

— Зачем?

— Чтоб не сели на пол. Спицу держал Иван Михайлович.

— Кто это?

— Воспитатель. Потом он устал и дал подержать спицу воспитаннику Мише Кальянову...

Это ведь точно то же самое, что в танковом училище. Держать человека на корточках, не давая ни сесть, ни встать. В армии за попытку встать или сесть — били. В детдоме не сядешь, спица воткнется в задний проход. Это пытка, Владимир Владимирович. Это пытаются ребенка. Это пытаются детей по всей стране. За то, что опоздал, за то, что описался, разбил, не понял.

Напечатано в центральной газете две недели назад, а ничего не взорвалось. И «МК» о таких случаях сообщал, и кто только не сообщал...

Этот воспитатель Иван Михайлович, который устал держать спицу, эти тысячи истязателей — это же наш народ. Вы ему, народу, три года назад обещали покончить с беспризорниками (но ведь не убийством же, не пытками). Все, что сделано для детей, — почти полный запрет для западных усыновителей...

А сколько раз обещали покончить с дедовщиной, с ментами-оборотнями, с коррумпированными чиновниками... Как подумаешь — получается, с половиной народа надо покончить. В том числе с лучшей частью. А кто тогда будет за вас голосовать?

30 января 2006

ЖИЗНЬ СУРКОВА

Владимир Владимирович, напрасно вы вздрогнули; письмо это не про кремлевских идеологов, а про нашу жизнь. «Жизнь суркова» отвечает на вопрос не «чья?», а «какова?».

Когда говорят, что жизнь хренова или сурова — это значит, плохая или строгая (строгого режима). А суркова — это значит, заколдованный круг. В известном американском фильме «День сурка» происходит короткое замыкание времени. И день, когда случилось это замыкание, начинает повторяться снова и снова.

А у нас не день, у нас — жизнь сурка.

Самое свежее доказательство: вы только что предложили устроить нам военную полицию. Мол, будет порядок.

Уж не помню кто (Брежнев? Андропов? Горбачев?) устроил нам госприемку. Мол, качество продукции достигнет мирового уровня... Где эти великие лидеры сверхдержавы, где эта госприемка, где сама держава — никто не знает, хотя ответ на вопрос «где-где?» напрашивается сам собой. А качество какое было, такое и есть.

Военная полиция — где ее взять? Убавите армию? Или гражданское население? Вопрос важный.

Население России сокращается стремительно. Вы стремительно увеличиваете число чиновников и охранников. А кто будет работать? Копать — понятно, таджики. А лечить, учить, ковать победу?

Это загадка: почему половине населения (было 280 миллионов, осталось 140) требуется вдвое больше чиновников, чем было в СССР? Наша нагрузка на их содержание увеличилась, а

их нагрузка вроде бы уменьшилась. Понятно, они работают не с людьми, а с документами (стодолларовая бумажка — это документ, Владимир Владимирович, на ней подписи есть, а на наших денежках подписей нету; они тихо исчезли вместе с надписью «обеспечивается золотом и драгоценностями Государственного банка»)... Впрочем, мы отвлеклись от сурковости жизни.

Всё, с чем борется наша власть (советская или ваша — не важно; важно, что наша — то есть российская), всё выходит наоборот. Даже жутко.

Борьба с алкоголизмом была грандиозная — нынче пьют как никогда. Моральным кодексом строителя коммунизма насиливали нас непрерывно (в школе и на работе, в газетах и по ТВ) — дело обернулось тотальным взяточничеством и первым местом по экспорту проституток.

Диктатура закона обернулась беспределом и произволом. Поиск национальной идеи — разгулом похабщины...

Конечно, есть и успехи. Успешно отняты льготы, успешно убиты почти все террористы в Беслане, вы успешно поддержали Буша (который вместо «спасибо» стал делать грубые антисоветские заявления), прекратились безобразные споры хозяйствующих субъектов (потому что остался один хозяйничающий субъект)... Единственное, что пока не удалось представить народу как успех, — смена власти на Украине. Чем сильнее вы пихали Януковича на киевский престол, тем огромнее становилась толпа на майдане.

Бог (или кто-то) смеется над нашими гордыми достижениями. Машины стали роскошными, но по городу мы движемся медленнее, чем Пушкин. А если учесть давку, выхлоп... Погружение в метро — погружение в выдох (и выхлоп) сотен тысяч с их гриппом, кариесом, перегаром — список компонентов выхлопа вы и сами продолжили бы, если б решились прокатиться.

У нас лучшие в мире истребители, «Град», «Ураган», вертолеты, а у горцев почти те же ружья, что в XIX веке, но Кавказ, завоеванный ружьями, мы почти потеряли, Азию потеряли, Украину, Прибалтику...

Квадрофоны неизмеримо лучше фонографа и патефона. Но музыка, которая гремит повсюду, неизмеримо хуже Баха и

Моцарта. Она спустилась к тамтаму, к тупому фрикционному ритму.

Типографии неизмеримо лучше, печать цветная, но литература...

Упаковка стала неизмеримо лучше, но масло, сыр — все, что когда-то заворачивали в бумажку, стало хуже.

Владимир Владимирович, кажется, вы так и не ответили на удивительную загадку: если жизнь, как вы утверждаете, становится все лучше, то почему продолжительность жизни все короче?

Вас очень хвалят за прекрасную речь, за остроумные ответы; особенно восхищаются очередным рекордом: три с лишним часа вы отвечали журналистам.

Рекорд? Но до Хрущева вам далеко. Он говорил по пять-шесть часов. Ему для этого даже не требовались вопросы. И Горбачев говорил подолгу и очень хорошо, но народ, который за словом в карман не лезет, придумал ему убийственное прозвище «безалкогольная бормотуха». Это я к тому, что очередной рекорд по увеличению продолжительности произнесения обещаний... нет, лучше эту мысль оборвать.

Помните, как все мы (советские) брали на себя социалистические обязательства? Вот было мучение. Раз в год ты должен сочинить бессмысленную бумагу, содержащую 10—15 обещаний.

Первые три придумать было легко (да уже и наизусть их знали):

- трудиться изо всех сил;
- соблюдать трудовую дисциплину;
- содержать свое рабочее место в чистоте...

Эти универсальные обещания (особенно последнее) вошли даже в анекдот про советскую проститутку-комсомолку.

Дети обещали учиться только на хор. и отл., шпионы — завербовать не меньше одного агента в квартал (поправьте меня, если я ошибаюсь)...

И вот пришла свобода. Она освободила нас от необходимости высасывать из пальца соцобязательства. И только вы ежегодно продолжаете брать их на себя.

Правда, вам легче. Во-первых, все эти пункты (покончить с бедностью, с коррупцией и пр.) пишут вам опытные сотрудники. И от вас требуется всего лишь озвучить. Кажется, немного.

Даже удивительно, что историческая ответственность возлагается на того, кто произнес. А те опытные сотрудники, которые написали, продолжают переписывать старые обязательства для новых вождей.

Если бы, Владимир Владимирович, жизнь была только сурова, мы бы двигались вперед. Но она еще и суркова. Мы буксуем.

2 февраля 2006

ХУ ИЗ МИСТЕР ПУТИН?*

Владимир Владимирович, видите, что иногда получается из неудачных шуток? Какой-то карикатурист думал небось, что остроумно пошутил, — горят посольства, есть убитые...

Вы тоже любите шутить. Не дает покоя ваша шутка о государственном отношении к свободе печати: **«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться»**.

Вы любите эту шутку, употребляете ее и в разговоре с лидерами Запада, и в кругу соотечественников, то есть продвигаете ее и на внешнем, и на внутреннем рынке. Те, кто хочет вам угодить, старательно смеются. Некоторые — в десятый раз, что особенно трудно.

Вы год за годом повторяете эту шутку — значит, в ней отражена ваша позиция, ваш жизненный принцип. И события уже столько раз это подтвердили, что сомнений ни у кого нет.

«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться».

Знаете, прессой я себя чувствую, а женщиной — нет. Видимо, поэтому я тем сильнее сопротивляюсь; ваше предложение мне трудно принять — мешает ориентация. Мешает внутреннее отвращение. Оно же побуждает разобраться в вашей формуле.

Первая часть говорит о некоем мужчине. Что он «пытается» сделать с женщиной — угостить ее мороженым? привить от гриппа?

* Первоначально заголовок выглядел **«ХУ Ю, МИСТЕР ПУТИН»**, но в процессе верстки кто-то сказал, что это неграмотно, что надо «ху а ю». Я пытался объяснить, что эта заметка не про английскую грамматику. Не помогло.

Нет, и по тексту, и по игривой интонации совершенно ясно: он пытается завалить ее в койку, а культурно говоря — удовлетворить свои скотские потребности. Скотские — поскольку без взаимности. (Хотя должен вам сказать, что у скотов без взаимности не бывает; да вы и сами знаете: если Кони не захочет...)

Так что власть в этой ситуации — грубая скотина, увы.

Вторая часть вашей шутки: пресса, мол, как женщина, должна сопротивляться. А когда женщина **должна** сопротивляться? Видимо, когда не любит.

Вы сказали «**должна** сопротивляться» — значит, вы (власть) точно знаете, что мы (пресса) вас не любим.

А как называется, если она сопротивляется, а он пытается? В Уголовном кодексе это называется насиловать. По-вашему, власть должна насиловать прессу? Возможно, это соответствует природе власти.

А что должен сделать нормальный человек, если видит, как мужчина пытается, а женщина сопротивляется? Нормальный скажет: «Эй, мужик, ты что к ней пристал?» Или без лишних слов съездит насильнику в рожу. Это, Владимир Владимирович, как вы понимаете, некий идеал. Жизнь жестче.

Если насильник — главарь местной банды (или дворовой шпаны), известный жестокостью и мстительностью, а проходной трусоват и восточными единоборствами не владеет, то, увы, скорее всего пройдет мимо, сделав вид, что не заметил — не слышал, не видел.

Так оно у нас и идет: власть пытается, пресса сопротивляется, но никто не заступает — не замечают, наверное.

Такое поведение прохожих позволяет властям «пытаться» не стесняясь.

Но сила на нашей стороне.

За нами журналисты Пушкин и Достоевский, а за вами — кремлевские, павловские, барвихинские. Одно дело — язык Жуковского, другое — язык Жуковки.

Вы, может быть, не поверите, но эти письма переживут вас (вашу власть). Хотя бы некоторые, хотя бы ненадолго. Ибо они не о вас лично, а о Власти.

Прошло всего сто лет, и люди ничего уже не знали о царе (об императоре!), кроме:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Мало кто помнит, о каком из полковников Пушкин это написал — об Александре I или о Николае I. «Нечаянно» у Пушкина означает «случайно».

Каково это чувствовать, что в цари тебя пристроил ненавидимый народом олигарх, тогда — могущественный, теперь — беглый.

За вами армия, КГБ, МВД... вы издаете приказы, указы.

За нами — Пушкин, Достоевский... они издавали газеты, журналы, писали заметки (а не только стихи и романы). Власть пыталась изо всех сил, а они сопротивлялись. Она держала их под надзором, отправляла их в ссылку, на каторгу. И вот — ее нет, а они есть.

Мы победим. Весь ход истории — за нас. Пушкин и Достоевский сильнее.

Они сильнее, потому что они не предают. Никогда.

Они опора. Для одних опора — Евангелие, для других — «Mein Kampf», а для кого-то — примитивные спекуляции политсантехников.

Помните стишок:

«Все мое», — сказала злато;
«Все мое», — сказал булат.
«Все куплю», — сказала злато;
«Все возьму», — сказал булат.

Стишок кажется детским, но Пушкин написал его чуть ли не в конце жизни.

Похоже на передел имущества. На спор олигарха с КГБ (потому что булат здесь, конечно, не армия; здесь описана не война, а дележка).

У вас все так и получилось; теперь у вас и то, и другое — и сила, и деньги; но при этом обе руки так заняты, так оттянуты, что трудно даже шевельнуться.

Некоторым школьникам, когда они проходят этот стишок, кажется, будто Пушкин на стороне булата, потому что школьник думает, будто булат — романтический, рыцарский, благородный меч, а не нож бандита, не топор палача.

Пушкин, конечно, ни там, ни там. Ему не надо ни покупать, ни насиловать (грабить). Ему **не надо** — вот в чем дело. И вот откуда свобода.

«Все возьму», — сказал булат. Прав — не прав, об этом и речи нет. Возьму, и все.

Помните, всякие досадные конфликты вы пытались представить миру как спор хозяйствующих субъектов. Этот период позади. В стране остался один хозяйничающий субъект (трудно не восхититься русским языком; попробуйте-ка объяснить какому-нибудь Бушу тонкости суффиксов «ствующ» и «ничающ» — он и не выговорит, куда уж понять)*.

Пушкин не с булатом и не со златом. Он с теми, в ком чувства пробуждает лира, а не звон монет. Помните знаменитое:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

Когда он говорит «ко мне не зарастет народная тропа» — чем он рассчитывает приманить? Уж точно не зарплатой, не пенсией.

Не силой и не деньгами, а чем? Любовью? Или, может быть, силой духа.

В знаменитом «Памятнике» дальше идут убийственные для власти строки:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа!

Вы уж извините, Владимир Владимирович, но автор здесь ставит себя выше императорской власти. Не сомневается в сво-

* А разница большая. Хозяйствует крестьянин и т.п., а хозяйничает оккупант, самодур...

ей силе и в своей победе («вознесся» — значит, уже свершилось). И не талант он приводит как доказательство (талант может робко забиться в норку). Пушкин говорит о непокорности.

Мы хорошо понимаем, что нам до Пушкина непреодолимо далеко, но ведь и вы — не помазанник Божий.

«Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться».

А зачем этот ваш продолжает пытаться? Если она сопротивляется — значит, не хочет, не любит, испытывает отвращение. Он же мог бы пойти к проституткам. Если есть деньги (а у него есть), то никакого сопротивления он там не встретит.

Значит, помимо плотского удовлетворения, ему хочется заставить, сломать, помучить. Ему плевать, что она чувствует, и чем сильнее она сопротивляется, тем сильнее будет его удовольствие, когда принудит.

Но ведь жертва ненавидит насильника. Она при малейшей возможности всадит ему нож (украинская пресса расправилась с Кучмой в ту же секунду, как только смогла).

Владимир Владимирович, все ли вас любят из тех, кто восхваляет? Любят ли вас тысячи сотрудников государственных телеканалов — коллективный авангард и производитель народной любви?

Можно ли им верить? В ту секунду, когда они выражают любовь к вам в эфире, — да.

Можно ли рассчитывать на них в трудную минуту? М-да...

Советскую власть восхваляло сто процентов пишущих, говорящих и показывающих. А хоть один заступился за нее в августе 1991-го? 19 августа заступились многие, а 22-го — ни один! В три дня случился полный переворот мыслей — и вся любовь.

Не хочу вас огорчать, но советские журналисты ненавидели советскую власть. Чем больше она заставляла себя любить, чем меньше у прессы оставалось возможности сопротивляться, тем сильнее была ненависть. Ее накопилось так много, что, когда насилие заколебалось, стена рухнула мгновенно.

Есть люди, которые до сих пор (уже 6 лет) тупо задают вопрос: «Ху из мистер Путин?» Им, видать, боязно задуматься над

вашиими шутками. Лучше делать вид, что не слышишь, не видишь, не понимаешь.

Кстати, в нашем с вами случае — все наоборот. Я пытаюсь, а вы — сопротивляетесь. Я (как мужчина) пытаюсь что-то объяснить, а вы молча упираетесь, то есть даже не приводите дежурные аргументы, типа «мне сегодня нельзя», «я не готова», «ты перестанешь меня уважать».

Похоже, вы нас с кем-то спутали и перестали нас уважать. Обычно такое происходит взаимно.

10 февраля 2006

ТЫ РУССКИЙ ЯЗЫК ПОНИМАЕШЬ?

Владимир Владимирович, это самое простое письмо. Специально короткими предложениями. Без иностранных слов. Чтобы понял министр обороны.

К самому Иванову обращаться бесполезно. Он слышит только вас. Прочтите ему. И помедленнее.

«Ты русский язык понимаешь?» — так спрашивают не иностранца. Так спрашивают русского. Такого, которому сто раз объяснили, а он — ни туда, ни в Красную Армию.

Иванов выступал в Думе. Опять валил беды армии на общество. Мол, каково общество — такова и армия.

О каком обществе речь? Об обществе слепых? Об обществе с ограниченной ответственностью? Нет. Иванов имел в виду всю Россию. Он сказал:

— Да, в Вооруженных силах, к сожалению, совершаются преступления... Но совершаются они в том числе и потому, что наша армия — часть всего российского общества.

Владимир Владимирович, это нечестно. Наши танки мы сравниваем не с «Жигулями» и не с «Окой». Наши танки мы сравниваем с американскими. Наши «МиГи» и «Су» — с лучшими западными истребителями.

Сравниваем наших спортсменов с лучшими атлетами мира. И не говорим, что наша сборная отражает больное и бедное общество.

Нашу армию, наших солдат и офицеров надо сравнивать с лучшими армиями мира.

В чужих странах тоже полно преступников и сумасшедших. Но ведь если придется воевать — то не с ихними инвалидами и алкоголиками.

Вот пример. В России и в Швейцарии примерно одинаковое число самоубийц (на тысячу жителей). В нашей армии самоубийств полно, а в швейцарской — их нет совсем. Их армия не равняется на психов.

В армии нет пенсионеров, нет грудных, нет смертельно больных. Не надо сравнивать смертность в армии со смертностью населения.

В обществе каждый двадцатый — сумасшедший, каждый седьмой — алкоголик. Но не хотелось бы, чтобы так было на атомных подводных лодках и везде, где ядерные кнопки, танки, огнеметы.

...Владимир Владимирович, а министры — тоже часть общества?

В обществе около шести миллионов уголовников. Речь при этом не идет о детях и глубоких стариках. Значит, среди трудоспособного населения каждый десятый — уголовник.

Значит, среди министров... А среди депутатов... А среди губернаторов... А в вашей администрации... Ой-ой-ой.

Нет, жизнь министров и генералов не похожа на жизнь общества. Общество не берет гигантские взятки, не продает оружие врагу.

Солдаты стирают носки сержантам, а генералам строят особняки. Это большая разница.

Когда заходит речь о зарплате, наши генералы сравнивают себя с генералами богатых западных стран, а не с нищими племенами.

А когда речь заходит об уме...

Ум Иванова хотелось бы сравнивать с министерским, а не с большим среднеарифметическим. Но увы. Ему терпеливо объясняют (как недоразвитому ребенку), а он не понимает. Или прикидывается.

И похоже, он нравится вам все больше и больше. Он говорит глупости. Вы его повышаете. Значит, именно такие качества вы цените в подчиненных.

17 февраля 2006

№ 55

РОДНОЙ ТОВАР

Владимир Владимирович, присмотритесь к народу. У него опасное направление ума и дурные склонности. Он предпочитает «мерседесы», «хонды», «рено», «форды» — короче говоря, народ предпочитает заграничные машины. Отечественные ему не нравятся. «Оку» покупают те, у кого на хорошие денег не хватает. Можно сказать, по бедности.

Сыр, вино, телевизоры, магнитофоны и сигареты, даже воду! люди предпочитают иностранные.

Валюта, банки, отдых у моря, велосипеды, лыжи, одежда, обувь, часы, медицинские инструменты, музыкальные инструменты...

Можно было бы долго перечислять лекарства, фотоаппараты, батарейки, телефоны и компьютеры, но процесс зашел гораздо глубже. Дело не только в списке товаров. Дело в образе жизни и образе мыслей.

Богатые предпочитают заграничные роддома. Жены русских министров и депутатов рожают в Америке (и не только ради гражданства, но и ради здоровья).

Наши дети играют заграничными игрушками. Когда магазины завалены китайскими куклами и машинками, нам объясняют: это, мол, потому, что у китайцев дешевая рабочая сила. А чем объяснить пистолетики из Германии? В Германии рабочая сила очень дорогая.

А почему люди предпочитают заграничную эстраду? Ведь многие не понимают ни слова.

Дошло до «святого» — сперва футболистов, а теперь и тренера сборной выбираем заграничных. А ведь футбол — это наша национальная идея (другой, увы, пока нет).

Не стал бы вас попусту беспокоить, но тут выяснилось, что даже вы, Владимир Владимирович, — плоть от плоти родного народа.

Вы подарили нашим спортсменам «лексусы» и «тойоты». Русский президент дарит русским олимпийским чемпионам японские машины. Согласитесь, это плохо похоже на поддержку отечественного производителя.

(Приличнее было бы подарить девочкам — «япончеч», а мальчикам — что-нибудь немецкое, вроде «БМВ». А еще бы лучше — подарить русское: девочкам по корзиночке якутских алмазов, а мальчикам по мешку уральских самоцветов. А еще бы лучше, чем дарить от имени президента то, что куплено на деньги послушных богачей, сделали бы что-нибудь своими руками: нарисовали бы какую-нибудь картинку или женская часть вашей семьи вышила что-нибудь крестиком.)

...Итак, положение ужасное. Если наш человек выбирает свободно — он выбирает чужое.

Только президента и депутатов народ почему-то выбирает своих. По бедности? Или закон не разрешает выбирать иностранцев?

Похоже, это очень полезный закон. Потому что на граждан положиться нельзя. Они однажды уже выбрали варягов. (Даже страшно подумать, что при этом чувствовали русские князья.)

Впрочем, артистов все-таки предпочитают наших. Вы артист, Владимир Владимирович? Депутаты наши точно артисты. Ни разу никто не видел, чтобы хоть один депутат покраснел, рассказывая, как заботится о народе.

Вам не кажется, что люди предпочли бы выбрать себе шведского депутата (варяга), который ездит в парламент на трамвае?

17 марта 2006

КУСКИ ВЕРТИКАЛИ. НЕДОРОГО

Владимир Владимирович, наконец-то я получил ответ на письма к вам. Вечером меня выловила милиция в густом потоке машин на Кутузовском (и как это они разглядели мой задрозганный номер?). Ко мне сел лейтенант, велел ехать в отделение.

— За что, товарищ начальник?

— Ваша машина в розыске.

— Почему?

— Это вы должны знать. Не догадываетесь?

Я стал догадываться. Мысленно я догадывался, а словесно тем временем убеждал лейтенанта сжалиться. Он задумался. Видя его колебания, я спросил, сколько примерно будет стоить душевная доброта. Тогда мне велели пересесть в милицейскую машину.

В машине они посоветовались и сказали, что случай сложный, что меня «пробили по базе» и теперь в их компьютере (у одного на коленях светился отличный компьютер) зафиксировано, что они меня нашли. И как же они потом объяснят, если отпустят? Потом один вышел и звонил кому-то по телефону. Вернулся, тяжело вздохнул:

— Триста долларов.

Когда он сказал «триста», я обрадовался. А когда он добавил «долларов»...

Доставили в отделение. Оказалось, Владимир Владимирович, что «хонду» у меня отнимают по требованию вашего Управления делами.

Вы на днях в Кремле дарили японские машины олимпийским медалистам. Может, думаю, одной не хватило? Но тут же

себя одернул: не станет Президент России дарить чужую подержанную машину. Дарить чужую станет (ведь за «лексусы» и «тойоты», которые вы подарили, заплатили не вы), а подержанную — нет, неприлично.

Потом оказалось, что машину у меня отняли за долги. Якобы я годами не вносил квартплату. Как вы понимаете, это вранье.

Меня с женой и ребенком два года назад действительно выселили из квартиры (она, к несчастью, была в доме, принадлежащем Управлению вашими делами). Принесли бумагу: «Срочно освободите помещение, так как оно уже выписано другому человеку» (могущественному чиновнику). Я не послушался, тогда они без предупреждения отключили воду, телефон, электричество и отопление. В декабре! А у ребенка ангина.

(Про выселение я как-нибудь вам отдельно напишу — обхочетесь. Первый заместитель управляющего вашими делами дал нашей семье билеты в Кремль на елку, на то единственное представление, где будете вы лично, и сладким голосом предупредил: «Только обязательно пойдите, а то если рядом с президентом будут пустые места, меня накажут».

На елку мы сдуру поехали. Хотелось дать чуть-чуть радости ребенку, запуганному угрозами, замученному жизнью в темноте и холоде.

А в Кремле тепло! А в Кремле светло! Мы сидели рядом с вами, вы детям улыбались, а мы на вас любовались. А в это время сотрудники вашего Управления делами взломали дверь нашей квартиры, сменили замок, чтобы, вернувшись с Кремлевской елки, мы уже домой не вошли.)

Отключать воду и отопление, выселять без решения суда — это уголовное преступление, Владимир Владимирович, вы как юрист, надеюсь, это знаете. Но прокуратура уголовного дела не возбудила, хоть мы и настаивали.

Что делать? Возмущаться по «Свободе» и «Эху» было известно. Писать в газете? А о чем? Ну выселили, но ведь не убили, не посадили. Не хотелось превращать частное дело в митинг.

Вероятно, ваши служащие-негодяи решили, что мое молчание объясняется страхом. Тогда (через девять месяцев после выселения) они подали в суд иск, будто бы я годами не платил за квартиру. Изготовили фальшивые документы, обучили лже-

свидетелей. Суд во всем пошел им навстречу, вынес постановление об аресте моего имущества за долги. И вот в пробке вечером меня «случайно» нашли, прижали...

А все-таки приятно знать, что всего за триста долларов менты готовы послать (не скажу куда) всю вашу шпану.

...На следующий день я, как было приказано, позвонил судебным приставам, которые объявили мою машину в розыск (по просьбе Управления вашими делами):

— У меня машину забрали, хотя законного судебного решения еще нет. Говорят, вы можете разрешить, чтобы я пока на ней ездил.

— Посмотрим на ваше поведение.

— У меня хорошее поведение. Вы скажите, как с машиной будет?

— Как договоримся.

Владимир Владимирович, я понимаю, что в кремлёвском журнале у меня по поведению двойка. Даже многим читателям эти наивные «письма президенту» кажутся непростительной дерзостью. (Некоторые думают, будто писать вам такие письма опасно для жизни. Что-то, значит, такое витает в воздухе.)

...Приехали мы с редакционным адвокатом в милицию, где во дворе стояла арестованная и опечатанная «хонда», а на крыльце — пристав.

— Ну что? Арестовать или дать покататься?

— Дайте покататься.

— Я вам прямо скажу: двести баксов.

Мы, Владимир Владимирович, оторопели. Пристав был спокойный, веселый, его не смущало, что нас двое; он не брал никого за локоток, не отводил за уголок, не понижал голос.

Адвокат тихо спрашивает: «У тебя сколько есть?» «Три тысячи рублей», — отвечаю. «И у меня полторы. За четыре с половиной, наверное, отдаст».

Нас, Владимир Владимирович, поразила не сумма, а именно открытость и громкость требования. Как это получается, что преступник требует взятку не таясь, а мы шепчемся?

И тут нам пришло в голову, что пора помочь вам в борьбе с коррупцией. И вы, и министр внутренних дел, и генеральный

прокурор, помнится, призывали: мол, если граждане не будут бороться с отвратительными явлениями, то милиция и прочие органы бессильны.

Адвокат для виду пошел торговаться с приставом, а я стал звонить в МВД, прямо в министерство, на Житную.

- С меня в милиции взятку вымогают. Что мне делать?
- Вы должны приехать к нам, написать заявление.
- Но ведь он же уйдет, избавится от денег.
- Ничем не можем вам помочь.
- Девушка, а с кем я разговариваю?
- Это не важно.

Она права, Владимир Владимирович, это не важно. Будь на ее месте другая — сказала бы то же самое.

Что же делать? Не скажешь же приставу: вы тут подождите, пока я съезжу куда надо и вернусь с группой захвата. И сколько времени пройдет, пока заявление примут, зарегистрируют, найдут людей («Вам русским языком говорят: все на обеде!»).

Тогда я в коридоре этой милиции остановил симпатичного молодого человека в штатском:

- Вы сотрудник?
- Да, я оперуполномоченный.
- У меня тут пристав взятку вымогает, давайте его возьмем с поличным.

Опер огорчился, нахмурился:

— А он — что, вызывает у вас личную неприязнь? У вас к нему какие-то счеты?

— Нет. Но это же преступление.

— Да? М-м-м, подождите здесь. Только никуда не уходите. Вот тут и стойте.

Пока я «тут стоял», они сбегали и предупредили пристава. Когда я вернулся к нему, он сидел задумавшись. Ничего не говорил, ничего не писал, на меня не смотрел. А потом вдруг поднял голову и улыбнулся:

— Я насчет этого самого пошутил. Вы найдите своего адвоката, скажите ему, что я пошутил. Только тихонько, чтобы никто не слышал.

(Адвокат в это время тоже бегал по отделению, искал какого-нибудь офицера, который знает, что взятка — это преступление.)

Друг от друга они не скрывают — это ясно. А от жен, от детей, от пап и мам? Если они и от детей не скрывают — это конец.

Все удивляются: как это так — благосостояние растет, а население вымирает со страшной скоростью? Есть, значит, что-то, чего власть и статистика не могут понять.

Жизнь загажена, как подмосковные леса.

...Как нарочно, в пятницу выступил ваш министр юстиции: «В местах лишения свободы смертность за год возросла на 12%, а число должностных преступлений — вдвое». Эти данные разойдутся по разным отчетам. Число смертей — в демографию. Число преступлений — в другую графу. Но эти числа связаны.

Должностные преступления — это преступления охраны, а не зэков. 12% — это тысячи людей, убитых кусочками вертикали.

Симпатичный, наивный опер был искренне изумлен: «Что этот пристав вам сделал?» Такой опер — важнейшая деталь вашей вертикали. Он не воспринимает взятку как преступление, он ее воспринимает как норму. И когда ему говорят: «Давай поймем взяточника», он спрашивает: «За что?»

Плати и проезжай. Так проехали террористы на Дубровку и в Беслан, так шахидки прошли в самолеты. Это всем известно.

Нет преступления, нет взятки, есть цена вопроса.

Эту цену (в долларах) получает кусок вертикали, а платим мы (жизнью, унижениями...).

Пристав этим ментам — свой брат. И они по-братски (бесплатно) его выручили.

Есть система, которая умеет различать самолеты «свой—чужой». Это система вашей вертикали. Кто встроился — свой (даже если преступник). Кто мешает — чужой и подлежит уничтожению, даже если не виноват.

Владимир Владимирович, вы много раз говорили о борьбе с коррупцией, даже провозгласили диктатуру закона. Но в Евангелии написано, что надо судить не по словам, а по делам.

Дело, которым вы прославились, еще не забыто. Когда Собчака собирались арестовать (квартиры? бриллианты?), вы дали Собчаку самолет, открыли границу... Считается, что вы это сделали по дружбе, а не потому, что будто бы опасались, что арес-

тованный Собчак расскажет нечто касающееся вас лично. Он умер, не успев ответить на такие вопросы.

Система выбросила всех, кто считал, что преступление — достаточная причина для наказания.

Теперь причина для наказания — личная неприязнь, личные счета. А барская любовь обеспечивает даже дураку и вору немислимую карьеру и богатство.

...Пишу вам эти банальные, простые, всем известные и надоевшие истины (но все же истины) и вижу, как вы, читая, поднимаете глаза на холуёв и спрашиваете: «Может, у этого журналиста ко мне личная неприязнь?»

...А может, я не понимаю своего счастья? Может, мне повезло, что Коптевский суд решил дело в пользу Управления вашими делами? Ведь реши судья, что я прав (а я прав на сто процентов), вышло бы, что они — уголовники, изготовители фальшивых документов. В такой ситуации они, без сомнения, могут убить (в порядке самозащиты).

В Конституции каждому гарантируется честный суд («Статья 45. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ гарантируется»). Вы — гарант.

Давайте, Владимир Владимирович, дозвонитесь до генерального прокурора — пусть честно и беспристрастно расследуют дело. Я для Генеральной прокуратуры не чужой. До сих пор на контроле у них дело, возбужденное по статье «покушение на убийство». Несколько лет назад меня пытались убить, но органы никого не искали. Даже отпечатков пальцев не сняли с той железной трубы, которой мне пытались голову проломить. И милицейская собачка след потеряла...

Кстати, как там ваша Кони? Что-то о ней давно не слышно.

20 марта 2006

№ 57

НЕ БЕЙ СВОИХ...

Уважаемый Владимир Владимирович, убийцы 9-летней девочки не виноваты. Они ее убили, но суд решил, что они не убийцы, а просто хулиганы.

Ответьте по совести — то есть без протокола, по секрету, то есть не как президент, а как человек (мы понимаем, что вам это трудно), — ответьте по совести: если бы эти юноши зарезали русскую девочку — каким был бы приговор?

И еще скажите (опять как человек): если бы в вашем прекрасном городе русскую девочку убили таджики — что бы им за это было?

Понимаете, куда ведут эти вопросы? Если по закону — то это молодые подонки зарезали ребенка (11 ножевых ранений).

И никаких национальных подробностей не надо упоминать. Ибо в Уголовном кодексе жестокое убийство остается убийством независимо от национальности жертвы и преступников.

Увы, это теория. А на практике это молодые жители культурной столицы малость почистили Санкт-Петербург от мусора.

...Если водитель насмерть задавил женщину — его судят. Если водитель — сын министра обороны, он превращается в потерпевшего. Это волшебство.

Если бы олигарх вместо того, чтобы покупать дешевую Думу, купил самую дорогую футбольную команду или даже всю НХЛ, то сидел бы не в карцере, а в кресле министра или губернатора, правда?

...Возможно, вы обратили внимание, что убийц оправдал не какой-то там старорежимный суд, а суд присяжных. Тот са-

мый, который в мечтах казался нам воплощением справедливости.

Что же случилось с присяжными ленинградцами? Они стали расистами? Или они смертельно боятся, что друзья бритоголовых обвиняемых встретят их в темном подъезде?

Владимир Владимирович, вы ж учились на юриста. Вам, наверное, рассказывали, что у Фемиды (богини правосудия) завязаны глаза. Но это не значит, что Фемида закрыла глаза на преступления. Это значит, что она выносит приговор, не глядя, кто преступник, — какая у него стрижка, какой чин у его папаши и какая была у зарезанного ребенка национальность.

А если Фемида подглядывает, да если она вдобавок подходит к телефону...

Как там у вас со связью, Владимир Владимирович? Без перебоев?

24 марта 2006

ГИТЛЕР ВЗЯЛ ЛЕНИНГРАД

Владимир Владимирович, в Петербурге опять убивали 9-летнюю девочку с черным цветом кожи. Девять ножевых ранений. То, что она осталась жива, — случайность.

Прошрое письмо было о том, как суд в Петербурге решил, что убийство 9-летней девочки — это хулиганство.

Вы опытный — вы знаете, что жестокие люди воспринимают мягкость как поощрение. Вы знаете, что безнаказанность пьянит.

Одна девочка была виновата в том, что таджичка, другая — что мулатка. Они виноваты, что не русские.

9-летние девочки — значит, всякий раз убийцы точно знают, что убивают ребенка. Что в голове у этих юношей? Что у них в том месте, где у людей душа?

Они бросаются с ножом не на врага, не на оскорбителя, не из ревности, не спьяну.

Убийцы молоды — значит, не прошли Чечню. И значит, нельзя свалить эти случаи на чеченский синдром, на вспышку ярости контуженых ветеранов.

Они не маньяки — то есть мы даже не можем сказать «больные». Они здоровые. Они убивают ребенка за цвет кожи.

Это конченные фашисты. Таких даже у Гитлера было немного. Громить, стрелять, отправлять эшелоны в Освенцим — это для них была будничная работа. А вот по личной инициативе собственноручно резать детей — таких найти нелегко.

И вот они все чаще и легче находятся в России, в Ленинграде.

И почему-то кажется, что, сделав это, они пошли туда, где их ждали друзья и пиво, и похвалялись подвигом. (Пиво на душу

мы пьем уже в разы больше, чем гитлеровская Германия времен пивного путча.)

Владимир Владимирович, почему вы молчите? Вы президент, вы гарант Конституции. Это происходит в вашем родном городе, где вы собираетесь принимать лидеров «Большой восьмерки». Остальные лидеры этой «Восьмерки» в таких случаях не молчат никогда. Может быть, вам не до этого. А может быть, вы опасаетесь потерять лицо. Ведь если вы резко осудите убийц, а убийства будут повторяться — станет ясно, что для этой молодежи вы не авторитет. Станет очевидно ваше бессилие справиться с ситуацией.

Хорошо, если вы были в горах и вам не доложили. Радио вы, наверное, не слушаете, чтобы не огорчаться и верить в свою мудрость и мудрость правительства (а если вы радио слушаете, верить в эти мудрости вам, конечно, трудно).

Если президент и вся вертикаль уклоняются от таких проблем, надо что-то делать, не дожидаясь распоряжений начальства.

Было бы правильно, если бы уехали черные футболисты, темнокожие студенты. Было бы правильно, если бы нас покинули посольства африканских стран, если бы к нам перестали ездить цветные артисты и спортивные команды, в составе которых есть небелые.

А по ТВ надо показывать советский фильм «Цирк», а не людоедов и педофилов. Помните этот фильм, Владимир Владимирович? Фашист в бешенстве орал посреди нашего цирка, указывая на белую женщину:

— У нее черный ребенок!

Он ждал всеобщего возмущения. Он ждал, что ее линчуют. Но в ответ он услышал смех. И добрый белый человек, взяв негрятенку на руки, сказал фашисту:

— Да хоть в крапинку!

Это была нормальная реакция нашего народа. Что-то случилось за минувшие годы.

...Десятилетний возраст жертвы — гарантия личной безопасности для этих петербургских белокожих юношей. Нападая вдвоем на ребенка, они уверены, что ничем не рискуют. Уверены, что нет никакой опасности для их собственного здоровья.

Если в Санкт-Петербурге есть грудные дети с темным цветом кожи — не стоит оставлять коляску без присмотра.

27 марта 2006

МУХИ ОТДЕЛЬНО? ИЛИ ВМЕСТЕ?

Владимир Владимирович, позвольте деликатный вопрос: кончились ли выборы в Белоруссии? Если выборы у соседа считаются законченными с того момента, как вы его поздравили, — тогда конец. Но на Украине именно ваши поздравления дали старт настоящим выборам, помните?

Лукашенко получил не так много поздравлений. Первым (похоже, опять не дождавшись окончательного подсчета голосов) стали вы. Вторым его поздравил президент Ирана (которого многие считают международным террористом). Третьим — Фидель Кастро (диктатор с острова Свободы).

Владимир Владимирович, хорошо, что у вас есть друзья на все случаи жизни. Для великосветских торжеств — всякие Б. (Буш, Блэр, Берлускони). Для взаимопомощи по удержанию власти — Иран, Рамзан, Туркмен и Лукашенко.

Вместе эти группы ваших друзей никогда не собираются. Так вы воплощаете в жизнь свой собственный призыв: «**Мухи — отдельно, котлеты — отдельно**». Это вы как раз Лукашенко сказали, когда он в очередной раз изображал острое желание немедленно с вами объединиться. Вы его сильно этими мухами остудили, он обиделся.

Всякому ясно, что «**Большая восьмерка**» (США, Франция, Германия, Англия, Италия, Канада, Япония и Россия) — это котлеты. Очень вкусно, очень питательно, у всех слюнки текут.

Но и мухи иногда пригождаются. Вы же не сказали: мол, мух прогнать или там дихлофосом. Вы сказали «отдельно».

И вот они к нам отдельно — то Ким Чен Ир, то Туркменбаши, то «Хамас».

Хотелось бы понять, почему на вас (на нас) так охотно летят мухи, а? Медом, что ли, мы (или вы) намазаны?

Конечно, хорошо дружить со всеми. Ласковый телок двух маток сосет (русская пословица). Но ведь это, похоже, не мы сосем, а нас сосут (именно нас, а не у нас — это большая разница). Мухи высасывают из нас дешевый газ и оружие, а котлеты — наши военные базы на Кубе, во Вьетнаме, которые мы им подарили.

Мы уступаем всем; а почему? Это в интересах России или в интересах правящей группы?

...Порой кажется, что о престиже России больше заботится пресса (ее уцелевшая свободная часть), чем властная верхушка.

Наши люди (советские и постсоветские) привыкли, что мы лучше Китая, потому что там всегда происходили большие и часто кровавые глупости (Большой скачок, Культурная революция, танки давили людей на площади).

Наши люди привыкли, что мы лучше Америки. Хоть они и богаче, но зато у них негров линчуют. Привыкли, что лучше Европы, потому что у них тесно и скучно, а мы самая большая, самая передовая, самая читающая.

А теперь все эти Б-7 с нами (с вами) «дружат». То есть с отвращением терпят просто потому, что случайно на нашей территории огромные запасы нефти и газа, и потому, что на нашей территории еще есть сделанное в СССР ядерное оружие. Это все.

Понимаете? — весь почет нам (вам) за то, что сперва на нашей территории умерло много динозавров, а позже (при Хрущеве и Брежневе) здесь делали ракеты. И когда заокеанский друг заглядывает вам в глаза, то ищет он в них (ничего личного, ни чести, ни совести) — только залежи дохлых динозавров и ржавые шахты.

У нас не осталось привычных утешений. Китай стремительно рвется вперед, мы уже не самые читающие, а в Америке давно не линчуют.

Линчуют теперь у нас. Не успел суд оправдать тех, кто зарезал 9-летнюю таджичку, как другие расисты в том же городе (в

Ленинграде) линчевали 9-летнюю мулатку. Раньше такую стремительную и жестокую последовательность событий можно было увидеть только в кино (и считать вымыслом сценариста). Бац! — а это наша действительность.

В Америке уже не линчуют. Но люди, которые любят линчевать, там, конечно, остались. Просто они боятся, что их поймают и казнят (смертная казнь там не отменена).

Теперь эти любители будут ездить к нам. Как на сафари (в Африку — на слонов, в Россию — на черных). Ведь к нам уже ездят ихние педофилы, потому что там за это — 20 лет тюрьмы, а здесь богатый иностранец приводит мальчика в столичный отель — и хоть бы что.

Это плохо, что подонки у нас ничего не боятся. А люди — боятся. И не бандитов, а ментов. Три четверти наших граждан боятся милиции, а ведь милиция — это государство. А государство — это вы.

...Как же должна была все эти годы действовать наша власть, чтобы большинство наших граждан были на стороне Лукашенко?

Аргументы у них простые: зато там не разворовали страну, не обездолили стариков, не устроили войну. И — добавлю от себя — негров там не линчуют.

28 марта 2006

№ 60

МЕНЬШЕ НАРОДУ — БОЛЬШЕ КИСЛОРОДУ

Владимир Владимирович, по телевизору неосторожно показали, что вы опять встречались с Грефом. Душераздирающее зрелище. Речь шла о серийных убийствах.

Поскольку вы вряд ли смотрите теленовости о себе (этого никакие нервы не выдержат) — расскажу, что увидел и услышал народ.

Вы с некоторыми министрами обсуждали проблемы контрафактной продукции (из-за которой Россию не берут в ВТО) — в общем, что-то экономическое. И тут министр экономического развития сказал:

— У нас огромное количество смертей от употребления контрафактной продукции. Только на алкогольном рынке в год мы теряем около 35 тысяч человек.

Вы спокойно что-то ответили. Что — не важно. Важно, что вы (и все правительство) остались спокойны.

Если властитель впервые слышит о гибели десятков тысяч подданных, он, наверное, подскакивает, вскрикивает «ах» (или на одну-две буквы больше)... А если слышит вторично, то, наверное, кричит: «Как?! Это убийство еще продолжается?!»

Но никто не вскрикнул. Деловито обсуждали экономические показатели.

Владимир Владимирович, речь, безусловно, шла о массовом убийстве, но обсуждающие этого не понимали, их головы были заняты другими проблемами.

Пожалуйста, перечитайте слова, которые вам сказал министр: «Только на алкогольном рынке в год мы теряем около 35 тысяч человек».

Не на фронте, Владимир Владимирович, на рынке. Слова «только на алкогольном» означают, что еще тысячи людей гибнут на рынке лекарств. А слова «в год» означают, что это не случайность, а стабильность.

Значит, «на рынке» (то есть в российской экономике) постоянно действуют совершенно определенные убийцы.

Сколько жертв? По словам главного санитарного врача, смертность от ядовитой водки достигла 42 тысяч человек в год; по словам вашего полпреда Полтавченко — 50 тысяч. Мы как на войне, даже не успеваем толком считать павших.

Если 50 тысяч диагностировано и попало в статистику, то смело увеличивайте вдвое — не всех же мертвецов изучают эксперты. Еще по меньшей мере 100 тысяч отравляются, но не умирают, становятся инвалидами.

Знаете, это даже с экономической точки зрения очень невыгодно. Это ж помирает народ трудоспособного возраста.

Отравленные, но выжившие плохо размножаются. Если дети у них и появляются, то часто больные, — это опять невыгодно.

Но эта невыгода — для тех, кто будет жить потом, а для тех, кто сегодня зарабатывает на отраве, — это безразлично.

Бедные похороны вряд ли стоят меньше 20 тысяч рублей. 50 тысяч покойников — миллиард рублей. А вдруг продавцы отравы и продавцы гробов — это одни и те же физические лица? Мы же с вами на рынке, Владимир Владимирович, там умеют считать доходы.

...Храните ли вы нашу переписку? (Знаю, что некоторые ваши служащие бережно вырезают каждое письмо, складывают в особую папку... Не хочется думать, что будет, когда она переполнится.)

В июле 2004 года в письме под названием «Поле чудес» говорилось: «Эксперты утверждают, что в аптеках до 80% лекарств — подделка. А ведь это смерть».

Плохой бензин — большой вред для автомобиля: портятся свечи, моторы. Продавцы плохого бензина лишают нас денег, но это всего лишь воровство.

А плохая водка, плохие лекарства — это воровство, но это еще и убийство. Иногда медленное, иногда быстрое (стакан сивухи — и до свидания)».

Видите, годы идут, а убийцы продолжают работу на рынке. За эти годы погибли сотни тысяч. Больше, чем унесла война и автомобильные аварии.

Заметьте: кто разбился на машине — часто сам виноват: не справился с управлением, был пьян и т.д. Кто погиб на войне — думал, что выполняет воинский долг. А тот, кто умер от фальшивой водки или фальшивых лекарств, — он совсем не виноват. Он не собирался умирать. Его убили.

Представляете, эти десятки тысяч жертв сначала заплатили убийце за свое отравление. Стопроцентная предоплата собственного убийства. Такого идиотизма даже в бульварных романах не встретишь.

Контрафактная продукция — это нечто сделанное без лицензии, с нарушением авторских прав. Когда министры говорят о смертях от контрафакта, они путают нарушение авторских прав и убийство. Это разные вещи. Даже в Уголовном кодексе это разные статьи.

Есть старый анекдот: картежник сделал ужасно неправильный ход и умер от инфаркта. Его партнеры идут за гробом своего товарища. Один другому говорит:

— Если бы покойник пошел с пики — было бы еще хуже.

Понимаете, Владимир Владимирович, это очень смешно: человек умер, а они продолжают анализировать расклады.

13 апреля 2006

ХОТЬ СВЯТЫХ ВЬНОСИ

Владимир Владимирович, приближается Пасха, самое время подумать о высоком.

Год назад, в Страстную пятницу (в самый мрачный день для христиан — день распятия и смерти), в уважаемой центральной газете на первой полосе появился ваш портрет и крупный заголовок: ПУТИН ВЗОШЕЛ НА ГОЛГОФУ.

Кошунство или шутка? «Взошел на Голгофу» — так говорят только о Христе. А в переносном смысле — о святом человеке, который пожертвовал своей жизнью ради людей и веры. Не ради своего ребенка — это и кошка делает. Не ради друзей или однополчан — в порыве, в бою, ради славы. Нет, он жертвует собой ради чужих, равнодушных, которые даже не понимают — насмеются и клянут.

Можно ли шутить на тему Голгофы? Наверное, можно: мы ж не исламские фундаменталисты, у нас всякие шутки дозволяются. Но в день крестных мук такой юмор кажется сомнительным.

Заголовок и так безумно льстивый, а уж в канун Пасхи!.. Такими заголовками из властителя лепят бога, а из людей — рабов.

Что это — искреннее обожествление? искренний идиотизм? лицемерная лесть? издевка?

Идиотизм отбросим, так как здесь все же есть аллегория, на которую идиот не способен.

Издевка? Вряд ли. Вот если б такой заголовок появился в газете врагов (в газете американской закулисы или беглых олигархов)... Но в одной из газет «Газпрома»... А «Газпром» — государственный, а государство — кремлевское...

Искреннее обожествление? Возможно, есть люди, искренне считающие вас высшим существом. Но кто ж поверит, что крупную газету возглавляют блаженные.

...Год назад вы действительно побывали в Иерусалиме. На Голгофу теперь взойти легко — она давно накрыта храмом Гроба Господня.

Слова «взошел на Голгофу» сотни лет употребляются только в духовном смысле. Газета остроумно вернула священные слова с небес на землю. Мол, взошел не душою, а ногами.

Игра словами?

Но слова имеют свою страшную силу. Речь — Божий дар, и Бог говорит не только устами младенцев и поэтов. Даже взрослые, солидные люди, даже чиновники иногда говорят ужасную правду против собственной воли и сами потом не понимают, как это могло случиться.

Слова сами создают смысл, который руководители газеты, уверен, не хотели вложить в заголовок. Взошел как кто?

Если ногами, то на Голгофу, видите ли, взошел не только Христос, но и охрана, и палачи.

В том же номере солидной газеты было напечатано Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси:

Дорогие братья и сестры!

Христос воскрес!

Великая радость о победившем смерть Господе...

...Пасхальное ликование — это ощущение вновь обретенного мира с Богом.

...Радость о воскресшем Спасителе...

...Сегодня — в день избавления...

...Святитель Иоанн Златоуст с радостью возвещает...

Приветствую каждого из вас еще раз, дорогие братья и сестры, всегда новыми словами: Христос воскрес! Воистину воскрес!

«Обращение» здесь сокращено во много раз. Но поверьте, оно радостно насквозь — с начала до конца. Это ликование опубликовано, повторим, в Страстную пятницу — в самый мрачный, самый печальный день для верующих.

Прозвучи в этот день что-то подобное из уст священника в какой-нибудь церкви — даже трудно представить, что сделали бы с ним. А в газете, значит, можно?

Напечатано в пятницу. Это значит, «Обращение» поступило в редакцию в четверг. В тот день Он, по словам евангелиста, «ужасался и тосковал» и молился: «Да минует Меня чаша сия», а в редакцию принесли от патриарха такую радостную весть, что, прочтя ее, все сразу, должно быть, начали разговляться.

Никакого возмущения публикация не произвела. Это вам не карикатуры на Магомета.

Никто не возмутился, а может, и не заметили. Что хуже? Увидели, поняли и промолчали — это страх. Не заметили (в смысле не осознали) — это бесчувствие (такое же, как к ежедневным сведениям об убитых в Чечне рядом с заявлениями, что там все в порядке).

Да, Иисус Христос воскрес две тысячи лет назад. Однако в дни Пасхи верующие переживают все события снова. В пятницу — распятие и смерть; и скорбные службы в храмах — со слезами, с каноническими, но «всегда новыми словами».

Каково это самому патриарху? — утром прочитать опубликованные свои слова о радости Воскресения, а вечером служить за упокой.

Патриарх, конечно, не хотел кощунствовать; он просто пристроился к графику выпуска газеты, потому что в воскресенье она не выходит.

Что важнее? Что к чему пристраивать? Кто главнее — царь земной или небесный?

Это трудные вопросы, Владимир Владимирович. Только и думай, с какой буквы писать. У Державина это решено точно:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их...

Во сонме — то есть в куче, где они копошатся. Но в советское время, когда мы с вами учились в школе, Бога писали с маленькой буквы (а «Генеральный секретарь» и «Политбюро» — с больших), и ребенку казалось (поскольку в школьном Державине все с маленькой), что в этих стихах все боги в общем-то равны, просто одного выбрали начальником.

Атеистам (далеким от церкви и приличий) суть можно пояснить слабым примером. Пусть представят, что в воскресенье ваши выборы (не важно, на какой срок), а за три дня до голосования глава Центризбиркома радостно и торжественно поздравляет вас с великой победой — она же, мол, все равно неизбежно случится.

В воскресенье телетрансляция из храма Христа Спасителя опять покажет высших руководителей страны со свечками в руках. Посмотрите потом запись — вас поразят угрюмые и скучающие лица властителей в момент, когда возглашается «Христос воскрес!». Они либо не слышат, либо не понимают, что это минута высочайшего торжества и быть угрюмыми в такой час могут только бесы, ибо это час их тотального поражения.

...Тогда, год назад, я многим показывал эту газету (где вы «взошли на Голгофу», а патриарх ликует в пятницу), показывал как некий курьез, как картофелину, которой игра природы придала неприличную форму, — мол, это всего лишь невежество, простодушная глупость.

Но находились знакомые, которые говорили: «У-у! Это специально сделано — чтобы подставить патриарха». А что такое «подставить патриарха»? Под кого? Его же не увольняют, не назначают.

Но когда газету увидел священник, то не задумался ни на секунду:

— Это же точно по Евангелию. Вспомни, как они в пятницу над Ним, распятым, издевались: «Радуйся, царь иудейский! Сойди с креста!»

21 апреля 2006

СЕЗОННОЕ САМОУБИЙСТВО

Владимир Владимирович, знаете, что сейчас начнется? (И увы, уже началось.) Народ рванет на дачи и, как дрессированный, начнет сгребать сухие листья и поджигать.

Вашу резиденцию охраняют с земли и с воздуха. Но от воздуха ее не охраняют, невозможно. Ядовитый дым вползет и к вам.

И в городе, во дворах, будет то же самое. А вы в Кремле — в центре этого пожара.

Все, что впитали листья деревьев (выхлопные газы, промышленные яды), все, что впитали они из талого снега (он весь отфильтровался через палую листву), всю отравленную пыль — все это дым поднимает с земли.

А мы — дышим.

Дышат старики и беременные девушки, бедные и богатые, сами поджигатели и все их близкие. Месяц весной и месяц осенью (ведь в октябре жгут опять).

Поджигают прошлогоднюю траву, поджигают поля и опушки, загораются дома, леса...

...Когда в конце лета горят торфяники — народ и пресса поносят беспомощную власть за нехватку воды и пожарных машин. С телеэкрана не слезает измазанный сажей Шойгу, врачи ведут подсчет умерших астматиков. А ведь торфяной дым чистый. Торф образовался в добензиновую, допромышленную эпоху.

А тут люди сами с усердием идиотов создают себе газовую камеру.

Никто не сможет круглосуточно сидеть в комнате, где непрерывно курят. Но ведь и табак — чистейший дым по сравне-

нию с дымом нашей палой листвы. Табак растет на свежем воздухе Кубы, Кавказа, а не в ядовитой атмосфере гигантского города.

По телевизору изредка говорят о вреде курения и никогда — об этом сезонном самоубийстве. А могли бы и должны бы непрерывно в каждом выпуске новостей призывать: «Опомнитесь!»

Ведь люди пока еще нужны. Люди — это покупатели, а покупатели приносят доход рекламодателям. А рекламодатели содержат телевидение.

...Если бы кто-то возле Кремлевской стены или в метро открыл баллон и стал выпускать ядовитый дым — арест и тюрьма. А листья жгут открыто — и никто не препятствует.

Учителя, врачи — все стонут: ах, дети теперь сплошь больные! А если ребенка еще в утробе матери начать травить — чего ж вы хотите? Беременным советуют не находиться в одной комнате с курящими. А находиться в одном городе с дымящими — каково?

Вдобавок в костер летят пластиковые бутылки, полиэтиленовые пакеты — весь тот химический мусор, который, сгорая, выделяет сильнейшие яды.

Сгребут, подожгут, а потом, усталые, выпивают и рассуждают: ах, как сокращается продолжительность жизни! ах, как растет заболеваемость раком.

Подходишь к такому поджигателю:

— Мужик (мадам), опомнись.

Если мужик, то в ответ слышишь:

— А я что? Мне приказали.

А если дама, то:

— Иди, иди! (И — в сторону дома.) Федя, выйди, тут твою жену оскорбляют!

Вот поэтому я и обращаюсь к вам, Владимир Владимирович. Вас все знают, вы авторитет. Вы на днях защитили Байкал (не важно, ради воды, ради людей или это результат закулисной битвы США с Китаем, — главное: сделали благое дело). Может, пока благой порыв не угас, защитите нас, а заодно и себя, своих близких?

Это трудно. Сами понимаете: легче перенести нефтепровод на Северный полюс, чем уговорить весь наш народ перестать сгребать листья.

Вот сейчас он (народ) поедет на дачи... Можно, конечно, попробовать расклеить всюду плакаты:

**ЕСЛИ ЛЮБИШЬ СЕБЯ И СВОИХ РОДНЫХ —
ЗАЛЕЙ ТЛЕЮЩУЮ СМЕРТЬ!
ЗАСТУПИСЬ ЗА СВОИХ ДЕТЕЙ!**

Но лучше, если бы вы обратились по телевизору к нации. И на свойственном вам прямом и понятном языке сказали бы народу:

— Хватит сопли жевать! Увидишь, кто листья поджигает, — подойди и дай в морду, раз другие аргументы не действуют.

А еще лучше — скажите матом. Проверено: и действует сильнее, и тлеющая любовь подданных вспыхивает со страшной силой.

28 апреля 2006

№ 63

ТОВАР — ДЕТИ — ТОВАР

Владимир Владимирович, поздравляю! — в среду вы выиграли выборы 2008 года*. За себя или за того парня, которого вы назначите, — не важно. Важно, что выиграли. Радость в каждой семье, все щелкают на счетах.

Вы пролились на наших женщин золотым дождем (как Зевс на Данаю). Хотя за шумящим ливнем миллиардов трудно было расслышать ответ на проклятый русский вопрос: кто подставит бочку?

Как сделать, чтобы детские деньги не отняли бандиты, не украли чиновники, не пропили беспутные родители? Ведь отнимут и пропьют, а грудной даже и не заметит.

Как защитить?

Времени осталось мало. Первого января начнется невероятный бум рождаемости. Я бы даже сказал «бум-бум-бум». И дети все будут крупные, похожие на двухнедельных, а то и на месячных. Их назовут «дети П.» (в смысле «дети Послания»).

Но увы, перед январским бумом будет страшный спад в декабре. Ведь народ умен. Если молодая мамаша сама не догадается, ей объяснят: «Ты дай в роддоме кому надо, а ребенка запишут, будто он родился в январе».

Вы хорошо прочли Послание. Слушал вас по радио, вспоминалось детство, первая учительница. Она вызывала к доске и приказывала: «С выражением!» Надо было звенеть голосом, поводить бровями и руками. И когда принимали в пионеры, наука эта пригождалась, потому что клятву перед лицом своих

* Президент пообещал много денег тем, кто будет рожать детей.

товарищей надо было давать торжественно, а не бубнить. У вас получается.

Но когда радостное волнение стихает когда девушки уже побежали беременеть, а банкиры и министры уже взялись за калькуляторы (потому что много миллиардов — это серьезно), тот, для кого первое невозможно, а второе чуждо, начинает задумываться (вредная привычка).

Раздать деньги — означает ли решить проблему?

Нет, одними деньгами такие дела не решаются. Чем горячее откликнется женщина (беременностью на обещание денег), тем сильнее сомнение: хорошая ли она будет мама? Если она хотела ребенка, то деньги ей помогут. А если она захотела денег — ребенок ей помешает. Он же будет в ее глазах инструментом, пластиковой карточкой.

Дети — это любовь, забота, ежедневная работа рук и души. Кормить, купать, стирать и — воспитывать.

Если только кормить — это зверек: кошка, хомячок, морская свинка. Максимум воспитанности — ходить в песок.

А чтобы воспитывать ребенка, надо не только кормить, надо не только сеять разумное, доброе, вечное, но и спасать от вредителей. А с экрана хлещет похабщина, грязь, кровь; и не за полночь, а в детское время. И детей воспитывает ящик, даже грудных (потому что это удобно: леж у телевизора, грудной не пищит).

Вы дали (пообещали) мамам денег на детей, чтобы у них были еда, одежда, ясли... Но ребенку для счастливой жизни (для нормального развития) нужен еще и папа. Об отцах вы почему-то не сказали ни слова (может, эту часть Послания писала женщина с нелегкой судьбой?). Прозвучало так, будто в стране есть только матери-одиночки, будто семья уже не существует.

Семья действительно почти разрушена. По большей части остались только дети-родители, а бабушки-дедушки с внуками уже разлучены. Да и папа-мама... Разводов едва ли не больше, чем браков.

Ребенку нужен хороший папа. А что с нашими мужчинами? Вы ничего не сказали про войну в Чечне (а разгорается уже весь Северный Кавказ), про скинхедов и прочих фашистов, про дедовщину. Эти проблемы даже не названы.

Державный орел! Одну голову гордо задрал на США и другие ядерные державы, клюет волков. А другую голову сунул в песок, чтобы не видеть пугающих проблем. Кто нам больше мешает жить — заокеанский «товарищ волк» или свои шакалы?

Деньги раздать вы можете легко. Об остальном, похоже, даже не задумываетесь. Будет ли толк? Хотите поднять численность граждан, а решить проблему хотите, как сельскохозяйственную, — деньгами на поросят.

Помните, колхозам прощали долги, давали огромные кредиты? Называлась задача «подъем поголовья». А поголовье не поднималось; знаете, наверное, где Советский Союз мясо покупал.

Там и сейчас покупаем. А сирот усыновляют — туда.

Развращенные чиновники и те, кто воспитан телевизором и пивом, найдут способ, как украсть и прогулять богатство. Чиновники направят поток себе в карман, и на Лазурном берегу под Ниццей появится новый городок «Счастливое русское детство». А маленькие люди пропьют и проиграют, не отходя далеко от дома, — все нужное рядом: и магазин, и зал игровых автоматов.

12 мая 2006

№ 64

ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

Владимир Владимирович, жарко? Не расслабляйтесь, речь пойдет о любви.

Верите ли вы в любовь? Например, в любовь ближних бояр к Ивану Грозному? Они клялись ему в любви. Он же мог внезапно любому отрубить голову. И это еще считали за счастье, потому что могли и на кол посадить.

А нынешние? Они клянутся вам в любви. Кому из них охота, чтобы вы его дернули: а ну, быстро в Кремль, пиши об уходе по собственному желанию.

Недавно так вышло с генпрокурором. Взяли — такого могущественного, страшного — как пешку, буквально пальцами за горло, и переставили. Это, что ли, он так просился в министеры юстиции?

Весь мир видел, вся дворня видела, что его выкинули. Но цинично утверждалось, что он сам выкинулся (так в армии: командир записывает солдатика в самоубийцы, а вскрыют родители гроб — синяки, переломы, ожоги).

Если бы его переход в юстицию был заранее намечен, то нам так бы и объявили: Чайку — туда, Устинова — сюда: рокировочка, мол, каждый на новом месте принесет больше пользы Родине.

Но нет. И прокурора нового судорожно искали, запуская в народ немыслимые версии. И Устинова, похоже, не знали, куда девать. А потом вы его пристроили в юстицию, показав тем самым, как мало юстиция (справедливость) для вас значит.

Ну и с какими чувствами пошел он на работу после 20 дней злости, отчаяния и страха? Любит ли он вас по-прежнему?

Ведь речь именно о любви. Если любит — все простит. А если нет...

Лето, жара, хочется в отпуск... и почему-то на ум приходит Форос.

Про Горбачева — помните? — объявили, что заболел. А потом выздоровел. Будь члены ГКЧП, будь хоть один член решительнее — мог бы и не выздороветь. А сын Грозного упал на ножик и закололся, а Павла I грохнули в спальне... Только Николая II убили чужие. Остальных — свои.

Любит ли вас по-прежнему отставленный генпрокурор, или ему кажется, что лучше бы вы внезапно заболели или не вписались в крутой поворот, спускаясь на горных лыжах?

Говорят, там у вас в Кремле разные группировки борются за власть. Которую вы назначите — та и будет счастлива, а остальные потихонечку сгинут.

Возможно, и вам приходит в голову простая мысль: для той группы, которая почему-либо потеряла надежду стать преемницей, — вы для нее (для этой группы) уже помеха и угроза. Главная помеха.

Для вас они пешки. Но каждая эта пешка в собственных глазах ферзь. Только надо пройти, устранив помехи.

Вы там друг другу (в данном случае «друг другу» — очень смешное выражение) страшно опасны. Вы знаете друг о друге самое ужасное — правду (сколько, где, на чье имя).

Чего только мы не нагляделись за эти годы, чего только не наслушались. Но одного никогда не было в Кремле — моральной сплоченности.

Вас там сплачивали интересы (но так и воровские шайки устроены). Дело в том, что интерес у каждого свой. И люди (олигархи, политики, воры) действуют заодно, пока интересы совпадают. А они никогда не совпадают надолго.

Пока добычу ловите — совпадают. Когда же приходит пора делить — увы. А она пришла.

А мораль у всех одна. Люди, сплоченные моралью, движутся к добру. На этом пути стадия дележки вообще отсутствует.

Вы хорошо знаете, кого собрали вокруг себя. (Вы согласны, что все они глупее вас? Они-то сейчас ужасно согласны.) Так восхищаться вашей мудростью может лишь тот, кто чув-

ствуется собственное убожество. Где только могут, вслух, перед народом, на узких совещаниях и на шашлыках — восхищаются.

Те из них, кто восхищается вами искренне (надеюсь, они все же есть), — значит, искренне считают себя глупее; а следовательно, так оно и есть. А те, кто лжет и лицемерит, — чувствуют свою моральную ущербность. И опять получается, что они — ниже, а вы — выше.

Лицемерие — это не только постоянная ложь. Это еще и постоянный страх (ведь все пишется, все стучат). Если президенту говоришь: «Вы — гений, Ваше Величество!», а жене скажешь: «Опять этот придурок...», то распечатка наутро окажется у вас...

Вот почему вы смотрите на них (на всех) ледяными глазами. Вы как хотите, а я не верю в искренность их похвал. Тут все очень просто. Когда вы были подполковником, многие уже были генералами и безусловно считали себя выше вас. Так любой генерал считает себя выше подполковника. Ведь он достиг, а подполковник — нет, и неизвестно, достигнет ли.

Сталин недаром вырезал всю ленинскую гвардию, всех генералов.

Ситуация вынудила вас врать нам и миру, что вы срочно убрали генпрокурора за хорошую работу и он будет назначен в соответствии с талантом. Но в спешке должность не придумали.

Значит, Устинов сделал что-то ужасное. Но народ даже не знает что.

На головы граждан валились три кита, распечатки разговоров Березовского и прочая старая грязь. Люди внизу, осыпавшие этой грязью, доверчиво поднимали голову и шептали: «Эта власть очищается».

...Надо было бы, наверное, закончить это письмо упреком. Мол, Устинов, конечно, покрывал и тех и этих, но не вы ли, Владимир Владимирович, покрывали его? Однако с тех пор, как вы недавно пожаловались на судьбу, с тех пор, как вы признались: «А что я вижу? Сижу в машине, как таракан в бронированной банке», — с тех пор многие испытывают к вам чувство жалости. (Интересно, что должно случиться, чтобы это чувство вы начали испытывать к нам?)

Конечно, за шесть лет любому надоест сидеть как таракан. Хотя «Ослы ему славу по нотам поют,/ Козлы бороною дорогу метут». Но, скажите, если эта должность так тягостна, зачем же рвутся туда ваши предполагаемые приемники?

Не понимают (по глупости), какая тяжелая работа им предстоит, или видят какие-то радужные личные перспективы? (Принесение себя в жертву Родине и народу даже не рассматриваю. По ним, по выражению их лиц, такого не скажешь.)

Что же ими движет? Жадность? Вдруг они почему-то думают, что вы — самый богатый человек в мире?

Тогда пожалуй, наверное, стоило бы людей, которых, не исключено, ждет ужасное разочарование.

Каково было людям, свято верящим в Сталина, узнать, что Величайший Гений Всех Времен и Народов оказался узколобым палачом.

Каково будет людям, если, к примеру, окажется, что президент, боровшийся с олигархами, каким-то образом разбогател так, что Биллу Гейтсу даже не снилось, или еще что-нибудь несутное. Жарко, Владимир Владимирович, вот и лезет в голову всякая ерунда.

30 июня 2006

Содержание

Предисловие	5
№ 1. «Письма президенту»	9
№ 2. Новая жизнь	14
№ 3. Кому хочу — тому даю	17
№ 4. По шпалам, блин...	21
№ 5. Каждому по пежо! — это угроза?	28
№ 6. Ищи-свищи. <i>Куда уходит народное мнение. И от кого?</i> ...	31
№ 7. Генералы и их яйца	36
№ 8. Поле чудес	42
№ 9. Ну-ка отними! <i>У чиновничьих льгот депутатская неприкосновенность</i>	45
№ 10. Была да сплыла честь родной армии	48
Признание президента. <i>Власть озвучила явку с повинной</i>	50
№ 11. Знай наших! <i>Купим за границей честных чиновников</i>	55
№ 12. За базар ответишь!	60
№ 13. Приехали	64
№ 14. Спаси и сохрани	69
№ 15. Агенты 006	80
№ 16. Давай поженимся!	84
№ 17. Страшное имя	88
№ 18. Лучше с умным потерять...	93
№ 19. Соврешь — порву!	96
№ 20. Нужные жертвы	99
№ 21. Кухарку уважаешь?	101
№ 22. Партийный кулачок	104
№ 23. Где деньги, Зин?	108
№ 24. Оглянись вокруг себя...	111
№ 25. Голый король	119
№ 26. Наплевать	124
№ 27. Собачья радость	128

№ 28. Власть — народу! И лучше — наличными	132
№ 29. Война и девочки	138
№ 30. Рабы на обочине	140
№ 31. Дурацкая работа	146
№ 32. Русские уходят	149
Сосать пустышку. <i>Чем полезна фальшивая оппозиция</i>	160
№ 33. Хлебнем для ясности	171
№ 33, часть II. Хлебнем для ясности	176
№ 34. Все там будем	177
№ 35. Козырная шестерка	180
№ 36. Маска, я тебя знаю!	185
№ 37. Великая фанера	189
№ 38. Дорога Сталина	196
№ 39. Сытый голодного не понимает	199
№ 40. Свои опаснее врага	203
№ 41. На правах рекламы	205
№ 42. Кошкины мышки	207
№ 43. По уши в волне	209
№ 44. Было наше — стало ваше. <i>Сказка ложь, да в ней намек! — добрым молодцам урок</i>	215
№ 45. Минное поле	219
№ 46. Не дай себе засохнуть	222
№ 47. Молчание — знак?	224
№ 48. Страна-малина	226
№ 49. Как мертвому припарки	230
№ 50. Ампутация совести	234
№ 51. Убийственный народ	237
№ 52. Жизнь суркова	240
№ 53. Ху из мистер Путин?	244
№ 54. Ты русский язык понимаешь?	250
№ 55. Родной товар	252
№ 56. Куски вертикали. Недорого	254
№ 57. Не бей своих... ..	260
№ 58. Гитлер взял Ленинград	262
№ 59. Мухи отдельно? Или вместе?	264
№ 60. Меньше народу — больше кислороду	267
№ 61. Хоть святых выноси	270
№ 62. Сезонное самоубийство	274
№ 63. Товар — дети — товар	277
№ 64. Любовь до гроба	280

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

**Минкин Александр
Письма президенту**

**Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.В. Демидова**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3**

**ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов**

